

ИСТОРІЯ

М. И. РОСТОВЦЕВЪ

ЭЛИНИСТВО И ИРАНСТВО НА ЮГЪ РОССІИ

ИЗД ~ ВО
„ОГНИ“

ПЕТРОГРАДЪ
I 9 I 8

М.И. Ростовцев

ЭЛЛИНСТВО И ИРАНСТВО НА ЮГЕ РОССИИ

**Москва
КНИЖНАЯ НАХОДКА
2002**

УДК 931(470+477.7)
ББК 63.3(2)
Р78

Серия основана в 2002 году

Дизайн серии И. Сибирмовской

Текст печатается по изданию: Ростовцев М.И. Эллинистическое и иранское на юге России. – Пг.: Огни, 1918. – 189 с.

Ростовцев М.И.

Р78

Эллинистическое и иранское на юге России / Вступ. ст., коммент. и примеч. А.В. Арсентьева. – М.: Издательский дом «Книжная находка», 2002. – 160 с.: ил. – (Колыбель цивилизации).

ISBN 5-94987-003-4

Книга известного русского ученого-антиковеда М.И. Ростовцева (1870–1952) посвящена истории древних народов, населявших территорию юга России: киммерийцев, скифов, меотов, синдов, сарматов и их взаимодействию с населением греческих городов и государств Северного Причерноморья.

Книга рассчитана на широкий круг любителей истории.

УДК 931(470+477.7)
ББК 63.3(2)

ISBN 5-94987-003-4

© А.В. Арсентьев, вступительная статья,
комментарии и примечания, 2002
© Издательский дом "Книжная находка", 2002

М.И. Ростовцев и его взгляд на древнюю историю юга России

Имя выдающегося русского ученого Михаила Ивановича Ростовцева (1870–1952) мало известно широкой публике, несмотря на то, что заслуги его перед мировой исторической наукой несомненны. Именно Ростовцеву принадлежит центральная роль в становлении социально-экономического направления в антиковедении, магистрального для всего XX века. Своими капитальными трудами «Социальная и экономическая история Римской империи»¹ и «Социальная и экономическая история эллинизма»², созданными в годы эмиграции, ученый по праву заслужил репутацию нового Моммзена.

Профессор Петербургского университета (1901–1918), член Берлинской (1914) и Петербургской (1917) академий наук, основатель отдела археологии в Эрмитаже, М.И. Ростовцев родился 28 октября (9 ноября) 1870 года в Житомире, в семье учителя гимназии. Интерес к классической древности, проявившийся у Ростовцева еще в юности, предопределил его специализацию во время учебы на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Здесь его наставниками стали такие выдающиеся ученые, как академик Н.П. Кондаков, разработавший метод иконографического анализа, видный исследователь и популяризатор древнегреческой и латинской культуры профессор Ф.Ф. Зелинский, основатель нового для России эпиграфического направления Ф.Ф. Соколов, филологи-классики И.В. Помяловский и П.В. Никитин, а также В.К. Эрнштедт, крупнейший специалист в области греческой палеографии. Благодаря им Ростовцев не только овладел глубокими знаниями и ценными навыками, но и приобрел чувство вкуса к историческим древностям.

Энергия и работоспособность молодого ученого в полной мере проявились в годыграничной стажировки (1895–1898). В это время он проводит изыскания в странах Европы и Средиземноморья, Алжире и Тунисе, сотрудничает с рядом видных европейских специалистов, часто публикуется в зарубежных изданиях. Основным направлением его исследований становится социально-экономическая история Римской империи и эллинистического мира, при этом сфера научных интересов ученого была достаточно широкой. Откупная система и административное управление, торговые и аграрные отношения, картина жизни древнего римского города – вот лишь некоторые темы, разрабатываемые Ростовцевым.

¹ Rostovtzeff M.I. *The Social and Economic History of the Roman Empire*. – Oxford, 1926.

² Rostovtzeff M.I. *Social and Economic History of the Hellenistic World*. Vol. I–III. – Oxford, 1941.

Вернувшись в Петербург, Ростовцев продолжает активную и плодотворную работу. Уже вскоре он становится одним из самых авторитетных отечественных историков античности. Он много печатается (причем работы его почти сразу же переиздаются за границей), внимательно следит за всеми появляющимися отечественными и зарубежными трудами по антиковедению и откликается на них глубокими, нередко суровыми рецензиями, редактирует русские переводы крупнейших трудов западных ученых: Б. Низе, Р. Пельмана, Ф. Баумгартена, Ф. Поланда и Р. Вагнера, успешно занимается преподавательской деятельностью. А.Ф. Керенский позднее вспоминал: «Нас буквально завораживали его рассказы о жизни греческих городов, процветавших на берегах Черного моря задолго до рождения Руси. Его лекции об этой дорусской цивилизации на юге России подтверждали вывод о том, что истоки демократии Древней Руси уходили вглубь истории куда раньше, чем считалось ранее, и что существовала определенная связь между ранней русской государственностью и древнегреческими республиками».

Тема античного юга России стала важным направлением научной деятельности Ростовцева. Его работы в этой области, также довольно многообразные, посвящены государствам и городам Причерноморья (Херсонесу, Хараксу, Ольвии), вопросам монархической власти в Скифии и Боспоре, изобразительному искусству, архитектуре и т. д. В них, начиная с ранних публикаций¹ и заканчивая такими фундаментальными трудами, как «Античная декоративная живопись на юге России» (СПб., 1913–1914) и «Скифия и Боспор» (СПб., 1925), показана стройная картина тесной связи двух культур – восточно-эллинской и скифско-сарматской.

Свои изыскания в данной области Ростовцев обобщил в работе «Эллинство и иранство на юге России», увидевшей свет в 1918 году, накануне его эмиграции. В этой монографии, написанной в форме популярного очерка, ученый рассматривает историю народов, населявших территорию Северного Причерноморья: киммерийцев, скифов (их Ростовцев, как и большинство исследователей, считает одной из ветвей иранских племен), меотов, синдов, сарматов и их контактов с пришедшими сюда позднее греками. По его мнению, самобытность скифо-сарматской культуры сыграла важную роль в формировании на Боспоре социально-политической и культурной системы по совокупности достижений во многом предвосхитившей свое время. Наследниками же этих достижений Ростовцев видит славянские племена, тем самым вплотную подходя к сложной проблеме взаимодействия Востока и Запада и показывая принципиальную возможность интеграции двух различных культур.

Думается, что каждый, взявший в руки эту книгу, оценит талант историка, неизменно проявлявшего высочайшее мастерство оперирования многочисленным и разнообразным историческим материалом, как письменным, так и археологическим, и блестящие способности к его анализу и интерпретации. Редакция со своей стороны постаралась донести до читателя неповторимый слог автора, в то же время приведя публикуемый текст в соответствие с современными орфографическими и пунктуационными нормами.

А. Арсентьев

¹ См., например: Ростовцев М.И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове // Журнал Министерства народного просвещения. – 1900. – № 4; Он же. Митридат Понтийский и Ольвия // Известия Археологической комиссии. – 1907. – Вып. 23; Он же. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // Известия Археологической комиссии. – 1911. – Вып. 40.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы чрезвычайно мало знаем и очень мало интересуемся нашим прошлым, особенно тем прошлым, которое не кажется, на первый взгляд, связанным с нашими судьбами.

А ргоіі непонятно и не может быть понятно, какая может быть связь между эллинами и иранцами, сидевшими на юге России в эпоху, когда о славянах и русских мы ровно ничего не знаем, с нашей историей и нашей культурой.

Между тем эта связь, связь не этнографическая и не политическая, а культурная, связь преемственности, имеется и определяет собою культурные особенности жизненного уклада того, что позднее сделалось Россией, в наиболее ранние эпохи существования этой части культурного мира.

Для того чтобы иметь право поставить этот вопрос, имеющий огромное значение для нашей истории и для истории человечества вообще, надо, прежде всего, знать политические и культурные судьбы эллинства и иранства, главнейших носителей древнейшей культуры на пространстве России.

Судьбы эти нам известны очень плохо. Во-первых, потому, что огромный накопленный материал не только не изучен, но даже не приведен в систему. Во-вторых, потому, что в основу изучения не кладется единственно правильная точка зрения.

Эллинство и иранство на юге России изучались всегда отдельно одно от другого или в чисто механическом соединении и притом эллинство почти вне связи с античным миром вообще, иранство – вне связи с историей всего огромного иранского мира и тесно связанных с ним областей.

В предлагаемом очерке я стараюсь как выяснить сделанное в области изучения материала, внося и свою посильную лепту, так и поставить это изучение в правильную связь, связать историю юга России с историей античного мира вообще.

Путь, которым я пришел к моей концепции, изложен в многочисленных моих статьях и книгах о юге России; в общей форме, с приведением всего материала, этот путь намечен в печатающейся большой книге моей «Исследования по истории Скифии и Боспора».

Более чем кто-либо я сознаю, что много и много еще осталось сделать в области изучения юга России. Перечислять все неосвоенное здесь не место. Поэтому и выводы мои, в значительной своей части, – гипотезы. Считаю их, однако, необходимыми, так как без них дело исследования не сдвинется с мертвой точки.

Чем больше хорошо подготовленных людей возьмется за изучение юга России, тем лучше. Количество нужных рабочих сил огромно. Может быть, моему очерку суждено привлечь хотя бы некоторое количество необходимых сил к большому делу.

Вопроса о связи юга России в эллинский и иранский период с прилегающими областями и вопроса о дальнейшей переработке воспринятых элементов я в этой книге не касаюсь. Выяснение этого вопроса – дело будущего.

Но без его выяснения дело изучения древнейшей истории России не подвинется. Это мое глубокое убеждение.

Книгу свою я иллюстрировал наиболее важными и типичными, на мой взгляд, памятниками. Количество иллюстраций можно было бы умножить до бесконечности: так богат и обилен материал. Это надо помнить, читая мою книгу.

М. Ростовцев
Петроград, 25 мая 1918 г.

**РОЛЬ ЮГА РОССИИ
В ИСТОРИИ МИРОВОЙ
КУЛЬТУРЫ**

Степи юга России, широко раскинувшиеся от Дуная и вплоть до предгорий Урала, к северу от Черного моря, Кавказа и Каспийского моря, сыграли в культурно-историческом развитии человечества немаловажную роль.

Строение местности и географическое положение в значительной степени предопределили эту роль. Степи юга России, частью богато поросшие травой, частью покрытые лесами и перелесками, особенно по многочисленным типичным для юга России балкам и оврагам, доходят до самых берегов Черного моря. Северное побережье Черного моря, за исключением южного берега Крымского полуострова, и все побережье Азовского моря – сплошь степное. Тесно связанная с морем южнорусская степь перерезана рядом могучих рек, каждая с широко развитою системою притоков: Днестр, Буг, Днепр, Дон, наконец, Волга и Урал. Между Черным (с Азовским) и Каспийским морями степи подходят к Кавказскому горному хребту; на западе они тесно связываются с могучим Дунаем и его бассейном; на востоке сближаются с предгорьями Урала и сливаются с прикаспийскими, приаральскими и южносибирскими степями; на севере они составляют одно неразрывное целое со всей центральной и северной Россией.

Этим область южнорусских степей поставлена была в ближайшую связь с рядом важнейших центров культурного развития древнего мира. Она была, прежде всего, естественным продолжением могучего иранского культурного мира, определяющего собой культурную физиономию прикаспийской и приаральской Азии и тесно связанного с культурным миром Месопотамии.

Через Кавказ южнорусские степи находились в ближайшем и теснейшем общении с творческой культурой и государственностью Малой Азии и Закавказья, создавшей последовательно ряд мощных мировых держав: Митанни на востоке и Хеттское царство на западе, позднее (в IX–VIII вв. до Р. Х.) закавказское Урарту, Халдское, или Ванское царство, с центром у Ванского озера. Здесь родилась и упрочилась своеобразная и самостоятельная цивилизация, определившая на долгий ряд веков культурное будущее малоазийского мира.

Эти области в науке принято обозначать именем «алародийских», автором которого является Геродот, или, по новейшей созданной в России терминологии, библейским именем «яфетических». Как показывают новейшие лингвистические открытия, «алародийцы», или «яфетиды», более близко связаны, может быть, с арийцами Западной Европы – кельтами и италиками, чем это мы предполагали до сих пор.

С этим миром, имевшим огромное значение в истории нашего юга, южнорусские степи соединяло и Черное море: южное его побережье, заселенное сплошь племенами алародийской ветви, стоит в неразрывной связи с глубоко вдвинутым в Черное море Крымом, главным образом, с его гористым южным берегом. Превосходные гавани южного побережья Крыма всегда были и не могли не быть широко открытыми воротами для культурных влияний, шедших из таких же прекрасных гаваней южного побережья Черного моря: Трапезунта, Гераклеи, Синопы, Амиса. Крым же, со своей стороны, является южным выдвинутым в море форпостом южнорусских степей.

Не менее прочны и неизбежны были, однако, связи южнорусских степей с Западом. Если на востоке южнорусские степи неотделимы от степей Западной Азии, то на западе они доходят до берегов Дуная и его притоков и этим ставятся в тесную и неразрывную связь со всем югом Средней Европы и севером Балканского полуострова, т. е. со всей той европейской так называемой доисторической культурой, самостоятельность и высоту достижений которой ярко доказали новейшие работы по доисторической археологии Европы.

Ближайшим образом юг России соединен как раз с тою частью Западной Европы, которая дала в области доисторического творчества наибольшее количество оригинальных и творческих достижений, со сферой распространения так называемой керамики спирали и меандра, определяющей собой наиболее пышный расцвет новока-

менного и медно-каменного века в Западной Европе. Эта связь со Средней Европой косвенно соединяет южнорусские степи и с греко-латинским миром постольку, поскольку Дунай и его притоки доходят своими верховьями почти до берегов Адриатики и Эгейского моря.

Не этот путь, однако, привел степи юга России в ту ближайшую связь с эллинским миром, которая, как и связь с Востоком, наложила свою печать на культурную физиономию юга России. Этой тесной, многовековой и неразрывной связью южнорусские степи обязаны были Черному морю, берега которого, по существу, составляют продолжение Средиземноморского побережья, как азиатского, так и европейского. Естественные каналы, Дарданеллы и Босфор, и ласкающее Мраморное море были широко открытой дорогой из Средиземного в Черное море, давая приют мореплавателям в ряде превосходных гаваней, цепь которых продолжается затем и по всему северному и южному побережью Черного моря: на юге – ряд превосходных горных бухт, на севере – устья больших рек и ряд единственных в своем роде гаваней Крыма.

В силу всех вышеуказанных связей и в силу своей структуры, степи юга России объединили в себе все названные выше, определяющее мировое развитие, культурные струи, взаимодействие которых создало тот культурный облик степей юга России, выяснению основных признаков которого посвящается эта книга. Самостоятельным и творческим центром культурного развития южнорусские степи сделать не могли. Слишком широко открыта была дорога по этой широкой равнине для передвижения крупных масс населения с востока на запад и с запада на восток, чтобы возможно было здесь устойчивое, длительное и самостоятельное развитие. Степи с их роскошными травами всегда манили к себе конных кочевников, движения которых с востока на запад не могли задержать даже могучие реки, зимою покрывающиеся льдом. Между тем с севера и с юга движению в эти стороны поставлены были непреодолимые преграды: с юга – моря и Кавказ, с севера – леса и болота центральной России. Создавался как бы широкий степной коридор, связывавший Азию и Европу.

Но сам по себе этот коридор давал такие преимущества поселенцам, которые заставляли движущиеся массы подолгу задерживаться в нем и употреблять все усилия, чтобы удержать и укрепить

его за собой. Роскошные пастбища, легко превращавшиеся в тучные поля и нивы, достаточное количество леса для построек и топлива, могучие легкосудоходные тихие реки, необычайно богатые рыбой и связанные с морем, легкое получение металлов из соседнего Кавказа и Урала, огромный запас пушнины, сплавлявшейся по рекам из Средней России и спасающий от лютых подчас морозов, – все это привязывало поселенцев к этой благословенной стране и заставляло их пытаться создавать здесь сильные государственные образования.

Обеспечить их прочность было, однако, нелегко. Естественных, легко защищаемых границ ни на востоке, ни на западе не было. Удерживать сильное движение сплоченных масс было поэтому делом трудным, а подчас и неисполнимым, особенно если приходилось бороться на два фронта. На юге море, незнакомое и чуждое степнякам и кочевникам, давало возможность развиваться крепким и богатым городским поселениям пришлых эллинов. Завоевательное движение на север конным степнякам было не под силу, а между тем реки открывали широкую дорогу северянам для движения на юг, к берегам южного моря.

В силу всех этих причин государственные образования в степях юга России, регулярно появляющиеся и существующие иногда по нескольку столетий, не могли быть прочны, тем более что у них не было и естественного центра. Но они от времени и до времени могли спланиваться и утверждаться и в эти промежутки создавать очаги оригинальной и интересной культуры, где, по необходимости, смешивались культурные достижения Востока, эллинства и Запада.

Эта смешанная богатая культура этап за этапом шла на север по великим водным путям и здесь оплодотворяла местные начатки культурной жизни, сочетаясь с встречными течениями, шедшими с севера и, главным образом, с северо-запада. Этот непрекращающийся поток для истории русской культуры есть явление первостепенной важности, определяющее собою культурное развитие России и делающее историю степей юга России составной частью истории России вообще, без которой история России нами никогда понята и оценена не будет.

Но этим роль степей юга России не исчерпывается. Одно за другим культурные государственные образования южных степей России под напором могучих волн движущихся с востока народных

масс проталкиваются все далее и далее на Запад и здесь вливаются в море средневропейской культуры, насыщая его новыми и творческими элементами.

Этим культурная история южнорусских степей входит в историю культуры Западной Европы и требует к себе самого пристального внимания. Без ее изучения многое в истории Западной Европы останется навсегда загадочным и непонятым.

Задача историка культурной жизни степей юга России сводится, таким образом, к выяснению роли отдельных факторов намеченного развития. Среди них первое место принадлежит греческим городам, укрепившимся на побережье Черного моря, особенно Пантикапею, единственному из этих городов создавшему прочную державу, в которой греческий и местный элементы органически слились и создали оригинальный государственный и культурный облик Боспора. Наряду с греческим элементом, вторым определяющим фактором являются элементы «алародийский» и иранский.

Древнейшим из нам известных прочным государством в степях юга России была, несомненно, Скифская держава, просуществовавшая здесь непрерывно ряд столетий. Как ни разрешать вопрос о национальности скифов, считать ли их чистыми иранцами, или чистыми туранцами (последнее вряд ли кем-нибудь теперь будет отстаиваться), или, наконец, что наиболее вероятно, смешанным племенем кочевников, куда входили прежде всего иранские, затем туранские, а, может быть, и другие этнические элементы, несомненно, что этот народ в культурном отношении всецело связан с Востоком, т. е. с той культурой, которая царил в области распространения алародийских и иранских племен и один из аспектов которой нам хорошо известен по вещественным памятникам, религии и государственности великого Персидского царства. Иранская культура в эпоху ее проникновения на юг России носит уже смешанный характер, причем чужое в этой культуре как восточное, так и греческое легче отделяется и выделяется, чем, несомненно, имеющееся в наличности местное и самобытное.

Та же иранская культура в более поздней стадии ее развития представлена нам и памятниками отдельных сарматских племен, постепенно вытеснивших и заменивших в степях юга России скифов, причем, однако, это вытеснение не было ни окончательным, ни полным.

Наконец третьим, хуже других известным и труднее всего определимым фактором является элемент средневропейский, роль которого не следует недооценивать. Новейшие исследования всё ярче и ярче указывают на крупное значение, которое имел этот элемент, как та база, на которую наслонилась как греческая, так и иранская культура. Несомненно, что и в эпоху господства греко-иранской цивилизации на юге России западные влияния проникали в этот мир и сильно влияли на общий характер культуры, главным образом, западной части южнорусских степей.

**ЮГ РОССИИ
ДО НАЧАЛА
ГРЕЧЕСКОЙ
КОЛОНИЗАЦИИ**

Первые исторические сведения о степях юга России мы получаем, как и для всего античного мира, частью из документальных источников, сообщающих нам некоторые факты из истории великих царств Тигра и Евфрата, частью из легенд, мифов и исторических преданий, сохранных нам греческой литературой и отражающих те сведения о южнорусских степях, которые доходили до греческих городов Малой Азии и Балканского полуострова. Дополнением и иллюстрацией этих свидетельств являются данные археологические, частью добытые путем систематических или случайных раскопок древних погребений и остатков жилых поселений на пространстве юга России, частью найденные случайно и использованные с научными целями при посредстве систематического сопоставления с данными, полученными при раскопках.

Первый разряд свидетельств начинается с момента появления на юге России иранских и греческих выходцев, т. е. относится ко времени не ранее VIII–VII вв. до Р. Х., второй позволяет нам заглянуть в более отдаленное прошлое и связать его так или иначе со сведениями литературными.

Здесь не место давать подробный анализ данных, добытых археологией. Это потребовало бы долгих и специальных изысканий, которых никто не станет искать в книге, пытающейся дать сводку более или менее твердо установленных фактов. Отмечу только, что систематические исследования в этой области едва начаты и твердых положительных выводов, основанных на сравнительном изучении всего материала, в связи с аналогичным, частью хорошо обслед-

дованным материалом Западной Европы и с совершенно еще не изученным материалом, добытым в граничащих с югом России к северу и востоку областях, мы почти не имеем.

Древнейшие археологические данные, которые можно связать с позднейшими литературными свидетельствами и одновременным им археологическим материалом, относятся на юге России к эпохе так называемого неолита, т. е. новокаменного периода, периода гладких полированных каменных орудий, и притом к более позднему неолиту, граничащему уже с эпохой появления медных и древнейших бронзовых вещей, т. е. к так называемой эпохе энеолита – медно-каменного периода.

В это время появляются, в больших массах, курганные погребения, содержащие под курганом костяки в скорченном, «утробном» положении, лежащие на боку и по частям окрашенные в красную краску. При них находят некоторое количество вещей обихода, главным образом, глиняных сосудов и в несколько более поздних погребениях скудный и однообразный ряд медных, бронзовых и костяных поделок.

Эти погребения ни в коем случае не могут считаться особенностью специально юга России: они разбросаны на широком пространстве как в Западной Европе, так и по всему бассейну Средиземного моря и далеко за его пределами. На юге России эти погребения существуют вплоть до начала исторических времен, т. е. вплоть до эпохи железного века, времени появления железного оружия, почти совпадающего с эпохой проникновения на юг России иранцев или иранской культуры и эллинов.

За этот огромный промежуток времени самый способ погребения остается неизменным, но меняется как форма подкурганного погребального сооружения, так и характер погребального инвентаря. Древнейшие подкурганные могилы – ямы в материке сменяются погребальными комнатами, склепами или пещерами в материке же, еще позднее появляются деревянные срубы в материке, на материке или в насыпи кургана или же простые ямы в насыпи. Погребальный инвентарь также переживает ряд последующих стадий развития. Старые исконные формы посуды и предметов обихода изменяются как вследствие органического развития, так и под влиянием соседних, более богатых и более развитых культур.

Весьма вероятно, что мы имеем дело с исконным постоянным населением юга России, жившим здесь в течение ряда столетий, может быть, начиная уже с третьего тысячелетия до Р. Х., и постепенно менявшим уклад своей жизни. Можно думать, что первоначально это были скотоводы, ведшие кочевой или полукочевой образ жизни и постепенно переходившие к более прочной оседлости и к занятию, наряду со скотоводством, земледелием.

Сильнейшее влияние на жизнь и быт этого населения на восточной и западной окраине степей юга России оказали два могучих культурных очага, разгоревшиеся ярким пламенем, главным образом, в течение второго тысячелетия до Р. Х.

Один из таких очагов соседствовал с южнорусскими степями с запада и захватил своим восточным краем всю западную часть южной России, главным образом, Бессарабию, Подолию и Киевщину. Это область распространения многоцветной (полихромной) керамики, в украшении (орнаментации) которой преобладают геометрические орнаменты спирали и меандра, но которой не чужда и натуралистическая стилизованная орнаментация с мотивами из области изображения животных, растений и даже человека. Особенностью этого культурного очага является широкое распространение глиняных своеобразных статуэток животных и людей, причем последние иногда изображаются в богатом уборе, исполненном мелкой штриховкой и красками.

Очень типичны и характерны в высокой степени своеобразные, может быть, погребально-сакральные сооружения, представляющие теперь, когда заступ археолога снимает с их разрушенного остова пласт чернозема, площадки с убитым и обожженным глиняным помостом, наполненные, главным образом, массами битой и целой посуды и упомянутыми выше глиняными статуэтками животных и людей. Первоначально это были, вероятно, сооружения в форме глинобитных жилищ, служившие местом сожжения, погребения и погребального культа покойников.

Здесь не место входить в рассмотрение сложного и трудного вопроса о характере и назначении вышеотмеченных сооружений, об их отношении к погребениям и жилищам соорудившего их населения. Не могу я говорить и о ряде связанных с особенностями названной культурной области проблем общего характера: об отношении одной к другой отдельных областей распространения так называемой кера-

мики спирали и меандра, об относительной хронологии отдельных групп и их связи с соседними культурами средней Европы и Балканского полуострова, о связи этой культуры с культурой островов Эгейского моря, и особенно с культурой Крита и связанных с ним областей, наконец, об отношении этой культуры к тому или иному из заселявших Европу и Балканский полуостров в более позднее время племен. Все эти вопросы разрешаются наукой самыми разнообразными способами и дали повод к возникновению ряда широких и остроумных гипотез, из которых ни одна не может считаться доказанной.

Для нас важно отметить, во-первых, необычайно близкое родство наиболее пышной и, вероятно, наиболее поздней многоцветной керамики восточных областей отмеченного культурного очага (рис. 1 и 2) с керамикой древнего Элама, добытой раскопками, произведенными в руинах древних Суз, сделавшихся позднее одной из столиц Персидской державы, родство до сих пор не объясненное, но указывающее на тесную связь названного очага, во всяком случае, в один из периодов его развития в одной из его областей, с древнейшими эпохами культурного развития позднейшего иранского мира.

Еще интереснее для нас то, что выше охарактеризованная культура, сосуществовавшая с гораздо более бедной и примитивной культурой погребений со скорченными и окрашенными костяками, имела на эту последнюю глубокое влияние. В несомненной связи с нею находится пышный расцвет культуры погребений со скорченными костяками в эпоху медно-каменного и раннего бронзового периода, главным образом, в бассейне Донца и Дона. Мы наблюдаем в это время и в указанной области появление совершенно новой, необычайно богатой многоцветной керамики, обычно находимой в погребениях типа погребальных склепов или пещер, погребениях, которые у нас принято называть катакомбами, хотя они и имеют мало общего с ранне-христианскими подземными массовыми погребениями Рима и Италии, обычно называемыми катакомбами.

Керамика эта примыкает к наиболее простым типам керамики спирали и меандра, т. е. к керамике с вдавленными и нарезными, а не живописными орнаментами (рис. 3), но отнюдь не является ее точной копией, а имеет самостоятельное оригинальное развитие (рис. 4

и 5). Особенно важно то, что эта керамика по водным путям доходит до центральной России, создавая здесь интересную и богатую культуру, выделяющуюся из общей массы бедных культурой погребений и стоянок того же времени центральной и восточной России (так называемая Фатьяновская культура). Мы наталкиваемся в вышеотмеченном факте на типичное и для будущего явление в культурной жизни юга России, на тесную связь этой жизни с богатой жизнью придунайской области, ближайшим образом родственной всей культурной эволюции средней Европы.

Еще интереснее, однако, другое явление. Если западная и средняя полоса степей юга России находится под сильнейшим влиянием бассейна Дуная, то на востоке, в местностях, прилегающих к Кавказу, главным образом на Кубани, где также царят погребения со скорченными и окрашенными костяками, мы встречаемся с не менее сильным и плодотворным влиянием блестящих юго-восточных культурных очагов, действие которых создает оригинальный культурный расцвет на Кубани в эпоху энеолита и раннего бронзового века. Эта культура, как и одновременная ей культура Донца, также влияет на культурную жизнь средней и восточной России, привнося в ее развитие ряд технических и художественных новшеств.

В современной науке, с каждой новой экспедицией в глубь Малой Азии, на верховья Тигра и Евфрата и в Закавказье, все более и более ярко вырисовывается образ великого алародийского, как его зовет Геродот, или хеттского, по имени государства, лучше других нам известного, культурного мира. Его творческая роль в истории культурного развития всей Малой Азии во втором и в начале первого тысячелетия до Р. Х., его влияние на образование и физиономию Лидийского и Фригийского царств, источников многих культурных достижений для греков-ионийцев, осевших на малоазийских берегах Средиземного моря, с каждым днем становятся все более ясными.

Не только в области политики, но и в области культуры, отдельные державы этого мира, имеющие ту же тенденцию к универсализму, которую мы наблюдаем и в истории Ассиро-Вавилонии и Египта, выступают как серьезная сила, конкурирующая как с Ассиро-Вавилонией, так и с Египтом.

Во втором тысячелетии главную роль в этом мире играет царство Митанни, ближайший сосед нашего Закавказья, и Хеттская

держава, с центром в Малой Азии. В конце этого тысячелетия и в начале первого руководящее значение переходит к сильному союзу племен, постепенно концентрирующихся около Урартского, Халдского, или Ванского царства, с центром в теперешнем Ване.

Одним из наиболее сильных факторов, способствующих силе и росту этих политических образований, надо считать богатство всех этих местностей металлами и специально железом, и ряд связанных с этим усовершенствований в области вооружения, которые дают войскам этих царств временное или длительное превосходство над ближайшими соседями, главным образом, ассирийцами. Решающее значение имеет появление в самом конце второго тысячелетия железного, все более совершенствующегося оружия, мечей и копий, значительно превосходящих, по мере развития, старое бронзовое и медное вооружение.

Я не могу здесь входить в подробное рассмотрение основ государственности, культуры и религии этого мира. Для нас важно отметить, что мир этот повлиял решающим образом на развитие культурной жизни как всего Кавказа, так и той части южных степей, которая примыкает к Кавказу, главным образом, к Кубанской области.

В целом ряде курганных погребений со скорченными и окрашенными костяками мы находим, наряду с обычным инвентарем, типичным и для других областей юга России, значительное количество вещей, свидетельствующих о широком проникновении в эти области металлов, главным образом бронзы, и о переработке этих металлов, может быть на месте, в предметы утвари и обихода, чуждые остальным областям сферы распространения погребений со скорченными и окрашенными костяками. Еще показательнее появление в сравнительно большом числе предметов из драгоценных металлов, золота и серебра. Часть этих предметов принадлежит к числу первоклассных художественных произведений, стиль и техника которых тесно примыкают к стилю и технике ранних произведений Хеттского царства, не совпадая, однако, с ними полностью.

В этом отношении особенно интересны две находки. Богатейшее погребение, открытое в Майкопе, и случайная находка в Старомышастовской станице. Золотые диадемы с розетками первого погребения (рис. 19), остатки найденного в нем погребального паланкина, украшенного на концах жердей внизу литыми статуэтками бы-

ков и золотыми массивными нашивными на полог паланкина бляшками (рис. 13–18), наконец, серия серебряных сосудов, из которых один украшен целой картиной пейзажного характера с рядом зверей, с изображением гор и рек (рис. 24 и 25), доказывают, что мы имеем дело с продуктами богатой и оригинальной культуры, с вещами, конечно, не местного производства.

То же впечатление оставляет и Старомышастовская находка с ее интересными низками литых золотых колец разных размеров и веса, может быть, служивших не только украшением, но и единицами обмена (рис. 21 и 22), с ее богатыми ожерельями из бус, напоминающими старейшие слои Трои (рис. 20), наконец, с диадемой, вполне аналогичной Майкопской, и статуэткой быка, аналогичного с майкопскими назначения, но иного стиля (рис. 23).

Тот факт, что эти находки не одиночны, а тесно связаны с находками других погребений Кубанской области, особенно с богатейшим погребением в дольмене, над которым насыпан был курган, в Царской станице, показывает, что мы имеем дело не со случайными предметами ввоза, а с длительным культурным влиянием алародийских государств, может быть, специально Митанни, постепенно перерождавшим жизнь этой части южнорусских степей и создававшим здесь иные условия культурной и, вероятно, социальной жизни. Не исключена возможность, что и на Кубани зарождалась под влиянием Закавказья более прочная государственная жизнь, создание и упрочение которой облегчалось богатством страны и близостью к морю.

Морским путем, может быть, доходили сюда и влияния старейшей докритской эгейской культуры, как можно судить по находке в одном кубанском погребении глиняных и алебастровых человеческих статуэток, находящихся себе ближайшую аналогию в таких же статуэтках эгейских островов. Кубанские находки связывают, таким образом, впервые степи юга России с историческими народами Востока, носителями великой культурной миссии. В данный момент мы об этих связях можем только гадать, но дальнейшее систематическое расследование Кубани, несомненно, расширит наши сведения и даст возможность построить более ясную схему эволюции древнейших культурных связей.

Дальнейшие судьбы юга России нам плохо известны. Вся богатейшая в Западной Европе эпоха развитого бронзового века на юге

России представлена только немногими случайными находками, не позволяющими судить о господствовавших в это время культурных связях.

Более ясной становится эта картина только с первым появлением на юге России иранцев и греков, когда в наших руках оказывается и обильный археологический материал, и кое-какие данные литературного и документального письменного предания. Литературный материал, правда, имеет форму легенд и преданий, переработанных греческой творческой фантазией, но имеются и кое-какие заметки исторического предания, хотя и запутанные, но, тем не менее, в связи с остальным материалом, способные пролить свет на первые шаги иранства и элинства на почве южной России.

**КИММЕРИЙЦЫ
И СКИФЫ**

Рассвет Халдского, или Ванского царства, распространившего свои пределы далеко в глубь Закавказья, падает на IX и VIII вв. до Р. Х. Халдам не удалось, однако, нанести решительный удар возродившейся мощи Ассирии и из положения нападающих победителей, одно время, казалось, сумевших объединить весь мир алародийской культуры, они переходят на положение обороняющихся и побежденных, только временно и вспышками выходящих за все суживающиеся и уходящие на север пределы Ванского царства в узком смысле этого слова.

Культурное влияние Халдской державы за Кавказским хребтом сказывается сравнительно слабо, но находка отдельных предметов, типичных для этой культуры, например, медных поясов с гравированными изображениями, в пределах Приднепровья показывает, что отблески этого влияния заходили далеко и что дальнейшее исследование может натолкнуть нас на памятники и группы памятников, которые дадут иное освещение этому пока еще темному вопросу.

Ослабление Халдской державы вызвано было не только борьбой ее с Ассирией. Как раньше, в эпоху первых шагов алародийской цивилизации, так и теперь, в эпоху ее увядания, серьезным политическим и культурным соперником ее является могучий иранский мир, посылающий в конце VIII в. до Р. Х. ряд завоевательных волн, одну за другой, как на север, к северным берегам Черного моря, так и на юг, в пределы Ванского царства и дальше в глубь передней Азии. Одновременно с волнами иранских завоевателей движется на запад по тем же приблизительно путям не сливающаяся с ними вол-

на завоевателей, которую как восточное, так и греческое предание обозначают именем киммерийцев (Гимирри в ассирийских источниках, Гомер – в Библии), называя северную и южную волны иранцев скифами.

Вопрос о взаимной связи киммерийцев и скифов чрезвычайно сложен и разно освещается как древним специально греческим преданием, так и современной наукой. Характерно, однако, что греческое предание, как и восточные документы, строго различают эти две волны, причем греческое предание настойчиво указывает на родство киммерийцев с фракийцами, выводя даже все движение киммерийцев не с востока, как это документально засвидетельствовано памятниками ассирийского исторического и религиозного предания, а с Балканского полуострова.

Эти настойчивые указания греческого предания позволяют видеть в них отголоски исторической истины и усматривать в киммерийцах не иранцев, близких родственников скифов, а выходцев с Востока, родственных фракийцам. С этими последними киммерийцы вошли затем в ближайшее соприкосновение как на Балканском полуострове, куда они проникли, двигаясь по степям юга России, так и в Малой Азии, куда в то же и несколько более раннее время перешел с Балканского полуострова ряд фракийских племен. Эти племена, двигаясь на юг, встретились на западном побережье Черного моря с волной киммерийцев, двигавшихся по южному берегу Черного моря из пределов Ванского царства.

Несомненным, во всяком случае, представляется, что киммерийцы не только прошли, но и длительно обосновались на северном берегу Черного моря, в степях юга России. Ряд географических имен, главным образом, в ближайшем соседстве с Керченским проливом, в древности называвшемся Боспором Киммерийским, в отличие от теперешнего Боспора – Боспора Фракийского, как например, поселение Киммерик (нынешний Опук?) и «Киммерийская переправа», или «Киммерийский брод» на Крымском берегу Керченского пролива и второй Киммерик в северной части Таманского полуострова показывают, что здесь, по всей вероятности, длительно задержалась часть племени. А рассказ Геродота о борьбе между киммерийской дружиной (царями) и народом (вероятно, покоренным населением), может быть недалеко от Аккермана, доказывает, что и с этим местом связывалось позднее имя киммерийцев, т. е., что киммерийская волна дошла на западе почти до Балканского полуострова.

Одновременно, вероятно, киммерийцы, сначала в союзе, затем в борьбе со скифами, прошли опустошительной волной и по Малой Азии. Событие, произведшее на всю Малую Азию глубокое впечатление и твердо упрочившееся в сознании населения, откуда оно проникло и в греческое историческое предание. Киммерийцы, несомненно, дошли здесь до Эгейского моря и в некоторых местах осели прочно: следы их находят, например, в Трое, древнейшая история Синопы на Черном море тесно связана с ними. Им не могла противостать ни Лидия, ни Фригия, и только через четыре поколения после их прибытия в Малую Азию при Гиге, царе Лидии, правнуку его Алиатту удалось обезопасить от них свое царство.

Будущему исследованию предстоит выяснить, удалось ли киммерийцам создать в Малой Азии более или менее прочное государственное образование, и определить, где находился его центр. Но уже давно отмечено, что в отдельных центрах Малой Азии, предание которых помнит о господстве над ними киммерийцев, с особой силой сохранилось и предание о грозных воительницах амазонках, центр державы которых находился у южного побережья Черного моря, на реке Фермодонте. Многие из этих городов, как, например, Синопа, мнили себя основанными амазонками и бережно хранили культ своих героинь-основательниц.

Интересно, что греческая легенда перебрасывает предание об амазонках и на берега Азовского моря, где, как мы видели, имеются все основания предполагать длительное присутствие и господство киммерийцев. Геродот считает их родоначальницами савроматов, племени, жившего на востоке от Дона, частью на берегу Азовского моря, и передает по этому поводу длинную легенду об амазонках Фермодонта, занесенных бурей на судах в Азовское море, о их высадке, враждебной встрече со скифами, перешедшей постепенно в брачные союзы со скифской молодежью и кончившейся выселением скифов и их жен амазонок в область, занятую позднее савроматами, потомками этих амазонок и скифов.

Предание об амазонках на берегах Азовского моря, об их связи с савроматами, несомненно, обусловлено тем, что ряд сидевших здесь в позднейшее время племен сохранил в своем строе исключительную роль женщин, выступающих не только как воительницы, но и как предводительницы и воинственные царицы целых племен.

Весьма заманчивым было бы, в виду этого, связать оба ряда данных и предположить, именно для киммерийцев, исключительную

роль женщин в их ратной и политической жизни и вывести отсюда греческие легенды о походах и завоеваниях амазонок, с которыми мы встречаемся не только в Малой Азии, но и в самой Элладе.

Точных доказательств для этого предположения привести, конечно, нельзя: мы не имеем ни достаточных литературных свидетельств о киммерийцах, ни их, более или менее, точных изображений (имеющиеся на восточных памятниках шаблонны, на греческих – недостоверны), ни остатков их языка. Все же, как их связь с фракийцами, так и их близость к амазонкам нам представляются весьма вероятными.

Не забудем, что греческое предание настойчиво связывает древнейшее население Крыма с фракийцами, специально с фракийцами острова Лемноса – синтиями или синтами, приписывая и им ту же выдающуюся роль женщин в политике, войне и религии, которая так характерна для племен, живших на берегах Азовского моря и на Тамани, одно из которых носило имя синдов. Что касается специально юга России, то в высшей степени характерно присутствие, как раз на Дону и в Пантикапее, некоторых явлений, говорящих о значительной роли фракийских элементов в жизни этих местностей.

Так, например, в высокой степени показательно, что на берегах Азовского моря, в позднейшем центре греческой торговой жизни Придонья – Танаисе, собственные имена многих танаитов показывают разительное сходство с фракийскими собственными именами и что в истории Боспорского царства с древнейших времен фракийский элемент играет чрезвычайно крупную роль. Вспомним, что родоначальник династии боспорских архонтов, Спарток, носит чисто фракийское имя. Наряду с этим отмечу, что амазонок греческое искусство изображает в костюме и вооружении, близких как к общевосточному, так и специально к фракийскому.

Вряд ли, наконец, только свидетельство Геродота сделало такими популярными амазонок в поздней краснофигурной и расписной (так называемой акварельной керамике), изготовлявшейся если не в Пантикапее, то, во всяком случае, главным образом для распространения в пределах Боспорского царства. Надо думать, что легенды об амазонках прочно вошли в сознание боспорцев и связаны были местной исторической традицией с ранней историей Боспора.

К сожалению, исследование некрополей и остатков населенных мест на берегах Азовского моря находится еще в зачаточном состоянии и потому мы не в состоянии сказать, оставили ли кимме-

рийцы вещественные следы своего длительного здесь пребывания. Не достаточно углубленным было и исследование местности у Керченского пролива, где богатые находки эпохи греческого заселения покрыли собой более ранние памятники, оставленные былыми господами этих областей.

Во всяком случае, ровно ни на чем не основано отождествление с киммерийцами погребений со скорченными и окрашенными костяками, обычное среди археологов, занимающихся прошлым юга России. Ни время этих погребений, ни их характер не дают никаких оснований для этого сближения.

Наряду с этой связью киммерийцев и фракийцев, связью, которую так ясно ощущали уже греки, мы не можем не отметить и тесной связи населения Тамани и Приазовья, где, несомненно, находился центр Киммерийской причерноморской державы, с великим алародийским культурным миром. Эта связь сказывается и в стиле и технике древнейших местных изделий из бронзы, сработанных в так называемом зверином стиле, о котором речь будет еще ниже, и особенно в религии. Культ великого женского божества столь же характерен для всего алародийского мира, сколь типичен он и для всего Приазовья и Тамани. Интересно, что и там, и здесь с этим кульгом тесно связано предание об амазонках, вооруженных служительницах верховного женского божества. Отмечу еще, что единственное посвящение великому женскому божеству и ее мужскому спутнику, найденное на Тамани и сохранившее местные имена этих божеств, дает этим божествам алародийские имена Астары и Санерга.

Все это позволяет думать, что киммерийцы, близкие родственники фракийцев, были одной из ветвей великого алародийского, или яфетического племени, последнею, после Митанни, хеттов и халдов, попытавшеюся создать мировую причерноморскую державу и упрочить господство алародийцев в северо-западной части восточного мира. Теми алародийскими элементами, которые вошли в состав греко-иранской культуры на берегах Черного моря и которые не сливаются ни с иранским, ни с греческим в этой культуре, степи южной России обязаны киммерийцам.

Твердо установленным и прочно запечатлевшимся в памяти и историческом предании надо считать факт вытеснения или покорения киммерийцев на берегах Черного моря еще более могучей волной пришельцев с Востока, носителей иранской культуры, скифов.

Произошло ли это одновременно с появлением скифов в пределах Ванского царства, т. е. в конце VIII и начале VII в. до Р. Х., точно не засвидетельствовано. Сближение этих двух рядов событий Геродотом могло быть результатом исторического построения, а не выводом из точно засвидетельствованных данных. Во всяком случае, в погребениях юга России волна предметов азиатского и иранского типа начинается значительно позже: самые ранние принадлежат времени не ранее VI в. до Р. Х.

Время появления скифов на юге России, таким образом, пока что точно не установлено. Не имеем мы сведений и об их борьбе с киммерийцами. Возможно, что некоторые воспоминания об этом запечатлены в рассказе Геродота о движении скифов на запад. Согласно его сбивчивому и неясному рассказу, скифы, столкнувшись с киммерийцами на северном берегу Черного моря, преследовали их, двигаясь на юг, причем на севере оставили каких-то своих рабов и своих жен. За время двадцативосьмилетнего отсутствия скифов их жены сошлись с рабами, произвели детей, и эти дети встретили вернувшихся скифов с оружием в руках в той части Крыма, которая примыкает к Керченскому полуострову. Анекдотический рассказ об укрощении скифами потомков рабов нагайками, может быть, и исходит от скифов, но реального значения не имеет.

Весь этот рассказ носит тот же характер, что и вышеприведенный рассказ о происхождении савроматов. Возможно, что в нем отражается история длительной борьбы скифов с киммерийцами, кончившейся не столько решительной победой скифов, сколько подчинением скифам ряда киммерийских племени или племен, покоренных киммерийцами и с ними слившихся, сидевших по обоим берегам Керченского пролива и Азовского моря. Племена эти – позднейшие синды, меоты и савроматы – сохранили известную самостоятельность и вошли в тесное общение со скифами, постепенно усвоив и их культуру, и даже их язык, очевидно не очень разнившийся от языка, на котором говорили указанные племена. Геродот определенно говорит о том, что савроматы говорят на диалекте скифского языка.

Сохранили они, однако, ряд особенностей быта, среди которых основной и наиболее поразившей греков было их подчинение управлению женщин (гинайкократия) и крупная роль, которую женщины играли в их военной жизни, что они, может быть, взяли, как было указано выше, от киммерийцев.

Во всяком случае, связать оба вышеприведенных рассказа Геродота с историей борьбы между скифами и киммерийцами заставляет меня и то обстоятельство, что вся борьба скифов и рабов, скифов и амазонок протекает как раз в тех местах, которые сохранили наибольшее количество воспоминаний о киммерийцах, причем о той же борьбе в той же местности свидетельствуют, кроме Геродота, и другие независимые от него источники, причем эти источники говорят о длительной борьбе скифов с фракийцами, одним из эпизодов которой был инцидент с рабами. Напомню, что мною было сказано выше о вероятном близком родстве фракийцев и киммерийцев.

Каков бы ни был, однако, ход борьбы скифов с киммерийцами, несомненно, что скифы не позже VII в. до Р. Х. прочно обосновались на всем северном побережье Черного моря: в Прикубанье, Придонье, в степной части Крыма, в Приднепровье и Прибужье. Волна их завоевательного движения прокатилась и дальше. В Румынии, главным образом, в Добрудже, в Болгарии, особенно же в Восточной Венгрии мы находим ряд погребений, и притом, во всяком случае, в Венгрии очень раннего времени (не позже VI в. до Р. Х.), содержащих типичные для скифских погребений юга России вещи. Напомню, что отдельные отряды завоевателей проникли и дальше на север: знаменитая находка в Феттерсфельде в Восточной Пруссии – набор обложенного золотом оружия и такого же конского убора скифского вождя – не может найти себе иного объяснения, является ли находка погребением или зарытым кладом, вещи – военной добычей или настоящей собственностью погребенного.

Как далеко заходила власть скифов на север и на восток, выяснить затруднительно. Несомненно, что течение Днепра и его притоков, вплоть до Киевщины и Полтавщины, находилось под их властью. Погребения этих местностей, в которых чрезвычайно силен восточный скифский элемент, определенно говорят об этом. По Дону мы находим такие же погребения, как только что упомянутые киевские и полтавские, вплоть до Воронежа. Гораздо менее часты погребения этого типа в Поволжье и в Оренбургских степях, хотя иногда они встречаются и там. За намеченные пределы непосредственное владычество скифов, несомненно, не выходило; вполне возможно, однако, что восточная и северная окраины находились только в вассальной зависимости от скифов, причем отношения эти распространялись и на ближайшие соседние скифам племена, о которых говорит Геродот.

Во всяком случае, несомненно, что все северное побережье Черного моря, включая и Керченский пролив, а также все Прикубанье входило в состав Скифского царства, хотя Геродот об этом и не говорит. Возможно, что при этом племена, сидевшие по берегам Азовского моря и на Тамани – савроматы, синды и другие – пользовались известной долей самостоятельности и поэтому Геродотом в состав Скифского царства не включены.

В течение VII и VI вв. до Р. Х. Скифская держава не только сформировалась путем завоевания, но и сорганизовалась и установила регулярные отношения с соседями. Главными ее противниками были балканские фракийцы, у которых она постепенно вырывала одну область за другой. Постепенное упрочение Скифской державы, сделавшее возможным установление регулярных торговых отношений с соседями, поднимавшаяся благодаря этому упрочению производительность самой подвластной скифам страны и подчиненных скифам, ими покоренных, племен должны были привлечь к побережью Черного моря особое внимание эллинов, особенно малоазийских, уже давно знакомых с плаванием по Черному морю для сношений с его южным побережьем и с кавказскими гаванями и постепенно устанавливавших там свои торговые фактории. Об этом ясно говорят нам как греческие предания об аргонавтах, так и зависимый от этого предания рассказ «Одиссеи» о блужданиях ее героя в восточных морях.

Результатом этого было основание малоазийскими греками ряда колоний по северному берегу Черного моря, сначала рыболовных станций, которые постепенно развились в крупные торговые центры. Древнейшей из них была Ольвия на Бугском лимане, основанная милетцами. Немногим моложе были колонии теосцев, митиленцев и клазоменцев на Тамани и по рыбному Азовскому морю, из которых наибольшее развитие получили Фанагория и Гермонасса, а также милетские колонии на крымском берегу пролива – Пантикапей и Феодосия. Весьма вероятно, что некоторые из этих поселений связались с уже существовавшими населенными пунктами, которые предание сближало с киммерийцами. Одним из таких поселений надо считать Пантикапей, не греческое имя которого говорит о его существовании до появления в этой местности греков.

Греческая колонизация, надо думать, шла двумя путями. Более древний шел по южному побережью Черного моря, куда греков привлекала старая культурная жизнь этих местностей, и доходил до берегов Кавказа, а может быть, и до Керченского пролива и Азов-

ского моря. Более поздний и более трудный путь по западному и северному побережью создан, несомненно, в результате приобщения прилегающих областей к мировой культурной и торговой жизни, благодаря упрочению северной Скифской державы.

Появление греческих колоний на северном берегу Черного моря было решающим моментом в истории Скифской державы. Не случайность, что только с этого момента, т. е. с VI в. до Р. Х., мы встречаемся и на Кубани, и в Крыму, и по Днепру с целым рядом богатейших погребений скифских вождей, наполненных драгоценными предметами вооружения, культа и обихода, произведениями частью иранских, частью греческих мастеров. Таковы богатейшие погребения Келермесской станицы Кубанской области, Золотой курган около Симферополя, погребение в кургане около Томаковки на нижнем течении Днепра, знаменитый Литой курган, раскопанный Мельгуновым в конце XVIII в., около Елизаветграда, наконец, ряд погребений на среднем течении Днепра и в Роменском уезде Полтавской губернии, где особенно богат и интересен большой курган около хутора Шумейки Роменского уезда.

Ничего подобного для предыдущего долгого периода господства скифов в южной России мы не имеем, что, конечно, можно объяснить только влиянием все усиливавшегося греческого вывоза произведений южнорусских степей, необычайно обогатившего скифских царей и вождей.

Через греческие колонии северного побережья Черного моря скифская, прочная и могущественная, держава вступила, как и Персия, укрепившаяся на берегах Малой Азии, в тесное общение со всем культурным миром и вошла, как немаловажный фактор, в политическую историю того времени.

Но Скифия, конечно, не могла равняться с Персией ни по своей культурности, ни по своей государственности. Персия унаследовала от своих предшественников – Ассири-Вавилонии, алародийских царств, Лидии, Фригии, Финикии и Египта – старую и прочную государственность и культуру; через Малую Азию она вошла в тесную и непосредственную связь с эллинским миром, приведшую к попыткам включения эллинского мира в мировую персидскую державу. На этих базах создан ее пышный государственный и культурный расцвет. Скифы же, поскольку можно судить по единственному достоверному свидетельству об их государственности и культуре – свидетельству Геродота, остались и на

юге России преимущественно кочевниками, и государство их типичным государством конных кочевых наездников с сильной конной дружиной под управлением не ограниченного державного владыки-царя.

Их державу надо представлять себе организованной в типе позднейшего Хазарского царства или татарской Золотой Орды. Центр ее находился в царской ставке – укрепленном лагере. Около ставки группировалась сильная конная дружина, всегда готовая к наездам и набегам. В мирное время цари, князья и дружинники были владельцами больших стад и табунов, где черную работу исполняли подвластные им рабы или крепостные.

Части их державы искони имели оседлое земледельческое население. Такими частями надо считать Прикубанье, может быть, часть Придонья и Приднепровья. То же надо предполагать для местностей по Дунаю и его притокам. В Приднепровье и Прибужье скифы, несомненно, застали довольно густое сравнительно культурное население, жившее издавна земледельческим укладом. Это население сменило здесь в эпоху раннего железного века прежнее, также земледельческое население, так или иначе связанное с народностями, носителями вышеохарактеризованной культуры, определяемой керамикой спирали и меандра.

О высоте культуры этого населения говорит и их железное оружие, и их керамика оригинальных форм с нарезными орнаментами, заполненными белой краской (рис. 6–12), и, наконец, их большие укрепленные поселения, окруженные могучими валами в несколько верст в окружности. Характерно, что и эта культура связана, главным образом, с Западом, а не с Востоком.

Начиная с VII, главным же образом, с VI в. до Р. Х., в этот культурный обиход проникают все в большем числе восточные элементы, характерные для скифских погребений, и появляются курганы с могилами, где царит скифский обряд погребения и где большинство вещей имеет определенно восточный скифский характер. Это указывает на появление в Приднепровье и Прибужье нового, как видно по погребениям, господствующего класса населения.

Какие отношения установились между покорителями (конными кочевниками) и покоренными (оседлыми земледельцами), сказать трудно. Вероятнее всего, что местное население обложено было данью, т. е. принуждено было отдавать часть производимых им про-

дуктов завоевателям. Отношения эти вряд ли носили форму регулярной государственной подати, а скорее приняли характер зависимости тех или иных областей и поселений от скифских князей и династов с их вооруженной дружиной.

Обширная территория Скифского царства, конечно, не могла управляться из одного центра, вероятно, находившегося в степях между Днестром и Донцом. Сообразно с этим, мы слышим, что Скифское царство разделено было на три части с отдельным царем во главе каждой. Питающим центром для всех этих частей были уже упомянутые степи между Днестром и Донцом, населенные так называемыми царскими скифами; с ними одно целое составлял степной Крым.

Каковы были границы этого центрального царства и двух других, мы не знаем. Геродот дает разноречивые, по всей вероятности, малодостоверные сведения. Несомненно, однако, что, наряду с этими большими делениями, имелись и более мелкие подразделения на округа (Геродот называет их, как в Египте, номами). Отношения правителей этих домов к царям надо представлять себе, вероятно, как отношения вассалов к сюзерену.

Весь строй Скифской державы был, по всей вероятности, не централистическим, основанным на системе чиновничества, а военно-феодальным с сравнительно далеко идущей самостоятельностью отдельных частей.

Ясно, что такая держава не могла быть очень прочной и очень долговечной, не могла соперничать ни с Персией, ни с культурным греческим миром. Коренное же изменение ее строя в рамках данной национальности и при данных географических выше охарактеризованных условиях было невозможно.

Тем не менее, Скифская держава была крупным и серьезным государственным образованием с определенным стремлением к дальнейшей территориальной экспансивности, направленной, главным образом, на Запад, в пределы Фракии, что ставило ее в ближайшую и непосредственную связь с греческим миром.

Персия, определенно стремившаяся к мировому владычеству, объединившая около себя в течение VI века до Р. Х. все государства восточной культуры и начавшая свое поступательное движение по направлению к греческому миру, первым этапом которого было подчинение малоазийских греческих городов, находившихся в постоянной связи с Скифской державой, конечно, не могла не быть осведо-

мленной о росте и политических тенденциях Скифской державы, с которой она начала соприкасаться и на Кавказе, и на Балканском полуострове. Включение в состав Персидской монархии всего побережья Черного моря с его рядом греческих колоний, основанных подвластными ныне персам малоазийскими греками, было, таким образом, очередной задачей империалистической политики Персии.

Этим объясняется знаменитый поход Дария на Скифию в 513 году, начатый одновременно и на востоке, и на западе. Намерением Дария, несомненно, было пройти двумя армиями побережье Черного моря с востока и с запада и вернуться, в случае успеха этого предприятия, через Кавказ. Вряд ли он был хорошо осведомлен о трудностях этого похода и о длине пути. Но сама по себе задача, при соответственных приготовлениях, не была неисполнима.

Точных сведений о походе Дария мы не имеем. Рассказы Геродота и других наших источников скудны и фантастичны. Ясно, однако, что поход этот кончился неудачей. Дарию далеко вглубь Скифии проникнуть не удалось, хотя, по всей вероятности, некоторый удар скифской мощи он нанес.

Дальнейших попыток завоевания Персидская монархия, занятая Элладой, не делала. Скифы после ухода Дария продолжали свое поступательное движение на запад, дошли до фракийского Херсонеса и даже завязали дипломатические сношения со Спартой. Но победа греков над персами, колоссальный рост Афинской державы, активная политика Афин на севере Балканского полуострова и на всем побережье Черного моря, тесная связь, в которую Афины вступили с греческими колониями северного побережья Черного моря, остановили, очевидно, поступательное движение скифов, власть которых над греческими городами их царства, как видно, сильно ослабела.

Значительную роль в ослаблении Скифии сыграло и создание сильных государств в области распространения фракийского племени, которое могло теперь противопоставить скифам более организованное сопротивление.

Тем не менее, основы скифской мощи не были подорваны. В течение всего V и IV веков до Р. Х. Скифия продолжает быть сильным государством. В IV веке на Скифию посыпался, однако, ряд ударов. За это время, как мы увидим ниже, окрепла и расширилась Боспорская греческая держава на берегах Керченского пролива, из вассала Скифии сделавшаяся постепенно ее сильным соперником. Тут же в

Крым выросла другая греческая колония – Херсонес, опиравшаяся на могущественную поддержку понтийской Гераклеи, ее метрополии, и имевшая тенденцию держать в своих руках все западное побережье Крыма. Разбогатевшие и сильно эллинизированные племена на берегах Азовского моря (так называемые меоты) делались также внушительной силой. Наконец, в это же время начинают проникать в глубь Скифской державы новые иранские племена, которые греки называют общим именем сарматов,двигающиеся из оренбургских степей к западу как по направлению к Кавказу на Кубань, так и в обход Скифской державы с севера через Дон.

Наконец, на Балканском полуострове сложилась могучая Македонская монархия, которая, в лице ее основателей Филиппа и Александра, не могла не позаботиться об обеспечении своего тыла и для этого должна была показать свою силу скифам и, по возможности, ослабить их рядом ударов.

Критическим становится положение Великой Скифской державы в III веке до Р. Х. Все разлагающие ее силы на востоке продолжают действовать, сарматские племена нападают все энергичнее и решительнее, а, вместе с тем, на западе греко-фракийское царство Лисимаха, объединив Фракию, создает на месте разрозненных племен сильную державу, просуществовавшую достаточно времени, чтобы нанести тяжелые удары скифам.

Наконец, с севера появляется новый враг – кельты, врезывающийся между фракийцами и скифами и дошедший до берегов Черного моря.

Скифская держава, под влиянием этих новых факторов, слабеет и постепенно разлагается. Объединенным и все еще сильным остается только ее центр – в степях Крыма и в прилегающих степях между Днепром и Доном, но восточная и западная части державы разлагаются на ряд самостоятельных племенных государств – скифских, сарматских, может быть, даже кельтских, находящихся в постоянном движении и постоянно враждующих одно с другим.

Все-таки, центральная Скифия продолжает держаться. Сконцентрировавшись в Крыму и, как кажется, успешно обороняясь от напора сарматов с севера, она ведет в то же время, испытывая на себе сильнейшее греческое культурное влияние, упорную борьбу как с Боспором, так особенно с Херсонесом, как более слабым противником, который, тем не менее, запирает Скифии свободный выход к морю.

На первый взгляд может показаться странным, что это политическое разложение не влечет за собою материального обнищания и культурного упадка. Эпохой большого материального подъема Скифии был VI в. до Р. Х. Я уже указывал на богатейшие погребения этого времени. Прибавлю, что, наряду с этими державными могилами, мы имеем и в Приднепровье, и на Тамани, и на Кубани ряд других, дающих нам и дорогое железное и бронзовое оружие, вплоть до типичных иранских чешуйчатых панцирей, и богатые конские уборы, преимущественно уздечные наборы, и превосходную греческую глиняную посуду, частью аттических, частью малоазиатских фабрик.

Характерно, что эти древнейшие погребения, наряду с греческими ввозными металлическими предметами, по большей части изготовленными в малоазиатских мастерских первоначально западной Малой Азии, а затем по преимуществу Милета, содержат ряд вещей не только иранского обихода и вооружения, но и иранского, т. е. вернее персидского, по всей видимости, изготовления, во всяком случае, типично иранского стиля с его характерной смесью элементов различных восточных стилей. Наряду с этим, металлические предметы, главным образом, конская сбруя дают совершенно особый, так называемый звериный стиль, где фигуры и части фигур различных зверей постепенно переходят в орнамент и употребляются для заполнения известной плоскости целиком, путем ли придания фигуре зверя особой условной позы или сопоставления в геральдической или иной схеме двух или нескольких фигур, наконец, путем помещения одной фигуры за другой в ряд.

Этот звериный стиль резко разнится от звериного же греческого малоазиатского стиля, дающего отдельных животных и особенно часто животных, сопоставленных попарно, обычно в схеме нападающих одно на другое. В нем чувствуются, наряду со старой восточной традицией, элементы самостоятельного творчества, чуждого ассиро-вавилонскому и вообще семитическому миру. Важно отметить, что мы не видим рождения этого стиля на почве Древней Скифии и потому скифским этот звериный стиль можно назвать только условно; в Скифию он явился уже готовым. Ближайшие аналогии мы имеем в отдаленной древности в находках архаического Элама, родоначальника иранского искусства вообще. Весьма вероятно, что стиль этот составляет поздний отпрыск алародийского искусства, дальнейшее развитие которого после падения Хеттского и Ванского

царства нам плохо известно. Напрашивается мысль, что принесли его с собой на юг России киммерийцы, от которых его восприняли скифы, слившиеся с киммерийцами. Недаром же древнейшие образцы этого стиля мы находим на Тамани и на Кубани.

Наиболее блестящим примером типичного для VI и V вв. до Р. Х. погребального инвентаря, отражающим сложную физиономию скифской культуры этой эпохи, может служить погребальный инвентарь Келермесских погребений Кубанской области (рис. 26–35), находящий себе ближайшую аналогию в инвентаре Литого Мельгуновского кургана около Елизаветграда. Здесь мы имеем предметы греческой архаической западно-малоазийской торевтики, как серебряный ритон с гравированными украшениями (питьевой рог), серебряное золоченое зеркало (рис. 31) и золотую диадему (рис. 27); ирано-персидскую паноплию, особенно меч, украшенный в чисто восточном стиле рядом фигур, среди которых выделяются крылатые фигуры с крыльями в виде рыб (рис. 28), ряд восточных сосудов (рис. 30) и типичные части убора, инкрустированные янтарем в технике позднейшей перегородчатой эмали (рис. 32), кроме того, панцирь с прикрепленным на груди золотым изображением львицы (рис. 26); наконец, интересную боевую секиру, золотая обкладка ручки которой дает типичный образчик только что упомянутого звериного стиля (рис. 29). В других погребениях той же и родственных, почти одновременных, групп мы находим и типичные образчики украшений уздечного набора, трактованные в зверином стиле.

Очень важно указать на то, что в той же кубанской древнейшей группе курганов мы имеем предметы, связь которых с алародийско-хеттским или халдским культурным миром и с зависимой от него закавказской культурой несомненна. Я имею в виду бронзовые наколенники жердей погребального балдахина или навершия погребальных знамен и значков в виде голов различных животных (быков, мулов и т. п.) или в виде полых прорезных бубенцов с металлическими шариками внутри (рис. 33, 34). Ближайшие им аналогии мы находим только в хеттском мире, в гробницах Закавказья эпохи Халдского царства и в более поздних находках на Кавказе. То же нужно сказать и о некоторых серебряных и бронзовых частях конского убора, прорезных бляхах, вырезы в которых заполнены цветной, по преимуществу, черной мастикой.

Причины большого материального расцвета Скифии этого раннего времени были указаны выше. Открывшийся через греческие

колонии мировой рынок, зависимость греческих экспортных гаваней от Скифии, вызванный этим оживленный обмен с иранским Востоком, шедший по сравнительно безопасным большим торговым путям, дал скифским властителям большие богатства и позволил им обзавестись роскошными произведениями художественного ремесла связанных с ним и торговлей стран, применительно к потребностям их обихода.

Некоторое ослабление притока материальных богатств наблюдается в V в. до Р. Х. Гегемония Афин прервала оживленные сношения с Малой Азией и монополизировала торговый обмен для одних Афин, произведения которых были и менее ценны, и менее разнообразны, и менее приспособлены ко вкусам населения. Но эта гегемония длилась недолго. Уже в IV в. до Р. Х. старые пути открылись вновь и гробницы некоторых частей Скифского царства вновь наполнились массами в высокой степени ценных и художественных предметов.

Особенно пышно расцвели в это время ближайшие к Боспорскому архонтату местности, особенно Тамань и прилегающие части Прикубанья. Надо думать, что их расцвету значительно содействовала их эмансипация от Скифского царства и ближайшая связь с необычайно окрепшим Боспором. Группа так называемых Семибратних курганов в Прикубанье, курган Большие Близницы и целая серия родственных ему курганов на Тамани, ряд курганов около цветущего города Боспорской державы – Нимфея, несколько курганов около Пантикапея дают нам великолепные образцы греческих и малоазийских вещей V и IV веков и превосходные предметы местного, очень развитого и богатого звериного стиля, преимущественно частей конского убора.

Богатая культурная жизнь продолжается и в Приднепровье, где перерыва и даже ослабления культурной жизни не наблюдается. Разнится Приднепровье от Прикубанья только тем, что и теперь, как и в архаическую эпоху, царит главным образом ввоз из Ольвии, а не из Пантикапея, который в культурной жизни восточной части Скифии начинает играть все более и более видную роль.

В главном центре Скифской державы архаические курганы стоят особняком и очень малочисленны, курганов V в. почти нет, равно как и курганов первой половины IV в. Но во второй половине IV в. и, особенно, в первой части III в. начинается необычайно пышный расцвет, и весь облик культуры приобретает особый, очень оригинальный оттенок. Тот же характер в то же время носят и многие кур-

ганы Тамани, Крыма (особенно ближайших окрестностей Пантикапея), Прикубанья, Придонья и Приднепровья.

В эту серию входят наиболее богатые и прославленные в науке и истории искусства курганы. Наибольшее количество поразительно интересных вещей из золота и серебра дала недавно открытая Солоха из центральной Скифии и один из первых раскопанных курганов со скифским «царским» погребением Куль-Оба около Пантикапея.

В ближайшем соседстве с Солохой открыты однородные, одновременные и очень богатые курганные погребения в знаменитом Чертомлыке, в Александропольском кургане, в курганах Деевских и Серогозских, в первом Мордвиновском кургане около Черной Долины, в курганах около Рогачика и Большой Лепетихи и в целом ряде других. Ту же картину в Прикубанье дает богатейший Карагодеуашх, в Придонье ряд курганов в урочище Частые курганы около Воронежа и некоторые курганы около станции Елизаветовской в устьях Дона; в среднем Приднепровье знаменитый «Золотой» Рыжановский курган, курган около Новоселицы Липовецкого уезда и ряд других; в Полтавщине – ряд курганов огромного некрополя городища, расположенного около деревень Будки, Волковцы и Аксютинцы (рис. 36–54).

Все эти погребения отличаются, прежде всего, необычайным обилием золотых и серебряных вещей. Ножны мечей (рис. 37) и гориты (налучия и колчаны, соединенные в одно целое) для луков и стрел (рис. 36) обложены золотом или реже серебром, золотом украшены ручки мечей, древки и ремни нагаек, золотом обшиты головные уборы, одежда, пологи, покрывавшие погребенных, и ткани, которыми увешаны были стены (рис. 41–44); почти во всех погребениях находятся золотые, но чаще всего серебряные сосуды (рис. 108 и 115); золотом обтягиваются любимые в скифском обиходе – религиозном и светском – деревянные сосуды (рис. 11 и 12); золотом и серебром блещет конская сбруя, необычайно пышная и сложная, особенно уздечные наборы (рис. 38 и 40); богато украшены бронзой, серебром, золотом и слоновой костью погребальные колесницы-катафалки и деревянные резные и точеные гробы; золотые шейные гривны (рис. 39), браслеты и кольца украшают мужчин и женщин; масса ювелирных, часто очень тонких вещей сопровождает в гробницу женщин: ожерелья, серьги, браслеты, височные привески, кольца.

Это, однако, не ново. Почти то же мы наблюдаем и во многих погребениях архаического периода. Новым является иное. Ввоз из Средней и Малой Азии продолжается, но, наряду с ним, мы находим ряд предметов, изготовленных специально согласно вкусу, верованиям и потребностям погребенных скифов. Все эти вещи украшаются сценами, особенно близкими и понятными их покупателям. Наряду с орнаментальными сценами звериного малоазийского стиля и большими греческими сборными композициями из цикла греческих мифов мы находим ряд сцен совершенно чуждых Греции, жанровых и религиозных сюжетов, изображающих боевую и религиозную жизнь скифов в духе и схемах религиозной и героической скульптуры и живописи Малой Азии. Сцены приобщения знатных скифов к таинствам великого женского божества (рис. 52), сцены мистического гадания, религиозного братания (рис. 54) и борьбы, боя героя с его противниками, отдыха скифов после битвы (рис. 46 и 47) и торжественного собрания их перед сражением (рис. 48), наконец, знаменитая сцена ловли лошадей в табуне на великолепной серебряной Чертомлыцкой вазе (рис. 49 и 50). Укажу еще на сцену передачи царской власти верховным богом царю на ритоне из Карагодеуашха (рис. 51) и на изображение царя в его боевом уборе на золотой пластине пояса из одного Полтавского кургана (рис. 53).

Все это сделано в идеализованной и условной манере в духе греческого искусства, но с необычайно тонкой выработкой всех деталей быта, религиозного обряда и костюма, и притом носит совершенно особый отпечаток, незнакомый нам в произведениях греческой торевтики в Малой Азии и на материке. Тот же стиль и дух, который мы находим и в одновременных великолепных золотых и серебряных монетах Пантикапея.

Не может быть никакого сомнения, что весь этот ряд великолепных изделий идет из одного центра, и центром этим мог только быть Боспор, так близко стоявший к Скифии и так хорошо знавший ее религию и быт.

Как же объяснить себе, при политическом упадке Скифии, такой могучий материальный и культурный расцвет отдельных частей ее распадавшегося государственного организма? Ответ на это дает политическая история Боспора, о которой подробнее речь будет ниже. Здесь укажу только на то, что эмансипация Боспора от Афин и широкое открытие мирового рынка при Александре Великом и по-

сле него придали особую цену вывозимым из Боспора предметам, главным образом, сырью: зерну, рыбе, кожам, может быть, металлам и пушнине. Вместе с тем, все повышавшийся культурный уровень населения смежных с Боспором областей увеличивал и производительность страны, пока еще мало страдавшей от опустошительных набегов извне: враги с запада и востока пока еще только стучались в двери отдельных частей Скифии.

Важность приведенных данных заключается в том, что они иллюстрируют постепенный переход руководящей роли на юге России во всех отношениях к Боспорской державе, которой Скифия принуждена была уступить свое первенство.

В вышеприведенных строках я попытался свести в одну картину разрозненные данные, имеющиеся у нас о политической истории Скифии с присоединением того немногого, что нам известно об ее социальном и экономическом укладе. Несколько больше знаем мы о быте и религии скифов. Единственным нашим литературным источником здесь является Геродот. Очень трудно определить, в какой мере Геродот черпает свои сведения из литературных источников и в какой он лично слышал характеристику быта скифов из уст понтийских греков. Не может быть с достоверностью определено и то, был ли он лично в Ольвии или только беседовал с ольвийцами где-нибудь в другом месте. Несомненным представляется только одно, что лично жизни скифов он не наблюдал и что в его рассказе причудливо смешаны сведения, имевшиеся о скифах у ольвийцев и данные литературного предания, дававшие характеристику скифов или, может быть, даже кочевников вообще, а не специально жизни и быта скифов на берегах Черного моря. При этом надо помнить, что Геродот не стремится дать полной картины быта скифов, а нанизывает одно на другое ряд сведений, имевшихся в его руках.

В общем, характеристика Геродота вместе с некоторыми чертами, сообщенными нам в одном естественно историческом трактате VI в. до Р. Х., приписывавшемся в древности знаменитому врачу Гиппократу, дает нам ряд мотивов жизни скотоводов-кочевников, близко и хорошо известных каждому русскому, побывавшему в наших киргизских и калмыцких степях. Медленнодвигающийся кочевой табор; телеги-юрты, в которых живут, готовят пищу, нянчат детей женщины и куда для еды и на ночь приходят мужчины; стада баранов, овец, быков и коров, главным же об-

разом, лошадей; мужчины все время на конях, в степи, у стад и табунов или на охоте за зайцами или хищным, правда, немногочисленным зверьем; женщины постоянно в юрте и на телеге. Мясная пища, кумыс, как главный напиток, изредка сухая баня, нелюбовь к воде и мытью.

На всем этом нет необходимости подробно останавливаться, так как вся эта картина шаблонна и повторяется у всех кочевых народов, к какому бы племени они ни принадлежали.

Интереснее то, что сообщает нам Геродот об обряде погребения скифских царей и знатных скифов. Он рисует нам картину бальзамирования трупа; объезда с этим трупом, положенным на телегу или погребальный катафалк, подвластных царю племен, причем ритуал требовал от подвластных царю изуродования себя в знак траура, т. е. симуляции кровавых жертвоприношений; привоза трупа в местность Герры, где хоронились скифские цари; погребения его в яме и сооружения в этой яме из четырех копий рода балдахина; принесения в жертву манам царя и погребения вместе с ним одной из его жен, ближайших слуг царя и лошадей; положения в гробницу драгоценных вещей (золота, но не серебра и бронзы); насыпки над могилой большого кургана и, наконец, по прошествии года жестокой гекатомбы пятидесяти слуг и лошадей, чучела которых расставлялись перед курганом.

Все это, само по себе, очень вероятно и находит себе параллели в погребальных обычаях позднейших кочевников туранского племени. Но полного подтверждения в результатах многочисленных раскопок больших царских курганов рассказ Геродота не находит. А между тем мы имеем ряд курганов, довольно хорошо исследованных и распределяющихся на протяжении не менее трех веков, от VI до III в. до Р. X.

Не подтверждается, прежде всего, рассказ Геродота о большом общем кладбище скифских царей в Геррах. Царские погребения, даже в одной только области так называемых царских скифов, разбросаны на очень большом пространстве, причем наблюдается стремление не сгущивать больших курганов в одном месте. Создается впечатление, что для каждого царского погребения выбиралось высокое и открытое место на всем протяжении области расселения каждого отдельного племени.

Сам обряд погребения на протяжении трех веков значительно меняется. Меняется он не только в зависимости от времени, но и в

зависимости от места. Так, в Кубанской области в архаическое время мы имеем очень сложный, дорогой и кровопролитный обряд в общем, но не в подробностях сходный с описанным Геродотом. Погребальное сооружение значительно сложнее описанного Геродотом. Сооружался в огромной и глубокой яме большой шалаш-палатка из деревянных бревен, под шалашом помещался покойник, кругом, частью по уступам ямы, огромное количество принесенных в жертву лошадей (иногда несколько сотен), частью с богатым убором. Труп подвозился, вероятно, на колеснице-катафалке, над которой сооружался балдахин на четырех жердях, украшенных на верхних концах металлическими головами зверей или полыми большими бубенцами; все это обвешивалось колокольцами, которые играли видную роль и в упряжи лошадей. Целью было, очевидно, производить при погребении возможно больше шума, чтобы отогнать злых духов. Таких колесниц в погребальном cortege бывало, вероятно, несколько. Каждая была запряжена шестью лошадьми, первыми приносившимися в жертву. Погребения с царем большого количества его близких в кубанских курганах не установлено, но возможность этого вполне допустима, как и возможность погребения одной из жен. Сведения Геродота о бальзамировании трупа царя не подтверждаются: никаких следов этого ни в кубанских, ни в других царских курганах не отмечено. Не подтверждается и его указание на погребение с царем только золотых вещей. В могилах находят и бронзу, и серебро, в зависимости от того, в какой мере они вообще были в обиходе.

Надо отметить, что погребались цари кубанских скифов в полном вооружении, в богатой одежде, с большим количеством драгоценной утвари. Видную роль играли медные огромные котлы, о которых говорит и Геродот как о предметах житейского обихода скифов, с кусками туш жертвенных животных, и большие греческие глиняные амфоры, вероятно, наполненные греческим вином.

В общем, описанный обряд держится на Кубани и позднее с тем изменением, что в более поздних курганах деревянный шалаш в яме заменяется монументальным склепом из больших тесаных плит, крытым деревом.

Почти тот же обряд находим мы и в центре Скифской державы, в степях между Донцом и Днепром в IV–III вв. до Р. Х. Изменения наблюдаются только в подробностях. Изменяется, прежде всего, тип погребального сооружения. В погребальной яме не делают деревян-

ного сооружения, чаще же всего выкапывают в ее углах особые склепы, в которые и кладут покойников.

Обряд погребения остается в основах незыблемым. Восстановить его можно полностью, лучше чем для кубанских курганов. Везли погребаемого к месту его упокоения на колесницах с катафалками того же типа, что и вышеописанные. По прибытии совершалось жертвоприношение и тризна. Закалывали или резали упряжных лошадей погребальных колесниц и вместе с ними, может быть, и верховых. Убивали здесь же или в другом месте и слуг покойного, а также его жену, которых и погребали частью в одной могиле с царем, в разных склепах, частью – в особых могилах. На месте тризны и жертвоприношения разбивали колесницы-катафалки и сбрасывали в кучу или кучи их остатки, части конской сбруи, сосуды, котлы для мяса и т. п. Лошадей погребали в особых могилах рядом с могилой царя. Почетное погребение выпадало на долю только упряжных лошадей катафалка и, может быть, верховых лошадей царя. Остальные лошади убивались и, вероятно, съедались на месте.

Покойников погребали в полном вооружении и богатой ритуальной одежде, в которой видную роль играл украшенный золотом головной убор. С женщинами погребали и весь их набор ювелирных украшений. Видную роль в погребальном инвентаре, кроме медных котлов с мясом, жаровен для жарения мяса и амфор с вином, играл набор ритуальных жертвенных сосудов (фиалы, сферические сосуды, металлические рога для возлияний и питья, так называемые ритоны). Сосуды эти частью изготовлялись из золота и серебра, частью из дерева, обитого золотом. Погребали покойников частью в деревянных гробах, частью на подстилках. Покрывали их богатыми пологамы с нашитыми на них золотыми бляшками. Такими же пологамы завешивали иногда и стены склепов. После погребения могилу закрывали досками и насыпали над ней монументальный курган, искусное и массивное сооружение больших или меньших размеров. Тот же курган служил и для повторного в нем погребения, так что могилы имеют иногда характер семейных погребений.

Значительные изменения претерпел этот обряд в Среднем Приднепровье. Здесь, очевидно, с ним столкнулся иной местный обряд. Вновь меняется характер погребального сооружения. Погребальная яма обкладывается бревнами и покрывается крышей, т. е. превращается в жилое помещение, в репродукцию местных деревянных хижин земледельческого населения. Нет больше огромного ко-

личества жертвенных лошадей. Изредка погребается один только конь, чаще же покойнику кладутся в могилу только куски конской туши.

Все эти изменения очень характерны и отражают на себе условия быта скифов в разных местах их обширного царства. В общем, однако, мы имеем довольно примитивный, хотя и очень тяжеловесный и дорогой ритуал. Весь он, несомненно, исходит из веры в продолжение жизни покойником за гробом, для чего ему нужно было обеспечить и соответственное его рангу одеяние, и хорошее вооружение, и пищу, и питье. Никаких следов какого-нибудь углубления этих примитивных верований мы не находим.

Нередкие в скифских больших курганах изображения скифов на золотых и серебряных сосудах и бляхах, украшавших части костюма и конского убора, позволяют нам составить себе ясное представление о вооружении, костюме и уборе погребенных, т. е. скифской высшей знати.

Вооружение надо считать в основе иранским. Перед нами типичное вооружение иранских конных, тяжело вооруженных лучников, какими они являются нам и на заре своей истории, и в позднейшие ее периоды как в самом Иране (персы ахеменидские, парфяне, персы сасанидские), так и вне его (сарматы). Все тело всадника покрывает панцирная рукавная рубашка, охваченная в талии металлическим наборным поясом. К нему с одной стороны подвешен горит – футляр для скифского двурогого лука, и, вместе с тем, колчан для длинных тростниковых перистых стрел с бронзовыми, костяными, позднее железными трехгранными наконечниками, составляющими особенность восточного, может быть, специально иранского мира. С другой стороны, с пояса свешивается короткий иранский железный меч – акинак с сердцевидной крестовиной, вложенный в деревянные, обитые кожей ножны, кончающиеся закруглением. Ножны подвешивались за особый выступ в верхней их части на длинном ремне или цепочке и прикреплялись за нижний конец ремнем к ноге, давая возможность удобно приспособить меч при верховой езде и вместе с тем не позволяя ему бить при езде по лошади и нервировать ее. Тут же у пояса висел оселок для точения стрел, меча и кинжала, а к ляжке правой ноги, к кожаной штанине, прикреплен был короткий железный кинжал в деревянных или кожаных ножнах. Все это оружие, как и панцирь и пояс, было богато украшено золотыми тиснеными бляхами с узорами или фигурами (рис. 36 и 37).

Кроме того, скифские рыцари пользовались короткими копьями или дротиками с разнообразными железными наконечниками, вероятно, как метательным оружием на близких расстояниях. Может быть, только в пешем строю пускали они в дело и боевые секиры, но возможно, что их они употребляли и в конном бою для нанесения первого удара конному противнику.

Из вооружения эллинских гоплитов скифы позаимствовали бронзовые шлемы с султаном и бронзовые поножи (рис. 45 и рис. на обложке), под их же влиянием изменили они и свою панцирную рубашку, слишком тяжелую и громоздкую, скомбинировав ее с греческим кожаным панцирем (рис. на обложке, центральная фигура).

Менее громоздко и сложно было вооружение пешей, сопровождавшей конных рыцарей дружины, но тип вооружения и здесь оставался тем же (рис. на обложке, правая фигура).

Описанное вооружение давало большую силу конной рыцарской дружине иранцев, позволяя им при умении хорошо управлять лошадей и твердо держаться на ней без седла и стремян и при навыке метко стрелять из лука на коне, пущенном полным ходом, осыпая противника издали градом губительных, может быть, даже отравленных стрел, поражать его на близком расстоянии метко пущенным дротиком и завершать атаку рукопашным мечевым боем, будучи гарантированным от ударов противника панцирем, поножами и шлемом.

Но такое вооружение предполагает профессиональных бойцов-рыцарей, занятых исключительно тренировкой и боевой жизнью. Оно вполне соответствует данной выше картине социального строя Скифии, с господствующим классом военной конной аристократии, выносившей на своих плечах всю тяжесть завоеваний и защиты государства. Становится понятной и огромная роль, которую играла в жизни скифов охота на зайцев и лисиц, приучавшая их на полном ходу поражать бегущее животное.

В полном согласии с набросанной картиной стоит и тот ряд отдельных варварских и каннибальских штрихов из жизни скифской правящей дружины, которые сообщает нам Геродот: питье крови из ран первого убитого скифом врага, украшение своего оружия и конской сбруи поделками из кожи убитых в сражении, питье из чаш, изготовленных из черепов павших противников, получение части добычи от царя при представлении голов убитых воинов врагов, особые отличия на ежегодных регулярных пирше-

ствах для тех, кому удалось убить врага, и бесчестие для тех, кто этого не сделал.

Иранской является и одежда скифов. Их плотно облегающий верхнюю часть тела камзол, спереди запахнутый и охваченный в талии поясом с узкими рукавами, часто отороченный мехом и им же подбитый, их матерчатые или кожаные штаны драгунского или казацкого типа, одинаково приспособленные для верховой езды, их мягкие кожаные сапоги, связанные ремнем над ступнею, превосходная обувь для всадника, не подходящая, однако, для большой пешей ходьбы, наконец, их меховой кафтан с широкими и длинными рукавами, позволявшими пользоваться ими в морозы как муфтой, — обычный персидский кандис.

Вся эта одежда, частью кожаная, частью матерчатая, украшалась затканными или вдавленными золототканными или позолоченными узорами и, может быть, нашитыми золотыми бляшками; пояс покрывался золотыми бляхами, сапоги оковывались на задках серебром; сапожные ремни снабжались на концах бронзовыми привесками. Голову скифы покрывали восточным войлочным башлыком, типичным иранским головным убором. Волосы и бороду отпускали и, вероятно, не стригли вовсе. Греческого влияния в их костюме не заметно вовсе (рис. 46–51 и 53).

Не видно его и в женском костюме. Он состоял из нижней длинной рукавной рубашки, стянутой на шее и на рукавах и доходившей до ног, в талии опоясанной; поверх нее надевался короткий или длинный шугай, того же типа, что и мужской верхний кафтан, с длинными прорезными рукавами, дававшими возможность запахиваться в него как в шубу и носить его как плащ только на плечах; на шее он застегивался аграфом. На голове укреплялось покрывало или платок, иногда, в торжественных случаях, поверх остроконечного высокого головного убора, охваченного вдоль лица золотой дугой в виде полумесяца, обрамленной рясками; к этой дуге на висках подвешивались височные подвески; лицевая сторона этой кички покрывалась золотой бляхой или рядами золотых пластинок; наверху укреплялись стойки, на которых держалось спускавшееся на плечи покрывало (рис. 52).

Греческое влияние в женском костюме сказывается только в приспособлении к женскому головному восточному убору золотых частей греческого головного убора: стленгиды — обрамлявшего лицо и поддерживавшего волосы золотого обруча, и метопиды — лобного

украшенного золотом ремня. Еще сильнее оно в женском ювелирном уборе, где мы встречаемся почти исключительно с изделиями греческих мастерских.

Чисто иранским, во всяком случае, восточным, может быть, в основе своей алародийско-хеттским надо считать богатый, тяжелый и блестящий конский убор верховых и упряжных лошадей. Особенно богато украшена была уздечка, голова и шея лошади. Наиболее видное место занимает массивный налобник (рис. 38 и 40) и огромная кисть в металлической, часто золотой оправе под шеей. Вся уздечка покрывалась металлом – бронзой, золотом или серебром, уши закрывались особыми наушниками в виде крыльев, рыб или драконов (рис. 40). Особенно причудливо трактовались удила, в частности так называемые псалии – палочки, удерживавшие удила во рту лошади. Верхняя часть их чаще всего принимала форму головы, нижняя – нижних конечностей лошади, диких зверей и т. п. В виде голов животных, драконов, птиц и т. п. выделялись и так называемые носники, укреплявшиеся на одном из поперечных ремней уздечки.

И здесь, конечно, заметны греческие влияния, но в очень небольшом количестве. Царят здесь и в орнаментике мотивы восточного причудливого звериного стиля.

Кое-что знаем мы и о религиозных верованиях скифов. Как Геродот, так и археологические данные говорят за то, что высшим божеством, которому поклонялись скифы, была державная богиня, владычица земли и воды, животных, птиц и рыб, покровительница конной скифской знати, мистическое сочетание с которой, посредством приобщения, было одним из торжественнейших актов, часто изображаемых на предметах утвари и убора, изготовленных в Пантикапее. Верховными жрицами этой великой богини были жены царей, служили ей священные энареи, половая импотенция которых – результат особой болезни, довольно частой среди степняков-наездников, – толковалась как небесный знак, призывавший их служить великой богине (рис. 52 – сцена приобщения, слева энарей, сзади жрицы богини, справа приобщающийся).

Принесли ли культ этого верховного божества иранцы с собой или это был старый местный культ, воспринятый иранцами и связывавшийся с их религиозными верованиями, сказать трудно. В пользу местного происхождения, сочетавшегося с исконными верованиями алародийцев-яфетидов, можно было бы привести распространенный во всех частях Скифии, разно передававшийся, но везде

в основе одинаковый, миф о сочетании верховного мужского божества, в двух версиях мифа пришельца в Скифию извне (в греческой передаче Геракла), с местным хтоническим женским верховным божеством, полуженщиной, полузмеей. От этого сочетания произошла, по двум версиям, династия местных царей. В этом мифе заманчиво было бы видеть облеченное в форму сказания представление о сочетании верховного иранского бога неба – Аурамазды с местной хтонической богиней, служительниц которой хотелось бы видеть, как уже указано было выше, в женщинах-воительницах и царицах приазовских племен, смешавшихся когда-то с прежними владыками степей юга России – киммерийцами.

Иранский Аурамазда, в виде конного бога, приобщающего власти скифского царя, знаком был и греческим мастерам Пантикапея, работавшим на Скифию, хотя был менее популярен в этой среде, чем великая богиня. В роли бога, победителя зла, дарующего власть царю, видим мы его на серебряном ритоне из кургана Карагодеуашх (рис. 51).

Возможно, однако, и то, что иранцы явились в Скифию не с одним Аурамаздой, а уже в сочетании с его женской ипостасью. Понятной станет тогда градация верховных богов Скифии, как нам передает ее Геродот. «Они чтут, – говорит он, – только следующих богов: превыше всех Гистию, затем Зевса и Землю, считая Землю супругой Зевса»... «По-скифски Гистия называется Табити, Зевс, наиболее правильно, по-моему мнению, Папай (очевидно, имелись и другие имена), Земля – Ани»... Создавалась, таким образом, довольно обычная на востоке, специально в Малой Азии, триада – троица из двух женских и одного мужского божества.

Иранский характер скифской религии вытекает и из указаний Геродота, что скифский культ не знал изображений богов. С этим как будто стоит в противоречии указанное выше изображение скифских богов на памятниках, изготовлявшихся греками Пантикапея для Скифии. Но все эти изображения относятся ко времени значительно более позднему, чем жил Геродот, и являются результатом все усиливавшейся эллинизации иранского населения южно-русских степей.

Типичен для воинственных иранцев и культ военного фетиша – меча, водруженного на высоком постаменте, сооруженном из хвороста, – замены типичных для восточного мира сакральных башенных сооружений. Характерно, что в честь этого фетиша прино-

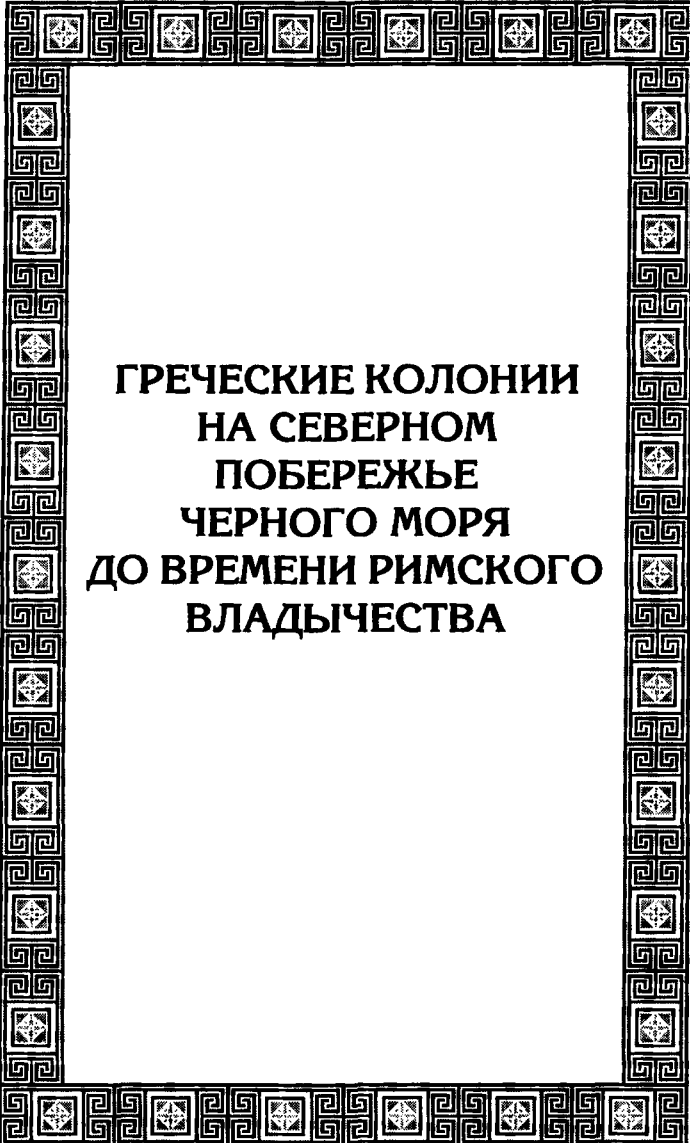
сились человеческие жертвы – каждый сотый из числа пленных врагов.

Таков был облик южнорусских степей в эпоху владычества скифов. Основной тон государственности, религии, быта – иранский, но везде чувствуется, что иранцы явились не на девственную почву, что они встретились здесь с племенами, выработавшими к тому времени свой уклад жизни, свою религию, свой быт. На Востоке, в районе Азовского моря, этот уклад жизни сложился под рядом скрецивавшихся доиранских восточных влияний. Что из этого принесли сюда предшественники скифов киммерийцы, что и они застали здесь готовым, этого знать мы, при теперешнем состоянии нашего материала, не можем.

На Западе – картина иная. И здесь существовала своя старая и самобытная культура, но связанная не с Востоком, а с Западом, с северной частью Балканского полуострова и с Средней Европой. Иранство встретило здесь более чуждый ему и более цепкий уклад жизни и только покрыло его наносом своей культуры, почти не проникшей в низы населения. Чтобы убедиться в этом, достаточно пристально взглянуть в инвентарь местных гробниц периода скифского владычества. Весь фон здесь – местный, я бы сказал, западный, настолько сильный, что его усвоили и скифы-пришельцы. Под его влиянием они изменили и форму своих погребений, и самый обряд его; иранские, греческие и ирано-греческие вещи сочетаются здесь, не сливаясь, как две самостоятельные струи, с керамикой, оружием, предметами утвари и туалета, далекими Востоку и близкими западному гальштату, т. е. раннему железному веку, а затем кельтскому латену.

Под влиянием местных условий скотоводы-кочевники превращаются здесь в помещиков-земледельцев, а поблизости к греческой Ольвии смешанное население, слышущее у греков под именем скифов, население пахарей и землеробов, связано со Скифией только узами подчинения одному главе государства.

Приднепровье и Прибужье, хотя и были под властью скифов, но скифскими не сделались. Они жили, как и раньше, своей самобытной и чуждой скифскому укладу жизнью.

**ГРЕЧЕСКИЕ КОЛОНИИ
НА СЕВЕРНОМ
ПОБЕРЕЖЬЕ
ЧЕРНОГО МОРЯ
ДО ВРЕМЕНИ РИМСКОГО
ВЛАДЫЧЕСТВА**

Греческая колонизация на берега Черного моря шла, как было сказано выше, двумя путями. После повторных, но случайных экспедиций отдельных смелых мореплавателей, впервые ознакомившихся с условиями плавания по Черному морю и с его гаванями (воспоминания об этих экспедициях, облеченные греческой творческой фантазией в форму мифа, сохранились в эпосе об аргонавтах и в зависимой от этого эпоса части «Одиссеи»), начинается систематическая эксплуатация Понта Евксинского, как греки звали Черное море, греческими, главным образом, малоазийскими мореплавателями. В VIII в. появляются первые фактории и рыбные станции на южном берегу; начиная с VII в., когда Персия начинает крепнуть, когда она превращается в мировую державу и дает этим возможность греческим городам развить широкую деятельность, эти фактории и станции вырастают в настоящие города со все крепнущей и растущей торговлей (Синоп, Амис, Трапезунт, позднее дорийская Гераклея). Параллельно этому с VII в., т. е. со времени роста и укрепления Скифской державы, тот же процесс начинается и на северном берегу, причем и здесь первоначально появляются рыбные станции и фактории, превращающиеся в настоящие города только с VI в. до Р. X.

Греческие мореплаватели на северном берегу Черного моря облюбовали, главным образом, устья больших южнорусских рек, дававшие в своих лиманах верный приют греческим судам и вместе с тем чрезвычайно богатые крупной и дорогой речной рыбой. Такие же рыбные богатства имелись в изобилии и на берегах Керченского пролива, и на побережье Азовского моря, где был и целый ряд удобных для греческих мореплавателей гаваней. В этих двух районах и

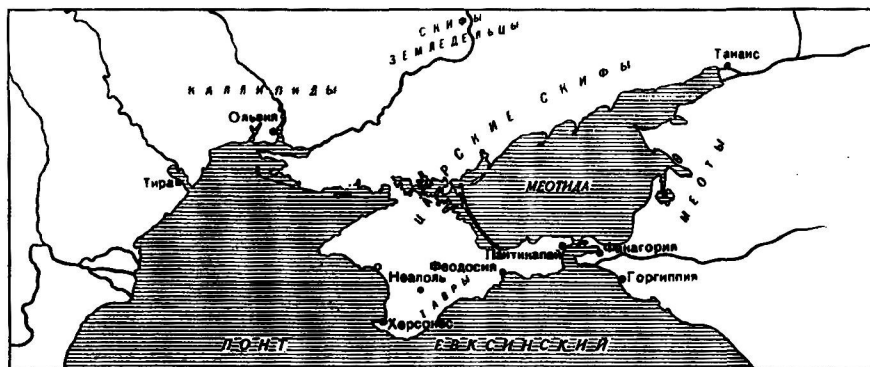
сосредоточилась главная колонизаторская деятельность малоазийских греков.

В западной части возникли Тирас у устья Днестра и Ольвия у Бугского и Днепровского лимана, в восточной, где, наряду с Милетом, колонизатором западной части северного побережья Черного моря, энергично работали Теос, Митилена и Клазомены, появились все более и более богатейшие поселения – Фанагория, Гермонасса, Синдский порт и другие на восточном берегу Керченского пролива (Феодосия, Нимфей и Пантикапей), не говоря о менее крупных городах на западном. Все эти города, в свою очередь, заселяли своими факториями ближайшие удобные для рыбной ловли и торговли пункты. Колонией Пантикапея считается, например, возникший у устья Дона город Танаис.

Вся эта огромная колонизаторская работа на западе и востоке проделана была в сравнительно короткий промежуток времени, в эпоху пышного расцвета малоазийского побережья – в VII и особенно в VI в. до Р. Х.

Одного целого все эти колонии не составили. Все прошлое северного побережья Черного моря и географические условия отдельных его частей резко разделили эти колонии на две группы: западную и восточную.

В западной руководящая роль, естественно, принадлежала милетской колонии Ольвии, удобно поместившейся в Бугском лимане и тем сконцентрировавшей в своей гавани все продукты, сплавливавшиеся к морю по Днепру и по Бугу. Из нее, как из естественного центра, двигались культурные греческие влияния и произведения гре-

Северное Причерноморье в Античную эпоху

ческих мастерских по обеим названным рекам, преимущественно по Днепру, где греческое влияние встречалось со старой доисторической культурой, о которой речь была выше.

Сложнее было положение на берегах Керченского пролива. Старая культура здесь сосредоточилась, главным образом, по течению Кубани, дельте которой – Таманскому полуострову (первоначально острову или, вернее, многоостровию – полинезии) естественно было бы сыграть роль Ольвии на западе. Но дельта Кубани очень сложна, изменчива и малопригодна для регулярного мореплавания. Морской же берег Таманского полуострова не имеет хороших гаваней и потому не может служить центром для всей торговли Азовского моря и впадающих в него рек.

Более удобным для мореплавания был европейский берег Керченского пролива. Древний Пантикапей (теперь Керчь) и в древности, и теперь являлся естественным центром для остановки и перегрузки товаров, шедших из Азовского моря далее по Черному морю. Порт Феодосия, с другой стороны, был лучшим выходом к морю для произведений северной и северо-восточной части степного Крыма.

Естественно поэтому, что спор за первенство должен был идти между таманской Фанагорией, лучшим и наиболее удобным портом дельты Кубани, Пантикапеем и Феодосией. Предрешен был он в пользу Пантикапея тем, что основное значение для торговли с Грецией имели не столько продукты Крыма и Кубани с Таманью, сколько донская и азовская рыба, продукты скотоводства придонских степей и те продукты Урала, Сибири и Туркестана, а также центральной России, которые шли по большому восточному караванному пути и в устьях Дона впервые приходили в соприкосновение с средиземноморским водным путем. Возникший естественным образом у устья Дона Танаис, конечный пункт этого пути, не мог играть решающей и самостоятельной роли. Эта роль естественно принадлежала тому, кто будет владеть Керченским проливом и иметь возможность выпускать или не выпускать товары, шедшие из Азовского моря в широкие воды Черного.

Из городов у Керченского пролива единственным, соединявшим все преимущества для владения Керченским проливом, был Пантикапей. Его положение у наиболее узкого места пролива, его спокойный широкий рейд, выдвинутый в море укрепленный природой городской акрополь (ныне так называемая гора Митридата), сравнительное богатство пресной водой не позволяли никому вступить с ним в успешную конкуренцию.

Третью, менее значительную и менее важную группу греческих городов юга России, составляли греческие поселения на южном и юго-западном берегу Крыма. Горный южный берег Крыма удобных естественных портов не имеет, не имеет их и степное западное побережье Крыма. Зато исключительно удобны для мореплавания места около Севастопольской бухты, как сам Севастопольский рейд, так и соседние с ним менее крупные и менее защищенные бухты, очень пригодные, однако, для парусных и гребных судов. Этих гаваней греки не использовать не могли. В длинном и опасном плавании вдоль берегов Крыма греческим судам необходимо было иметь место для длительной и спокойной стоянки. Так возник Херсонес, первоначально, вероятно, как ионийская морская станция.

Надо, однако, принять во внимание, что эта станция могла и должна была приобрести и самостоятельное значение. Сюда, прежде всего, естественно направлялись все продукты горного Крыма и связанных с ним долин. К Херсонесу, естественно, тянулись и поселения по западному степному берегу Крыма, прежде всего, расположенная около нынешней Евпатории Керкинитида. Наконец, и самое главное, Севастополь и Крым всегда были связаны с противоположащим южным берегом Черного моря, с его сетью цветущих греческих колоний. Иметь гавань в Крыму для этих колоний было чрезвычайно важно, так как этим путем они могли получить нужную им продукцию степного Крыма, главным образом, хлеб, которым они сами никогда особенно богаты не были.

Понятно поэтому, что одна из греческих колоний южного берега Черного моря – дорийская Гераклея, в момент особенно пышного своего расцвета завладевает ионийской стоянкой в Крыму и посылает туда свою колонию, превратив этим незначительный раньше Херсонес в крупный и сравнительно цветущий город, судьбы которого тесно связываются с судьбами всего остального греческого мира на северном побережье Черного моря.

Из трех намеченных выше комплексов греческих поселений наибольшее значение, наиболее богатое развитие и наиболее крупную историко-культурную миссию получила, как это и естественно, группа греческих городов у Керченского пролива, который греки называли Боспором Киммерийским, группа, которую мы будем называть Боспорской и которая под этим именем была известна и грекам. Тирас и Ольвия всегда были и остались изолированными передовыми постами греческого мира, окруженными со всех сторон морем

чуждых им, многочисленных и постоянно питавшихся извне новым притоком сил племен. Создать здесь прочную обособленную эллинизованную греческую державу греческому миру было не по силам. Правда, Ольвия оказала могучее культурное влияние на ближайшее к ней население. Низовья Днепра и Буга покрылись рядом небольших земледельческих и торговых укрепленных поселений, населенных полугреческими жителями. Ближайшие к Ольвии местности занялись интенсивным земледелием. Торговля Ольвии шла далеко на север. Не говоря уже о том, что греческие продукты насытили собой цветущее Среднее Приднепровье и Полтавщину, влияние этих продуктов сказывается вплоть до далекого Прикамья и, может быть, даже Западной Сибири и Алтая.

Но ее значение и деятельность всегда зависели вполне от ее соседей. Пока существовало сильное Скифское царство, зависимость от него Ольвия могла свободно развиваться, обогащая и себя, и скифов. Особенно блестящим ее периодом был VI в. до Р. Х., когда Ольвия непосредственно передавала, под защитой скифов, продукты севера своей малоазийской родине, и IV в. до Р. Х., когда она освободилась от опеки и торгового гнета афинской морской державы и вновь вошла в связь с матерью своей – возрождавшимся Милетом. Скифское царство в это время было еще достаточно прочно, чтобы обеспечить Ольвии относительные спокойствие и мир.

Труднее стало положение в III в., когда разваливавшаяся Скифская держава требовала все больших и больших жертв от Ольвии, не имея возможности уберечь ее от западных и восточных пришельцев, разрушавших Скифское государство: фракийцев, кельтов, сарматов. Об этом ярко свидетельствует нам большая ольвийская надпись в честь Протогена, видного ольвийского гражданина, богатого купца, арматера и экспортера, как все видные граждане Ольвии того времени, не раз выручавшего Ольвию из трудных положений, связанных с требованиями ее сюзерена и подступавших к стенам Ольвии бродячих хищников. Помогал он Ольвии и в деле ее защиты, сооружая за свой счет башни и части оборонительной стены, выручал ее и в продовольственных затруднениях, связанных с постоянным опустошением питавших Ольвию хлебом местностей.

В ином положении были греческие колонии на берегах Керченского пролива. Напомню, прежде всего, что они нашли здесь не варварское, а сравнительно культурное население, со времени II тысячелетия стоявшее под сильнейшим культурным влиянием Востока. На это на-

селение наслоились киммерийцы. Из слияния этих двух элементов создались населявшие Тамань и Приазовье, а также, по всей вероятности, и противоположный берег Крыма, племена синдов, меотов, савроматов, сатархеев, а также тавров, населявших горную часть Крыма, куда они вытеснены были скифами, владевшими степным Крымом.

Эти племена, хотя и были, как мы видели, подвластны скифам, тем не менее пользовались в скифской державе сравнительной самостоятельностью, все увеличивавшейся, по мере того как центр внимания скифов переносился все более и более на запад и главные их усилия сосредоточились на борьбе с фракийцами Балканского полуострова.

Они издавна имели прочный оседлый уклад, состояли в постоянных торговых сношениях со своими южными и восточными соседями и жили сравнительно развитою экономической жизнью земледельцев, скотоводов и рыболовов.

Греческие колонии сразу нашли в них готовых клиентов для своих товаров и посредников в сношениях с югом и востоком. В них же они легко могли найти поддержку в отстаивании своей самостоятельности против скифов. Плавни и болота Тамани и Азовского моря были надежной защитой для богатейшей Кубанской дельты.

Естественно, что время политического подъема Тамани было и временем крупного расцвета греческих колоний на берегах Керченского пролива и интенсивного их влияния на соседние племена. Некрополь Пантикапея, его первые обильные чеканы серебряной монеты показывают, что начало V в. и конец IV в. до Р. X. были эпохой высокого подъема этого города, большого его экономического и культурного расцвета. На месте старого негреческого поселения, может быть, связанного с побережьем Кавказа и специально с Колхидой (имя Пантикапея – не греческое; греческое, вероятно, очень древнее предание связывает его происхождение с древнейшей династией колхидских царей), возникает настоящий греческий город и около него ряд других более мелких поселений. То же мы видим и на Тамани, где находки древней ионийской греческой посуды не являются редкостью, и древнейшими погребениями некрополей отдельных городов являются погребения IV в. и начала V в.

Решающим моментом в истории боспорских греческих колоний и специально Пантикапея была победа Афин над персами и появившийся в это время большой интерес Афин к северо-восточному побережью Средиземного моря, к Фракии и особенно к побережью Черного моря. Главным стимулом было обеспечить свою все креп-

нущую и развивавшуюся промышленность сырьем и свое все возрасставшее население хлебом, производство которого было, как мы видели, исконным и в долине Днепра и Буга, и по течению Кубани, и, естественно, захватывало на юге России, по мере роста спроса, все большие пространства.

Тяга Афин к новым местам Причерноморья естественна и понятна. На крупнейшем хлебном рынке Эллады – в Италии и Сицилии – Афины встречали серьезную конкуренцию дорян вообще и, в частности Спарты, и отнюдь не были хозяевами этого рынка. Богатый хлеб Египет был в руках персов и не мог быть вырван у них Афинами даже после неудачи Персидских походов на Грецию. Оставался Север, связь с которым была монополией ионийских греков Малой Азии, на торговые пути и деловые связи которых претендовали теперь, после персидских войн, освободившие, но и разорившие их Афины.

Создание Афинами большой морской мощи, захват в свои руки проливов и важных торговых пунктов на фракийском побережье поставили все Причерноморье – и южное, и северное – в полную и непосредственную зависимость от Афин и позволили Афинам, без сопротивления с чьей бы то ни было стороны, сделать ряд шагов для укрепления и упрочения этой зависимости.

В числе этих решительных шагов наиболее серьезным было занятие Афинами и заселение своими вооруженными колонистами ряда важнейших пунктов на южном берегу Черного моря. То же они сделали и на северном.

Не имея, вероятно, возможности занять сильный и находившийся под покровительством скифов Пантикапей, они захватили соседний Нимфей, обладавший прекрасною гаванью и связанный с рядом соседних скифских и нескифских племен Крыма. Этот второстепенный город они превратили в крупную торговую гавань и в важный центр обмена, создав этим сильную конкуренцию Пантикапею. О его полной торговой самостоятельности говорит его превосходное, художественное серебро, чеканившееся им в это время.

О большом культурном расцвете Нимфея в это время, о его широких торговых связях и о близких сношениях с соседними племенами свидетельствует богатый и обширный некрополь города, наиболее богатые погребения которого относятся как раз к V в. до Р. Х. Характерно, что, наряду с чисто греческими погребениями нимфейского некрополя, мы имеем ряд курганов с погребениями негрече-

скими или полугреческими, т. е. с погребениями главарей соседних племен, которых притягивали к Нимфею его культурное влияние и постоянные торговые связи. Состав вещей наиболее богатых нимфейских погребений очень типичен. Наряду с вещами, ввезенными из Афин, мы находим и ряд продуктов других мастерских, например превосходные самосские бронзы, чудесные произведения знаменитых самосских литейщиков VI и V вв. до Р. Х.

Интересно отметить, что, кроме Нимфея, Афины, вероятно, создали на крымском побережье Керченского пролива и другие поселения. Одним из них, как показывает имя, мог быть город или поселок Афинеон – конкурент ионийской Феодосии, как Нимфей был конкурентом Пантикапея.

Твердой ногой стали Афины и на Тамани, в земле культурнейшего из таманских племен – синдов. И здесь они создали свой городской центр – Стратоклею, вероятно, не новое основание, а переименование и заселение своими колонистами одного из старых поселений Тамани. Им, может быть, синды обязаны своим государственным объединением и той греческой физиономией, которую это объединение приняло, если и это не случилось еще ранее в результате заселения таманского побережья греческими колониями. Об этом свидетельствует необычайно тонкий художественный чекан серебра нового государства с головою коня на одной стороне, именем племени и фигурой афинской совы на обороте.

Начавшееся уже раньше сильное культурное влияние греков на местные племена (отмечу, например, одно местное погребение, содержащее прекрасную родосскую вазу начала VI в. до Р. Х.) сказывается в это время с особою яркостью. В группе так называемых Семибратних курганов в дельте Кубани около станции Крымской мы находим несколько погребений V в. до Р. Х., инвентарь которых поразительно напоминает инвентарь только что упомянутых нимфейских курганов. И здесь, рядом с вещами несомненного афинского происхождения, мы находим превосходные произведения малоазийских мастерских.

Каковы были в это время отношения между Афинами и Пантикапеем, мы не знаем. Того расцвета, который мы находим в Нимфее и в земле синдов в V в. до Р. Х., мы в Пантикапее не наблюдаем. Нет и следов зависимости Пантикапея от Афин. Характерно, однако, что как раз на это время падает крупный политический переворот в Пантикапее. Власть, находившаяся до этого времени в руках нескольких руководящих родов, может быть, потомков древних основателей ко-

лонии – главарей (анактов) переселявшихся милетцев, которых наше предание называет, вероятно, придуманным именем Археанактидов (потомки древних анактов), попадает теперь в руки одного тирана, носящего фракийское имя Спарток (в 438–437 гг. до Р. Х.). Фракийское имя Спарток не предполагает непременно, что мы имеем дело с фракийцем – выходцем с Балканского полуострова, с командиром наемной фракийской дружины, как это обычно предполагают. Я уже указывал, как сильны были фракийские элементы в древнейшем населении Боспора, Тамани и Приазовья. Можно поэтому думать, что Спарток принадлежал к местному богатому огречившемуся роду, вошедшему в состав державных родов Пантикапея. При этом предположении понятно, почему Спартоку и его потомкам удалось прочно обосновать свою власть в Пантикапее, объединив около нее и греков, и местное туземное население.

Появление в Пантикапее сильной, единой власти в руках энергичного и талантливое ее носителя было решающим моментом в истории восточных греческих причерноморских колоний. Оно создавало здесь серьезную и решающую силу, которая, при благоприятных обстоятельствах, могла сделаться естественным центром для объединения около нее всех греков Боспора и Приазовья, без каких греки и здесь, как и в Ольвии, неминуемо были бы только орудием в руках господствующего скифского племени.

Вряд ли боспорская тирания появилась с согласия и при содействии Афин, скорее, создалась она в противовес их влиянию. Надо думать, что ее появление было одной из тех причин, которые вызвали через три года после ее создания посылку Афинами в 435–434 гг. до Р. Х. большой морской экспедиции под командой Перикла в Черное море. Эта вооруженная демонстрация имела конечную целью произвести впечатление как на черноморских эллинов, так и на скифов, показав им силу Афин и заставив их принять беспрекословно условия взаимоотношений, продиктованные Афинами.

Одним из объектов афинской морской демонстрации был, несомненно, Пантикапей, роль которого в морской торговле Черного моря не могла не быть ясной для Афин и усиление которого, вопреки желанию Афин, усиление, которому Афины вряд ли могли помочь без дальнейшего напряжения сил, было для них грозной опасностью. Как союзник и клиент, Пантикапей, однако, мог быть превосходной опорой для афинской торговой политики, опорой, которую не могли дать Афинам, при необходимости, их слабые колонии

в Нимфее и Стратоклее. Вспомним, что Афины стояли перед серьезными осложнениями в Греции и что Боспор находился за сотни верст от базы афинской мощи.

Компенсацией для Боспора за эту поддержку торговых интересов Афин, естественно, было покровительство Афин только что народившейся пантикапейской тирании, чувствовавшей себя еще далеко не прочной (ряд изгнанников из Пантикапея сидел рядом в Феодосии и при первом удобном случае готов был вернуться), а также помощь, в случае возможного, хотя и маловероятного, резкого столкновения со скифами. Таковы могли быть и, вероятно, были, условия, поставленные Афинами Спартоку во время экспедиции Перикла в Черное море.

На эти условия Спарток не мог не пойти, и в результате между Афинами и боспорской тиранией завязались те постоянные и прочные отношения, которые определили последующие судьбы греческой колонии на берегах Боспора. Пантикапей временно сделался клиентом и торговым агентом Афин в Черном море, он должен был гарантировать Афинам неограниченное право вывоза хлеба из Пантикапея и вынужден был согласиться на ограничение своего права свободной торговли хлебом: без разрешения Афин Пантикапей не мог выпустить ни зерна черноморского хлеба в другие порты Греции.

Но благодаря поддержке Афин династия Спартока удержалась на Боспоре и начала ряд последовательных действий для сплочения своей державы и развития своей экономической и политической мощи. Основными задачами Боспорской державы, последовательно проводимыми и преемником Спартока Сатиром I (433/2 – 389/8 до Р. Х.), и сыном последнего Левконом I (389/8 – 349/8 до Р. Х.), и детьми и преемниками Левкона Спартоком II (349/8 – 344/3 до Р. Х.) и Перисадом I (349/8 – 310/9 до Р. Х.), были упрочение своей мощи на европейском и азиатском берегу Керченского пролива, дальнейшее укрепление своей независимости по отношению к скифам и постепенная эмансипация от давления со стороны Афин, при сохранении, однако, близких и дружественных отношений с этой могущественной державой, продолжавшей, несмотря на военные неудачи в борьбе со Спартой и неуспех ее великодержавной политики быть решающей морской силой в Эгейском море.

Первой задачей, которая встала уже перед преемником Спартока Сатиром, было упрочение всей торговли и, главным образом, торговли хлебом в руках Боспора. Вопрос шел не столько о хлебе Тама-

ни и собственной территории Пантикапея, сколько о хлебе северного степного Крыма, естественной экспортной гаванью для которого была Феодосия. На этот хлеб претендовали не только Афины с их контрагентом Пантикапеем, он нужен был, как мы видели, и городам южного побережья Черного моря, главным образом, все возраставшей Гераклее, уже ставшей прочной ногой в Херсонесе и пытавшейся приобрести первенствующее влияние и в Феодосии. Результатом этого соперничества была война Боспора и Гераклеи из-за Феодосии, начавшаяся при Сатире и законченная Левконом присоединением Феодосии к составу Боспорской державы.

Одновременно Сатиру, а затем и Левкону удалось, воспользовавшись поражением Афин в Пелопонесской войне, ввести свои отношения с Афинами в новое русло. Путем подкупа Сатир принудил сдать ему афинскую укрепленную колонию в Нимфее, а затем ему и Левкону удалось настоять перед Афинами на праве свободной торговли хлебом Боспора не только с Афинами, но и с другими греческими городами, гарантировав, правда, Афинам особые и очень ценные привилегии.

Труднее разобраться в отношениях боспорских династов к городам и народам Тамани. Весьма вероятно, что главный торговый центр Тамани – Фанагория не входила в состав Боспорской державы. Но она окружена была рядом подвластных Боспору племен Тамани и, конечно, вполне самостоятельной не была. Недаром же самостоятельного обильного чекана монет мы в Фанагории в IV–III в. до Р. Х. не находим, и основной монетной единицей и на Тамани являются пантикапейское золото, серебро и медь.

Очень труден вопрос об отношениях Боспора к местным племенам, населявшим Тамань. Синды, как мы видели, уже в эпоху господства Афин были сильно эллинизированы и имели известную самостоятельность. Ряд отдельных указаний позволяет думать, что они с древнейших времен тянулись к одному городскому центру с греческим и местным населением (сначала Синдский порт, затем Горгиппия – теперь Анапа) и находились под управлением своих местных династов, таких же полуфракийцев, полутреков, как и боспорские тираны, может быть, даже родственных этим последним. При Левконе синды составляют часть его державы, т. е. признают его своим царем, наравне с другими соседними племенами, круг которых при преемниках Левкона все расширяется. Значило ли это, что и управлялись эти племена из Пантикапея, или надо думать, что боспорский династ

был их сюзереном, во главе же каждого отдельного племени стояли свои местные правители, не вполне ясно. Второе, однако, более вероятно. Ряд указаний говорит нам, что у синдов, параллельно с боспорскими владыками, была своя полугреческая династия.

Еще меньше данных имеем мы для уяснения себе отношения скифов к народившейся весьма неприятной для них державе. Скифы, однако, несомненно, своих притязаний на сюзеренитет над Пантикапеем не оставили. Подтверждением этому может служить свидетельство об ожесточенной борьбе с ними Перисада I.

Со времени основания тирании на Боспоре до конца правления Перисада I прошло более столетия. Владычество династии Спартокидов над Боспором принесло свои плоды. Боспор превратился в сильную и довольно прочную державу, развившую огромную торговлю с Грецией, преимущественно с Афинами. Главным предметом вывоза был хлеб, во всяком случае, о нем мы слышим более всего. Но немалое значение имели и продукты Азовского моря – его рыба, скот и рабы из Донской области, пушнина и товары, шедшие с далекого Востока к устью Дона, где возникло, как сказано было выше, крупное торговое поселение – Танаис, также зависимое от Боспора.

Несколько ослабляли экономический рост и материальный расцвет Боспора только те спутанные политические отношения, которые царили в Элладе после падения гегемонии Афин: постоянные войны, подрывавшие морскую торговлю и превращавшиеся постепенно в анархическое и беспорядочное столкновение между собою руководящих сил Эллады, царившая в отдельных эллинских государствах внутренняя неразбериха и разлагающее влияние на греческую жизнь Персии с ее могучими материальными ресурсами.

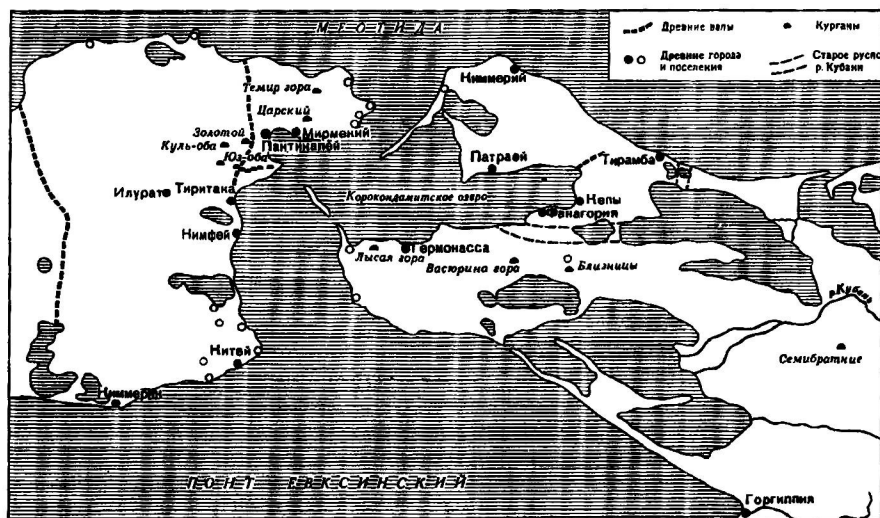
В конце этого периода положение, однако, меняется. Рост Македонии и завоевания Александра создают великий мир эллинизма. Война всех против всех временно прекращается, наступает относительный порядок. Но для хлебной торговли Пантикапея этот плюс покрывается связанным с ним минусом: открывшийся для мировой торговли Египет и богатые хлебом местности в Малой Азии выступают его конкурентами, и конкурентами очень сильными. Надо, однако, принять во внимание, что, если повысилось предложение, то повышается и спрос, благодаря росту и развитию городской жизни по всему эллинистическому миру.

Во всяком случае, IV в. до Р. X. является благословенным временем для эллинизма на Черном море. Безопасность на море, поддер-

живаемая сильным боспорским флотом, обеспеченность сбыта, свобода торговли создают высокий подъем материальной обеспеченности для всех греческих городов юга России, не только на пространстве Боспора, но и вне его. Для Ольвии и Херсонеса IV в. до Р. Х. – такое же блестящее время, как и для Боспора.

Греческие города обстраиваются, вырастают в них храмы и портики, кое-где появляются театры; площади и храмы украшаются статуями, иногда первоклассных греческих мастеров. В обиходе появляется масса привозных греческих вещей лучшего качества. В самих городах успешно работают греческие мастерские, обслуживая, главным образом, внешний рынок. В наиболее крупных центрах появляются свои писатели и ученые, историки, риторы, философы, поэты, собираются местные мифы, фиксируется местное историческое предание. На Боспоре, как увидим ниже, создается и своя цветущая школа торговцев. Все это ярко отражается, прежде всего, на некрополе.

В могилу с покойником никогда не клали такого количества дорогих, иногда художественных вещей, как теперь. Особенно роскошен инвентарь погребений богатых людей, местной аристократии. Их величественные каменные склепы под высокими курганами наполнены редким подбором дорогих и художественных вещей: лучшая греческая краснофигурная и многоцветная керамика аттических мастерских (рис. 59), восточно-греческое пестрое стекло, пре-

Боспорское царство

восходный набор греческих, специально малоазийских ювелирных вещей, геммы и резные камни с именами прославленных мастеров, тончайшие ожерелья поразительной техники, роскошные серьги, браслеты, диадемы (рис. 60, 61 и 62). Чудесами токарной техники являются саркофаги, в которых покоились бранные останки пантикапейских и таманских вельмож и их жен. Превосходная токарная работа, оживленная живописью и инкрустацией из стекла, кости и камней, делает эти саркофаги единственными в своем роде памятниками художественной промышленности.

Сами склепы не уступают инвентарю погребений по гармонии частей, широте строительного размаха и высоте строительной техники (рис. 55, 56 и 57). Это обширные, иногда двойные, высокие комнаты, сложенные из монументальных плит, с длинными ведущими в них коридорами, эффектно покрытые стрельчато-уступчатыми, купольно-уступчатыми или коробовыми полуцилиндрическими сводами. На Тамани некоторые склепы внутри оштукатурены и расписаны в той же манере, в которой расписывались стены храмов и общественных зданий, в Пантикапее роспись заменялась, вероятно, закрывавшими стены склепа пологими и коврами.

Вряд ли в манере покрывать склепы уступчатыми сводами надо видеть сознательно поддерживаемый архаизм, сохранение старой традиции эгейских, микенских и малоазийских гробниц. Архитекторами, строившими их, руководили, думается мне, другие соображения – эстетические и технические. Эстетическое впечатление этих уступчатых сводов поразительно, гораздо сильнее, чем впечатление, оставляемое коробовыми сводами, непременно требующими росписи или штукатурной лепки, скомбинированной с росписью. Технически же уступчатый свод удовлетворяет всем требованиям подкурганного сооружения с давящей на покрытие колоссальной массой земли. Не случайность, что наиболее монументальные склепы Боспора дошли до нас в полной сохранности. Разрушены только те, которые повреждены были грабителями и растасканы современными вандалами после открытия их археологами.

Не менее показательны, однако, и гробницы рядовые, обыкновенные земляные ямы, крытые досками, плитами или черепицами, стенки которых иногда обложены черепицами, плитами или сырцовым кирпичом, – гробницы рядового гражданства Пантикапея и его соседей, а также греческих городов Тамани. Удержавшийся на Боспоре обряд трупоположения, только в редких случаях заменявший-

ся трупосожжением, дает возможность судить о быте и достатке массы боспорского гражданства. Впечатление получается очень поучительное.

Обряд погребения и инвентарь чисто греческие. Господствует в качестве погребального реквизита обычный для эллина подбор вещей, свидетельствующий о роли, которую играла в его жизни палестра и связанный с нею образ жизни. Первое место занимают сосуды для масла, которым натирали тело, и стригили, которыми счищали с тела песок палестры и масло. Эти предметы, прежде всего, нужны были боспорскому греку и за гробом, где он должен был продолжать земную жизнь, жизнь эллина-палестрита (рис. 58 – фриз расписного пантикапейского склепа IV в. до Р. Х. с изображением погребально-палестрического инвентаря: стригили, лекифы, арибаллы, полотенца, диадемы, повязки, венки).

Гораздо реже в гробницах этого времени оружие. Характерно, что оружия меньше всего в гробницах пантикапейского некрополя, значительно больше на периферии Боспора и в некрополях таманских греческих городов. В женских гробницах много ювелирных вещей. Сосуды все ввозные хороших аттических фабрик, попадают иногда и сосуды лучших мастеров, иногда подписные. Нередко так называемое финикийское цветное стекло. Все говорит о довольстве населения и о его чисто греческом облике. То же подтверждают и, правда, редкие превосходные надгробные стелы боспорцев и их надгробные надписи. Та же приблизительно картина повторяется и в Ольвии, и в Херсонесе; отсутствуют в этих более демократических городах только монументальные курганные погребения, хотя некоторые аналогии им, по крайней мере, в Ольвии имеются.

Со смертью Перисада I в Пантикапее начинаются смутные и тревожные времена. Немедленно после смерти Перисада началась междоусобная война между тремя сыновьями Перисада, из которой победителем вышел Евмел. Законная власть принадлежала Сатиру II, старшему брату Евмела. Против него Евмел поднял таманское племя фатеев. Сатира поддержало наемное войско из греков и фракийцев, т. е. обычная боспорская армия, и скифы. Победа досталась Евмелу, который сломил и сопротивление третьего брата Пританиса. Как узурпатор, Евмел принужден был сделать гражданству Пантикапея большие уступки. Надо думать, что при нем впервые появляется пантикапейская гражданская армия; до этого времени боспорские тираны опираются исключительно на наемников.

Краткое правление Евмела сменилось правлением Спартока III (304/3 – 284/3 до Р. Х.) и Перисада II (284/3 приблизительно до 252 г. до Р. Х.). Правления этих династов, продолжавших в общем старую политику Спартокидов, не были еще временем упадка Боспора. Экономические условия оставались те же, торговля развивалась, и Пантикапей богател. Ближайшим контрагентом Боспора продолжают быть Афины, заключающие в это время настоящий союзный договор с Боспором, своим бывшим вассалом и агентом по закупке хлеба, что свидетельствует как об упадке Афин в эту эпоху слагавшихся крупных эллинистических монархий, так и о росте значения Боспора. Но, наряду с Афинами, цари Боспора этого и следующего периода имеют дело и с могучим Родосом, и с Делосом, и с Дельфами, выступая совершенно в роли остальных, правда, второстепенных, эллинистических монархов.

Не падает и благосостояние граждан. Гробницы этого периода не беднее, хотя и менее многочисленны гробниц более ранних.

Интенсивную жизнью живут в это время, как было указано выше, боспорские мастерские, изготовлявшие вещи из драгоценных металлов для скифского рынка. Мы видели, как их произведения заполняют богатые скифские погребения этого периода. Правда, высота их художественных достижений постепенно понижается: золотая монета Боспора IV в. до Р. Х., сменившая ионийское серебро VI и V вв., с ее поразительными головами сатиров и силенов, одно из лучших созданий античной глиптики (рис. 63, 64 и 65), сменяется теперь довольно дюжинным эллинистическим серебром, шаблонным, хотя и не второсортным (рис. 67).

Вся вторая половина III в. до Р. Х. наполнена на Боспоре длинным рядом династических и политических смут, от которых до нас дошли только бледные отголоски. Во главе государства временно появляются не Спартокиды: архонт Гиgienонт, может быть, ставленник пантикапейского гражданства, и какой-то царь Акес, по всей видимости, глава одного из скифских или меотских племен, претендовавших на руководство жизнью Боспора.

Еще более смутно предание о последних годах самостоятельного существования Боспора, о первых трех четвертях II в. до Р. Х. Появляется ряд династов, которых мы знаем только по монетам и надписям; все они носят фракийское имя Перисад. Весьма вероятно, что это последние отпрыски дома Спартока. Их монеты, как и монеты Гиgienонта, являются рабской копией, и притом довольно плохой, с

золотых статеров Лисимаха, полководца Александра, основателя недолговечного Фракийского царства (рис. 66). Общий облик этих царей – облик второстепенных эллинистических монархов; второстепенные цари, вроде царей Вифинии, Понта или Армении, но рангом пониже. При их дворе и в их политике, как и во всем мире эллинизма того времени, крупную роль играют местные подданные этих царей – скифы и меоты, по мере эллинизации все более и более насыщающие собой когда-то чисто греческое гражданство городов Боспорского царства.

Династия Спартокидов доживала свои последние дни. Но она продолжала исполнять свою традиционную миссию, снабжая хлебом и сырьем эллинский мир. Поэтому материальное благосостояние Боспора, хотя и падает, но все-таки держится на общем уровне полугреческих эллинистических держав того времени, далеко уступая, конечно, таким державам, как культурное Пергамское царство, и не имея возможности выдержать политического соперничества не только со своими черноморскими визави – Вифинией и все крепнущим Понтом, но даже со своими ближайшими соседями – крымскими скифами.

История Крыма II в. до Р. Х. стоит под знаком возрождения мощи старой скифской державы. Конечно, о возвращении этой державе прежней ее роли не может быть и речи. Все Прикубанье, Приазовье, Придонье, Приднепровье и Прибужье ушло из рук скифов навсегда, но два куса своей старой территории скифы удержали. Продолжает существовать небольшое Скифское царство в Добрудже и более крупная Скифская держава в Крыму. Благоприятно сложившиеся условия: отсутствие какой бы то ни было руководящей силы на севере, слабость Македонии, разбитость Фракии под разлагающим влиянием кельтских завоевателей, неумение сарматов спаять из отдельных племен сильную державу, отсутствие у греческих колоний юга России какой бы то ни было поддержки извне позволили нескольким энергичным скифским царям вновь спаять часть своей разложившейся державы и заявить, поддержав ее вооруженной силой, претензию на главенство над Крымом и греческими городами северного побережья вплоть до Ольвии. Своего апогея Скифская Крымская держава достигла при Скилуре во II веке до Р. Х.

Остались ли скифы и теперь прежней военной державой кочевников, мы не знаем. Во всяком случае, у них появился в Крыму крупный городской центр около нынешнего Симферополя. Возмож-

но, что мы имеем дело с полугреческим городом, выросшим среди скифского полукочевого, полужемледельческого населения, куда от времени до времени наезжали и скифские цари.

Основой благосостояния этого Скифского государства и греческой скифской столицы была, конечно, торговля с греческим миром хлебом и скотом. Немудрено поэтому, что цари Скифской державы стремятся получить в свои руки власть над важнейшими греческими портами. Им, вероятно, удалось захватить в свои руки Керкинитиду на западном берегу Крыма и даже Ольвию, богатые арматеры которой дали им в руки нужные им флот и морские силы для обеспечения своего вывоза от грабежей крымских пиратов.

Но этого, конечно, им было мало. Их манила превосходная гавань и прекрасная, возделанная под виноградники территория Херсонеса, дававшие возможность войти в непосредственные сношения с южным побережьем Черного моря. Весьма вероятно, что старались они укрепить свое влияние и на Боспоре путем дипломатических сношений и брачных союзов. Недаром же при последнем Перисаде в Пантикапее оказывается один из членов скифского царского рода, что, впрочем, обычно было уже в конце IV и в III в. до Р. Х., как показывают большие скифские гробницы в ближайших окрестностях Пантикапея и Нимфея, среди гробниц греческого населения этих городов.

В связи с этим возрождением Скифской державы, начавшимся, вероятно, уже в III в. до Р. Х., стоит постоянная скифская опасность, грозившая Херсонесу, постоянные нападения на него скифов и всяческие усилия, которые делает Херсонес для отвращения от себя этой опасности. Несколько случайных надписей из Херсонеса живо рисуют нам эту постоянную опасность и меры, принимаемые Херсонесом для ее отвращения. Своих сил у Херсонеса было мало, и ему приходилось обращаться за помощью к более сильным соседям. Пока силен был Боспор, помощи этой Херсонес искал у него; но Боспор слабел, все более и более подпадая под скифское влияние, а напор скифов становился все энергичнее и настойчивее.

Естественной защитницей Херсонеса была ее метрополия – Гераклея. Но она уже не была самостоятельна. Ей пришлось подчиниться понтийским царям. Пробует мобилизовать Херсонес и северных соседей скифов – сарматов. Так как все это переплетается с историей малоазийских эллинистических царств, где роль господина и распорядителя в это время играет уже Рим, то естественно, что от времени и до времени и до Херсонеса дотягивается властная рука Рима.

Во второй половине II в., когда особенно возрастает мощь Скифской Крымской державы, положение Херсонеса становится критическим. Но в то же время, под влиянием начинающейся разрухи в Риме, все более и более усиливающегося развала римской провинциальной администрации и первых раскатов внутренней революции в Италии, на востоке, как раз на южном берегу Черного моря, создается раньше исключенная возможность появления сильной державы. За дело ее создания берется молодой, энергичный и талантливый понтийский царь Митридат VI Евпатор.

Для осуществления его плана – создания, в противовес Риму, сильной восточной державы – ему нужна была прежде всего база. Этой базы Малая Азия, за жизнью которой внимательно наблюдал Рим, дать не могла. Понтийское государство – основа власти Митридата – само имело чрезвычайно смешанный состав населения, где рядом с алародийцами и фракийцами имелись семиты и иранцы, причем общий характер культуры подвергся сильной иранизации и напоминает культуру соседней Армении. Не забудем, что основу экономической и культурной жизни страны с этим составом населения составляли греческие города, постепенно лишенные свободы понтийскими царями – Гераклея, Синоп, Амис, Амасия, Трапезунт и другие. Этот характер культуры сближал Понт, главным образом, с Арменией, но еще более с Боспорским царством и, вообще, северным побережьем Черного моря, где мы встречаемся с тем же соединением и взаимопроникновением населения греческих городов, с чисто эллинской культурой, и племен, населявших страну, с иранской или иранизирующей культурой.

К союзу и, по возможности, подчинению указанных двух держав и должен был стремиться Митридат, чтобы создать себе нужную питающую базу как людского материала, так и денег, и натуральных продуктов. Но Армения была в это время сильной державой, с которой так же нелегко было справиться, как и с соседкой Понта с запада – Вифинией, и которая к тому же находилась под постоянным наблюдением Рима.

В другом положении находился Крым. Он не был в сфере влияния римской державы и не привлекал к себе внимания римских политиков. Между тем он мог дать Митридату как раз то, что ему было нужно: хлеб, скот, кожи, деньги и людей, огромные резервы которых в лице скифских, меотских и сарматских племен, полуиранец Митридат, считавший себя принадлежащим к старой персидской

династии Ахеменидов, мог рассчитывать использовать в качестве союзников и наемников.

С другой стороны, рост Скифской державы, опасность, грозившая от скифов Херсонесу, и его просьбы о помощи, направленные к Митридату, создавали необычайно благоприятные условия для вмешательства Митридата в дела Крыма. Представившийся случай Митридат использовал вполне. В двух экспедициях его полководцы Диофант и Неоптолем, показав свою силу Скифской державе, руководимой после смерти Скилура его сыном Палаком, и союзникам Скифской державы сарматам-роксоланам, завладели как Херсонесом со всеми подвластными ему греческими поселениями, так и Боспором со всей его державой и, наконец, даже Ольвией с ее территорией.

Этот успех необычайно усилил Митридата и дал ему надежду на возможность начать длительную и последовательную работу объединения Малой Азии, а затем и всего Востока под главенством Понта, наперекор сопротивлению Рима, раздираемого гражданской войной, разгоревшейся в 91 году ярким пламенем и продолжавшейся вплоть до 70 года и даже позже, т. е. в течение более 20 лет.

Здесь не место передавать историю неудачной попытки Митридата создать мировое греко-восточное государство. Для нас важно указать на то, что исходным пунктом Митридата в его борьбе с Римом и последним его резервом в этой борьбе были его крымские и присоединенные к ним кавказские владения, его черноморская держава. Примкнув и здесь, как и в Малой Азии, первоначально к греческим городам, Митридат, однако, быстро разочаровал их в их надеждах. Чем более впутывался он в войну с Римом, тем нужнее ему были деньги и натуральные продукты, и чем дальше он вытеснялся из Малой Азии римлянами, тем в большей мере поставщиками этих ресурсов делались греческие города северного побережья Черного моря. Это тяжкое, возложенное на них бремя греческие города несли все с большим и большим неудовольствием, подчиняясь только силе.

Наряду с этим, Митридат, нуждавшийся в людях для своего войска, все теснее и теснее сходил с когда-то подчиненными Боспору меотами, с его врагами – скифами и сарматами, вступая с их династиями в брачные союзы (и лично, и через своих многочисленных сыновей и дочерей) и политические договоры. Эллинству как раз тогда, когда оно надеялось, при посредстве Митридата, укрепить свое первенство над напиравшим на него иранством, грозила опасность быть окончательно поглощенным иранством, которое успело

уже к тому времени значительно изменить чистый раньше греческий облик населения греческих городов Причерноморья. С другой стороны, иранство встретило, очевидно, Митридата, как объединителя и вождя, несмотря на удары, нанесенные им первоначально скифам, и окружило его долго державшимся ореолом национального вождя.

Естественно поэтому, что греческие города Крыма, главным образом, Боспорского царства старались использовать моменты слабости Митридата для возвращения себе самостоятельности и, когда Митридат, окончательно вытесненный из Малой Азии Помпеем, но успевший бежать в Пантикапей и не допустить сюда Помпея, готовил здесь со всем напряжением сил новый поход на Римскую державу, на этот раз через степи юга России и по Дунаю, они оказали ему резкое сопротивление и, соединившись с его сыном Фарнаком, избавились от ненавистного им насильника, доведшего их до почти полного разорения и предавшего их вековым врагам эллинства иранцам.

Гибель Митридата обозначала, однако, подчинение Риму. Попытка Фарнака обеспечить своему понтийско-крымскому царству не вассальное, а самостоятельное существование, пользуясь временными неудачами Цезаря в Александрии, кончилась жестоким поражением: Фарнак, как и преданный им его отец, не нашел себе поддержки в греческих городах Крыма и погиб.

С этого времени начинается в жизни Крыма новая эпоха – эпоха подчинения Риму и нового подъема эллинского элемента, нашедшего себе в лице Рима деятельную и постоянную поддержку.

Эпоха Митридата была временем тяжелых испытаний для черноморских греков. Эра их полной самостоятельности кончилась. Оригинальная форма верховной власти, выработанная Боспором, т. е. соединение в одном лице верховного магистрата греческих городов – архонта и царя иранских и полуиранских, соединенных с греческими городами личной унией, племен окончательно сменилась чисто монархической властью греко-восточного типа. Материальное благосостояние греческих городов было подорвано, причем особенно пострадала Ольвия, очутившаяся после смерти Митридата между молотом и наковальнею, между скифами и сарматами, напавшими с востока, и возродившейся мощью фракийцев, объединенных в сильную державу Биребистой. И те, и другие стремились овладеть, а последние, в конце концов, и овладели этим важным портом и ключом ко всему Приднепровью и Прибужью.

Ослабела и культурная сопротивляемость греков. Уже раньше им трудно было удержать свой чистый греческий облик. Некрополи тех греческих городов, которые искони находились в особо тесной связи с местным населением, как Нимфей на европейской стороне, Горгиппия на азиатской, издавна давали образцы погребений смешанной ирано-греческой культуры. Теперь иранский элемент, уже в эпоху последних Спартокидов все более и более насыщавший греческие города, получил возможность беспрепятственного проникновения в греческое население городов, тем более что приток новых сил из Эллады, обессиленной и истекавшей кровью в муках гражданской войны Рима, совершенно прекратился.

И здесь, таким образом, в силу особых условий развития, мы встречаемся с общим для всего Востока эпохи позднего эллинизма явлением. За греческой оболочкой, даже в греческих центрах, начинают все более и более проступать местные элементы, изменяя все основы политической, экономической, социальной, культурной и религиозной жизни.

Боспорская держава Спартокидов, просуществовавшая в течение более чем трех веков и успешно исполнявшая за это время свою миссию передового поста, выдвинутого эллинством в море иранских и фракийских племен и народов, представляет из себя необычайно оригинальное и интересное политическое и социальное образование.

По внешней своей политической структуре руководящий город державы – Пантикапей ничем существенным от обычного города-государства Эллады не отличался. Отличительной особенностью его является только то, что здесь веками удержалась переходная для большинства греческих городов-государств форма правления – военная тирания, опирающаяся на наемное войско.

Это длительное существование тирании требует объяснения. Просуществовать три века, держась только насилием и опираясь только на мечи наемников, монархическая по существу форма правления, облекшаяся в оболочку эллинского народовластия, конечно, не могла. Несомненно, что ее существование и ее прочность обусловлены были иными, более глубокими причинами, создавшими ей прочную опору в населении.

Основной причиной была оригинальная социальная структура боспорской, по преимуществу торговой, державы, благосостояние которой зависело, прежде всего, от обеспеченности правильного обмена с греческим миром, с одной стороны, и с миром иранских и по-

луиранских племен, частью входивших в состав Боспорской державы, частью соседствовавших с нею, с другой. В этом отношении Боспор ближе всего напоминает семитический Карфаген, исполнивший ту же миссию, в несколько иных условиях, на берегах Африки.

Разница в положении Карфагена и Боспора была та, что благосостояние Боспора в значительной мере связано было с существованием Скифского царства, обеспечивавшего для Боспора возможность успешной торговли с соседями. Полное подчинение скифам отнюдь, однако, не входило в интересы Боспора.

Для того чтобы иметь возможность поддерживать хорошие отношения со скифами, не подчиняясь им окончательно, Боспор должен был иметь опору как в населении своей державы, так и в поддержке извне. Второе давало ему его отношения к Афинам, первое – общность его интересов с сильно эллинизованными ближайшими его соседями, для которых суверенитет Боспора был выгоднее и удобнее, чем подчинение скифам, тем более что этот суверенитет носил характер личной унии и не лишал отдельных племен возможности жить своею обычною жизнью под управлением своих местных царей, династов и князей.

Этим объясняется двойственный характер боспорской тирании. Для греческого населения они – облеченные им исключительною верховною властью магистраты-архонты. Для племен Крыма и Тамани они – их верховные цари, обеспечивающие им их самостоятельность, неподчинение скифам, поддержку эллинского мира и возможность широкого мирового обмена.

Но и для греческих граждан городов Боспорской державы руководящая единоличная власть была необходимостью, обеспечивавшею их существование. Их национальные традиции не позволяли им видеть в их верховном магистрате царя, но, как своему архонту, они готовы были дать главе державы неограниченные полномочия, так как от этого зависело их материальное благосостояние.

Греки городов Боспорского царства, насколько мы можем судить по скудным имеющимся у нас данным, были, главным образом, экспортёрами и арматерами, владельцами морских судов с одной стороны, собственниками больших торговых контор, поддерживавших постоянную связь с соседними племенами, и торговцами-посредниками, с другой. Граждане Боспора, насколько можно судить, предпочитали заниматься вторым, первое – рискованное и трудное дело – они предоставляли гражданам других греческих городов Ма-

лой Азии и Эллады, для которых доставляемые им Боспором продукты были делом жизненной необходимости.

Наряду с этим, имелось немалое количество ремесленников и художников, работавших на внешний рынок и создававших те специфические предметы, которых не могли им поставлять греческие и малоазийские мастера.

Наконец, немалое значение имели земледельцы, помещики, эксплуатировавшие ближайšie к греческим городам территории, которые они обрабатывали руками местного населения как наемных рабочих, иногда руками рабов, чаще же всего руками закрепощенного населения, ставшего к ним в такие же отношения, как илоты к спартанцам, пенесты к фессалийской знати, покоренные мариандины к гераклеяцам.

В общем, греческое население Боспора, даже исключая особо богатую аристократию, тесно связанную с верховной властью, было населением зажиточных торговцев, ремесленников и помещиков. Предполагать существование значительного количества рабочего пролетариата нет никакого основания. Торговый флот с его армией гребцов, как это засвидетельствовано неоднократно, не был местным, грузчики, по всей вероятности, набирались из тех рабов, которыми успешно торговал Пантикапей и которых поставляли им соседние, всегда воевавшие кочевники.

Это зажиточное греческое население, прежде всего и главным образом, заинтересовано было в том, чтобы власть обеспечивала им спокойное и обеспеченное существование, поменьше привлекала бы их к несению воинских обязанностей и гарантировала бы им возможность беспрепятственного общения с соседними племенами и с греческим миром.

Такой порядок вещей боспорская тирания обеспечивала греческому населению вполне. В войске граждан она не нуждалась, оно было скорее опасно для нее. Местное население, особенно воинственные фракийцы, давало ей достаточное количество наемников, в случае нужды она прибегала к союзам с соседями и к контингентам вассалов. Постоянную дружину, дорогую, но хорошо вооруженную и технически подготовленную, боспорские тираны получали из Греции. Оттуда же, главным образом, доставали они и людей для своего военного флота.

Для всего этого нужны были только средства. Средства эти давала все та же торговля с Грецией, главным образом, хлебная. Несомнен-

но, что самыми крупными экспортерами хлеба были сами архонты и цари Боспора. Об этом нам говорят и аттические ораторы – Эсхин, Исократ, Демосфен. Это же засвидетельствовано и рядом надписей.

Крупные доходы давали им и ввозные, и вывозные пошлины, особенно тогда, когда Боспору удалось избавиться от тяжелой руки Афин. Наконец, несомненно, что Спартокиды и их близкие были и наиболее крупными помещиками, земли которых давали весьма значительное количество хлеба. И это нам засвидетельствовано неоднократно.

На этих основах держалась, и держалась прочно, власть Спартокидов. От времени и до времени им приходилось прибегать и к военной помощи гражданства, создавать греческую армию из боспорских греков, но это, очевидно, было явлением преходящим, и основы боспорского строя оставались, в общем, одинаковыми до последних дней существования династии.

О культуре Пантикапея и Боспорской державы вообще речь была уже неоднократно выше. Я указывал на чисто греческий облик городского населения, только к концу спартокидской власти проникающий и иранскими элементами. Говорил я и о том, что в IV и III вв. до Р. Х. Пантикапей отнюдь не является только складочным местом для греческих и малоазийских товаров, а имеет свою довольно самостоятельную культурную жизнь, складывается в один из центров эллинского культурного творчества.

Я уже говорил об оригинальной погребальной архитектуре пантикапейцев и вообще боспорцев, о несомненном их творчестве в развитии некоторых архаических форм, связанном с трудным заданием создания типа подкурганных монументальных сооружений.

Но еще ярче сказывается творчество боспорских художников в местных произведениях из драгоценных металлов (специальности боспорских мастеров), развитие которой вызвано было падкостью на поделки из золота и серебра их скифских и меотских соседей. Исходным пунктом для характеристики их творчества в этом отношении являются монеты Боспора, в местном происхождении которых не может быть сомнения. Чекан серебра VI и V вв. держится в рамках общеоийского шаблона и особого интереса не представляет. Но начало чеканки золота, совпадающее с эпохой торговой самостоятельности Боспора, с правлением Левкона I и его преемников, и сопровождающего это золото серебра носит характер оригинальный и свидетельствует о высоких художественных достижениях пантикапей-

ских мастеров-греков. Интересен самый выбор типов, особенно головы бородатого и безбородого Силена и Сатира в профиль и почти в полный фас, так или иначе связанные с легендами о прошлом Пантикапея и прошлом правящей династии (рис. 63, 64 и 65). Обычное объяснение – неправильная этимология имени города от имени греческого бога Пана – меня мало удовлетворяет. Называть Паном изображенное на монетах Пантикапея божество я не вижу никаких несомненных оснований. Думается, что мы имеем здесь дело с какой-то традицией, следов которой скудное литературное предание нам не сохранило. Яснее обороты. Иранский, персидский грифон с дротиком во рту и колосом под ногами (рис. 64 и 65) гениально символизирует полуиранскую военную мощь Пантикапея, основанную на его экономической мощи, базой которой являлась хлебная торговля. Другой обычный тип – греческий аполлонов грифон и под ним донской осетр (рис. 63) – ярко указывает на связанные у греков с Пантикапеем представления; здесь слышатся отголоски предания об аполлоновых гиперборях, об аримаспах, борющихся с грифонами за золото Востока – словом, обо всех тех мифах, которые констатировали северные и восточные связи Пантикапея, считавшиеся и бывшие прямым или косвенным источником его необычайного богатства. Один из реальных источников этого богатства фигурирует тут же; это увесистые донские осетры, ценившиеся всем греческим миром. То же значение, может быть, имеет и голова быка на серебре.

Но еще интереснее эти монеты с художественной точки зрения. Монеты Пантикапея, по справедливости, считаются одним из высших достижений античной глиптики. Тонкость и изящество моделировки, энергия экспрессии, смелость трактовки головы почти впрямь неподражаемы и оригинальны, хотя отражают общие тому времени черты греческого искусства. Но особенно захватывает идеализованный реализм безобразных, но прекрасных и привлекательных своим безобразием голов сатиров и силенов. Не может быть сомнения, что на пантикапейских мастеров влияли не только греческие оригиналы, ставившие себе те же цели, но и наблюдение основных особенностей варварских типов, столь знакомых Пантикапею по ежедневному наблюдению.

Тяга к реализму является основным свойством пантикапейской торевтики. С большою силою она сказывается еще раз в серебре III–II вв. до Р. Х., в великолепном реалистическом, подчеркнуто-реалистическом изображении пасущейся в степи местной степной ло-

шади (рис. 67). Рядом с шаблонной, лишенной всякой силы, плоскоизящной головой Аполлона на главной стороне этой монеты, изображение лошади выделяется своей грубой, но сильной реалистичностью. Упадок Пантикапея в середине и конце II в. нигде так не ясен, как на монетах. Творчество старого золота Пантикапея сменяется шаблонной и рабской копией наиболее ходкой монеты того времени – золотых статеров Лисимаха (рис. 66).

Те же черты пантикапейского художественного творчества проявляются и в огромной, все увеличивающейся серии художественных произведений, сработанных в мастерских Пантикапея для соседних скифов. Здесь чрезвычайно поучительно сравнить золотые вещи из Солохи с несколько, но немногим более поздними вещами Куль-Обы и Воронежского кургана (рис. 3) и затем с вещами из Чертомлыка и Карагодеуаша. Знаменитый теперь золотой гребень Солохи (рис. на обложке), в общем, дает обычный, особенно близкий Малой Азии сюжет конного боя в обычной классической композиции. Единственное, чем он отличается от современных ему малоазийских скульптур, живущих традициями уже академического афинского искусства, это еще большая, чем в Малой Азии, бытовая реалистичность в трактовке оружия, одежды, конского убора, точно скопированных с действительности. Меньше реалистичности в изображении лиц, в типах сражающихся, хотя тяга к реализму видна и здесь.

То же, в еще большей мере, наблюдаем мы на серебряном золоченом сосуде из Солохи (рис. 108), дающем обычную, хорошо исполненную сцену охоты, столь типичную для малоазийского греческого искусства. Еще интереснее обложенный серебром горит со сценой боя двух типов местных степняков – пеших и конных (рис. 36). И здесь реализм костюма и вооружения полный. Типы лиц, однако, напоминают нам монеты Пантикапея того же времени. Конные лучники дают более грубую трактовку лица бородатого силена монет, молодой их спутник – это знакомый нам молодой сатир пантикапейского золота и серебра. К тому же типу приближаются и два пеших противника описанных бойцов одного лагеря. Но здесь мы видим уже первые проблески того течения, которое в пергамском искусстве дает нам вечные изображения кельтов. От типа сатира искусство идет к поразительно тонкой передаче не столько мелочей, сколько основной черты характера изображаемых варваров. Каких варваров изобразил пантикапейский художник, работавший для погребенного в Солохе

царя, мы не знаем. Но невольно вспоминаешь северян-кельтов или фракийцев или какие-нибудь родственные им племена.

Шаг вперед сделан в вещах Куль-Обы (рис. 46 и 47) и Воронежского кургана (рис. 48). Бытовой реализм остался тот же, но мы видим две новые черты. Складывается идеализованный тип скифа в искусстве, как одновременно сложился тот же тип в литературе. Наряду с этим, сказывается тенденция к большей экспрессии, к передаче выражения страдания и пафоса – и здесь мы подходим к будущим особенностям пергамского патетического искусства. Это особенно ясно на сцене зубной операции и забинтовывания раненой ноги на знаменитом куль-обском электровом сосуде.

Последний этап – это поразительные лошади Чертомлыка (рис. 49 и 50). Они старше, тоньше и художественнее лошади упомянутой выше монеты. Лошади реалистичны в их структуре и поразительно художественны в движении. Мало того, несмотря на трудности, представлявшиеся мастеру необходимостью дать узкий фриз вазы, он сумел дать почувствовать простор и ширь степей, задор и разгул дикого степного табуна.

Интересны и еще несколько более поздние ритуальные сцены Карагодеуашха (рис. 49 и 50). Здесь перед нами уже не чисто греческое искусство. На ритоне (рис. 51) мы имеем иранский тип и схему, на пластине головного убора (рис. 52) интересную греческую композицию, но чисто восточную торжественность и ритуальность центральной монументальной фигуры, ее прислужниц и двух мужских фигур на первом плане – молодого знатного скифа и евнуха-энарета, служителя богини, в женской одежде и с ее круглой священной чашей в руке. В мир эллинского творчества просачивается подлинный Восток, влияя на Элладу и подготавливая будущий расцвет, правда, не в степях Скифии, а в сасанидской Персии, возрождения иранского искусства.

Мы видим, что Пантикапей имел свою эпоху творчества, внеся кое-что в сокровищницу греческого искусства, и тем новым, что он дал, он был обязан своему соседству с иранским миром и своей связи с великим восточным искусством. Ту же миссию он будет продолжать осуществлять и в следующей стадии своего исторического развития.

**СИНДЫ, МЕОТЫ,
САРМАТЫ**

уже не раз говорил о той роли, которую играли в истории Боспорской державы племена, жившие на Тамани и по берегам Азовского моря до Дона. Говорил я и о той культурной связи, которая объединяла их с миром адародийской культуры, о владычестве над ними киммерийцев, которые внесли сюда первые элементы иранской культуры, наконец, о подчинении их, хотя и частичном, скифам и их тесной связи с греческими колониями азиатского побережья Керченского пролива.

Вопрос о национальности этих племен не может быть разрешен хотя бы с некоторою долей вероятности. Возможно, однако, думать, что эти племена принадлежали к одной этнической группе с большею или меньшею примесью фракийских и иранских элементов, причем фракийские элементы могли быть привнесены киммерийцами, но могли быть и исконными. Иранское влияние было, несомненно, чрезвычайно сильно, и сказалось как в языке ближайших соседей скифов-савроматов, так и в общем облике культурного обихода. Несомненно, речь идет не только о культурном влиянии, но и о смешении.

В интересующую нас группу племен входят и савроматы, жившие около устьев Дона, часть которых, вероятно, составляли яksamаты, и так называемые меоты, т. е. племена Приазовья, и племена, населявшие Кубанскую область: дандарии, фатеи, псессы и, наконец, синды, ближайшее к грекам племя, наиболее тесно с ними связанное. Большинство этих племен объединяет в одну группу засвидетельствованная специально для савроматов и яksamатов поразившая греков, уже упомянутая выше роль женщин в общественной и военной жизни, подтверждаемая и для исторического времени рассказами об яksamатке Тиргатао и о савроматке Амаге. Выше я поста-

вил эту характерную черту быта в связь с киммерийцами, но возможно, что она присуща была местному населению до его завоевания киммерийцами.

Среди упомянутых племен особенно близко связаны были с греками синды – земледельческое племя, создавшее в VI и следующих веках до Р. Х. свою прочную государственность под руководством полугреческих династов. Предание называет нам Синдскую гавань, как главный пункт, через который они вывозили свои продукты. Позднее один из местных династов, вассальных Боспору, основывает по соседству с Синдской гаванью крупный греческий город – Горгиппию, развалины которой находятся под нынешней Анапой. Этот город предание называет «царской резиденцией» синдов.

Некрополь Горгиппии очень близко напоминает некрополь Пантикапея. То же сочетание рядовых гробниц с греческим обрядом погребения и огромных курганов с монументальными каменными склепами, где хоронились полугреческие династы синдов и члены их рода.

Таков же характер некрополя Фанагории, главного порта всей Тамани. И здесь то же сочетание, причем монументальные курганы далеко выдвинулись внутрь Таманского полуострова (Большая Близница, Малая Близница, курганы на Васюринской горе и многие другие) и хранили в себе особенно богатые погребения, где греческий геройский обряд погребения тесно слился со скифским (например погребение лошадей погребальной колесницы).

Особенностью племен Тамани, связывающей их с населением остального побережья Черного моря, главным образом, Понта и Каппадокии, а также Лидии и Фригии, является крупная роль, которую играл в их религиозной жизни культ верховного женского божества, почитавшегося в ряде храмов (нам известны три таких храма на Таманском полуострове), не связанных с поселениями и городскими центрами и жившими своею жизнью.

Один из них – вероятно, древнейший – находился по соседству с Гермонассой (ныне Тамань). Другой тесно связан был с Фанагорией. Третий расположился на живописном мысу, вдающемся в Ахтанизовский лиман и носящем теперь имя Мыса Бориса и Глеба. Несомненно, что этим количеством наличных на Тамани храмов местной богини не исчерпывалось. Весьма вероятно, что существование культа великой богини мы должны предполагать и около Синдского порта, и около или в Горгиппии.

Позднейшие свидетельства рисуют нам жизнь этих храмов теми же красками, которые характерны для жизни больших негородских святилищ Малой Азии, посвященных богине Ма в Каппадокии, Анаите в Понте, Артемиде в Сардах и т. п. Перед нами храмы с большой принадлежащей им территорией, населенной крепостным населением, работавшим на жрецов.

Этот местный культ воспринят был и греческим населением и сильно огречился. Местные греки слили в своих представлениях верховное женское божество синдов с ионийской Афродитой Апатуру, позднее с Афродитой небесной. На Ахтанизовском лимане его отождествили с Артемидой Полевой (Агротера), т. е. также с богиней производительных сил природы. Возможно, что ее местное имя была Астара, а ее мужским спутником был Санерг, как называет их в посвятительной надписи уроженка Тамани, царица Комосария. Эти имена связывали бы эти божества с миром малоазийских догреческих культов хеттского происхождения.

Весьма вероятно, что культ Астары носил мистический характер и, может быть, воспринят был греками не только в виде культа Афродиты, но и культа Деметры или Кору, так тесно связанного с элевсинскими мистериями. Отмечу еще, что фигура великой местной богини весьма часто воспроизводится в терракотовых статуэтках, а также, что эта же богиня была и основным божеством, почитаемым под именем Богини Девы жителями горного Крыма – таврами, культ которой воспринят был и Херсонесом, где он сделался главным городским культом. Знакомство греков с этим таврским культом уже в очень раннее время дало один из сравнительно поздних мотивов для греческого мифа об Ифигении.

На этом основании и на основании других довольно многочисленных свидетельств мы можем думать, что богине приносились человеческие жертвы; в ее честь убивали преимущественно иностранцев, потерпевших крушение на гористых берегах южного Крыма. Интересно, что в одном лесном святилище около Ялты найдена была длинная серия изображений местной богини в типе богини-матери, богини плодородия, с ребенком на руках.

Менее подверглись влиянию греков более удаленные от моря племена по течению Кубани. Я уже говорил о том, что боспорские архонты были только их царями-сюзеренами. Как и синды, они имели своих правителей, конечно, местного происхождения. Династы

дандариев, фатеев, яксаматов появляются не раз в историческом предании об истории Боспора, и притом в разное время.

Некоторые черты из жизни этих племен нам известны от греческих историков. Так, в рассказе о борьбе Евмела и Сатира Диодор рисует нам интересную картину столицы царя фатеев. Центр ее составлял большой укрепленный дворец царя, сооруженный, вероятно, из камня, с каменными же стенами и башнями. Находился он на мысу, образованном рекою Фат, окружен был скалами и лесами. По болотистому берегу реки раскинулся самый город – свайное поселение на болоте, вероятно, также окруженное стенами, на этот раз деревянными. Описание заставляет думать, что мы находимся где-то в предгорьях Кавказа.

Того же характера был, очевидно, и город Гаргаза того же племени и город Соса в стране дандариев, упоминаемый для более позднего времени Тацитом. Ясно, что мы имеем дело с земледельческими народами, умевшими строить города. Наряду с городами упоминаются и деревни. Укрепленную резиденцию царя надо представлять себе в типе восточных укрепленных дворцов или тех «храмищ сокровищ», в которых Митридат хранил свои богатства в пределах своего царства. Первоначальное поселение на месте позднейшего греческого Пантикапея могло носить тот же характер, с укрепленным дворцом и святилищем на так называемой Митридатовой горе.

К сожалению, археологическое исследование Кубани направлено было по преимуществу и здесь, как и в бассейнах Днепра и Дона, на разрытие курганов. Многочисленные имеющиеся и на Кубани, как и на Дону, Днепре и Буге, развалины древних городов никогда не были предметом серьезной археологической работы, разделяя эту участь с руинами греческих городов Боспорской державы. Между тем разрешение ряда исторических вопросов только тогда делается возможным, когда ряд развалин городов будет исследован серьезно и научно. Такими развалинами наполнена, например, северная часть Таманского полуострова, отделенная от остальных частей Тамани так называемым Киммерийским валом. Вал этот никогда исследован не был. Разведка отдельных городищ довольствовалась установлением того, что в эпоху Римской империи они были небольшими крепостями-убежищами для местного населения. Этим, однако, вопрос о времени их возникновения не разрешается.

Еще досаднее, что не расследовано ни одно из городищ Кубани. Поверхностная разведка в одном из них, расположенном около Семибратних курганов, показала, сколько свету пролило бы серьезное расследование на быт и культуру синдов и какую реальную основу подвело бы оно под краткие сообщения Диодора и Тацита. Очередной задачей будущих исследователей является переход от раскопки курганов к раскопке древних городских поселений местного населения по течению великих русских рек.

Как я уже говорил выше, начиная с IV в. до Р. Х. из Азии вновь двинулись на запад иранские кочевые племена, которых греки называют общим именем сарматов и не различают от савроматов. Но в предании нашем мы легко устанавливаем отличие одного племени от другого. Ни один из античных писателей, говоря о сарматах на основании сведений из первых рук, не упоминает о том, что было для грека главным признаком савроматов, — о роли женщин. Только там, где сведения подлинны подверглись литературной обработке, на сарматов переносится то, что составляет в старом предании особенность савроматов.

Сарматы двигаются с востока рядом сильных племенных групп: сначала языги, затем роксоланы, сираки и аорсы, наконец последним идет могучее племя аланов. Ко II в. до Р. Х. первые четыре племени, согласно совершенно достоверным свидетельствам, оттеснили скифов вглубь Крыма и утвердились на всем протяжении их царства: на западе, вплоть до Дуная, языги; в центре, между Доном и Днепром, роксоланы; по течению Кубани, ближе к Тамани и Кавказу, сираки; севернее вплоть до Дона — аорсы. Все эти племена живут каждое своею жизнью и одного государства не составили. В пределы Боспорского царства они в это время еще не проникли. Даже Танаис им взять не удалось.

Позднее появляются аланы, покрывающие в нашем предании, начиная с эпохи Римской империи, остальные племена сарматов идвигающиеся медленной и грозной лавиной все дальше и дальше на запад, частью толкая перед собой раньше их явившиеся племена сарматов, частью покрывая их собой в месте их оседлости, частью увлекая и их, и другие племена с собой в своем поступательном движении.

Античное предание, начиная от Страбона, черпающего из источника, относящегося ко II в. до Р. Х., и кончая Аммианом Марцеллином, в IV в. по Р. Х., рисуящим нам сарматов специально, алан ча-

стью по подлинным данным, частью чертами, взятыми из Геродота и относящимися к скифам, согласно характеризует сарматов как кочевое племя конных дружинников, чрезвычайно похожее на скифов, но отличающееся от них некоторыми новыми чертами. Новейшие лингвистические исследования в области изучения осетинского языка (осетины – отдаленные потомки алан, конечно, очень смешанные) подтвердили это сближение, выяснив с несомненностью, что сарматы были иранцами. С литературными данными в полном согласии стоят и немногие несомненные изображения сарматов на памятниках античного искусства, главным образом, на триумфальных рельефах Траяновой и Антониновой колонн в Риме и арки Галлиена в Салониках (изображение танаита в сарматском вооружении на рельефе из Танаиса, рис. 73).

От подвергшихся сильному влиянию греческой культуры скифов сарматы отличаются, прежде всего, большей грубостью и дикостью. В их вооружении много общего со скифами. Как и скифы, они конные рыцари, но главным оружием их являются уже не луки, которыми они, правда, также вооружены, а длинные мечи (не короткие персидские акинаки) и огромные тяжелые копья – настоящие казацкие пики или копья средневековых западноевропейских рыцарей. Как и скифы, они защищены чешуйчатыми панцирями из костяных или железных чешуек, причем та же чешуйчатая броня покрывает и их коня. Некоторые племена, например роксоланы, носили кожаные панцири, кожаные шлемы и плетеные щиты. Но, наряду с чешуйчатой броней, появляется новая, чуждая скифам, кольчатая броня.

Внешний облик их такой же, как и скифов: длинные волосы и бороды, восточная одежда, похожая на одежду парфян, штаны.

Строй их государственной жизни, в общем, мало чем отличается от скифского, за исключением большей расщепленности и разбитости. Мы слышим о царях отдельных племен, о «скипетроносцах» отдельных частей племени, о лучше вооруженной аристократии, закованных в панцири с ног до головы рыцарях-катафрактариях.

В области религии, возможно, сарматы, как нам сообщает один достоверный и ранний свидетель, были огнепоклонниками.

Часть сарматов, как было сказано выше, осела у Дона и на Кубани. О некоторых из них, специально о кубанских и донских аорсах и сираках, Страбон и Тацит сообщают нам интересные сведения. Сираки в новых местах, очевидно, наслоились на старых жителей обла-

сти, усвоили их образ жизни и восприняли их культуру. Во времена Страбона – они частью кочевники, частью земледельцы, т. е. успели уже осесть и эксплуатируют местное земледельческое население, унаследовав торговые связи старого населения с Боспором. В эпоху Тацита мы слышим об их укрепленном городе Успе, окруженном стенами из плетеного хвороста и земли. В этой крепости они пытаются защищаться. Сюда собрались как «свободные», так и огромная масса «рабов». Очевидно, мы имеем дело со знатью, на землях которой сидят крепостные.

Придонские аорсы считались очень богатым племенем. Оружие и одежда их покрыты были золотом. Богатство их было результатом того, что они заняли старый вышеупомянутый торговый путь из Индии и Вавилонии через Мидию и Армению к Танаису. Платежи купцов давали им большие средства и позволяли им щедро платить боспорским грекам за вино, одежду и драгоценные вещи.

Долговременное пребывание сарматов на Кубани, на Дону и далее на запад не могло не оставить следов в погребениях этих местностей. И действительно, как раз начиная со II в. до Р. Х., мы встречаемся на Кубани, на Дону и на Днепре, а затем и далее далеко на запад с погребениями, резко отличающимися от погребений скифских IV–III вв. до Р. Х., погребениями, также принадлежащими конным кочевникам, но с иным обрядом и с иным инвентарем, чем погребения скифские.

В целых группах прикубанских курганов, больших курганных некрополях, частью насыпанных старым населением, хоронившим своих покойников в скорченном виде и посыпавшим их трупы красною краскою, мы находим земляные погребения, относящиеся к эпохе от конца II в. до Р. Х. и заходящих глубоко в эпоху Римской империи до III–IV вв. по Р. Х. Погребения эти не имеют формы погребальных ям со встроенным в них деревянным или каменным сооружением, как скифские. Это подземные склепы с впускным колодцем и камерой, в которую клали трупы.

Хоронили здесь также конных рыцарей, но без лошадей. Вместо лошади иногда клали уздечную сбрую. Не наблюдается ни малейшего следа человеческих жертвоприношений, нет даже случаев совместного погребения женщин и мужчин. Нет и типичных для скифских погребений вещей. Отсутствуют горит с луком и стрелами, нет скифского акинака, обычных для скифов круглодонных металлических сосудов, типичных нашивных бляшек.

Мечи имеют иную форму, стрелы хранятся в особых колчанах, наряду с чешуйчатым панцирем появляется новый тип кольчатого, в конской сбруе впервые появляются стремена. Вместо круглых нашивных бляшек с штампованными украшениями греческого или местного звериного стиля мы имеем характерные мелкие фигурные нашивные же бляшки в форме креста, лилии, стальных зубцов и т. п., т. е. сплошь орнаментов, типичных для восточного мира (рис. 76).

Но в общем тип вооружения старый, старыми являются и основные типы вещей, удерживается и типичное для скифских погребений сочетание греческих, иранских и местных вещей, последнее преимущественно керамика.

Среди греческих ювелирных вещей, всегда, как мы видели, приспособлявшихся к вкусам заказчиков, мы находим, наряду с вещами старой техники и старых форм, целую серию вещей нового типа, свидетельствующих о новом торжестве старых иранских или доиранских вкусов и технических навыков. Я имею в виду ювелирные вещи, в которых главное внимание обращено не на красоту форм и на богатство линий фигурного, геометрического и растительного орнамента, стройность композиции и пластику отдельных фигур, а на экспрессию движения, богатство расцветки, красочность вещей, достигаемую комбинацией драгоценных металлов, цветных камней и цветной эмали.

Этот принцип красочности и многоцветности исконен в восточном искусстве и перешел отсюда в греческую архаику вместе с соответственной техникой. Но в классический период он был заброшен и продолжал жить и, вероятно, совершенствоваться только на родине стиля и до известной степени в мастерских Пантикапея для некоторых вещей. Во II в. до Р. Х. мы наблюдаем в тех же мастерских Пантикапея новый расцвет стиля и техники, продолжающих совершенствоваться и развиваться. Не может быть сомнения, что импульс дан был с Востока пришельцами, принесшими отсюда свои вкусы и подействовавшими на направление работы пантикапейских мастерских.

Новый расцвет в этой новой форме переживает и звериный стиль, и именно местный звериный стиль, только частично испытавший влияние звериного ионийского стиля. Принципы его остаются те же, но чувствуется в нем новая свежесть и сила, старые схемы, превратившиеся уже в шаблон, оживают, и всему этому красочность и многоцветность придает особый отпечаток, грубый и утон-

ченный одновременно. Наиболее блестящим образчиком этого стиля является недавно найденный около Майкопа пояс с пряжкой, изображающей грифона, терзающего лошадь, и с поясным набором в виде многоцветных крыльев (рис. 68 и 69). В крыльях, составляющих основу орнаментации поясного набора чувствуются мотивы, ведущие нас далеко на Восток, в сферу китайского художественного творчества.

Характерным примером приспособления старого греко-скифского убора к новому вкусу может служить золотая диадема, найденная около Новочеркасска, где причудливо сочетались эллино-скифская форма убора, греческие орнаменты и ряд грубых орнаментов нового стиля с господствующим над всем этим стремлением к красочности и многоцветности (рис. 74). Интересным образчиком грубого, но мощного звериного стиля может служить и золотой подвесной флакон той же новочеркасской находки с фигурами зверей, расцвеченными камнями и эмалью, мастерски приспособленными к форме флакона. И в этих грубых фигурах характерна сила экспрессии и движения (рис. 75).

Те же особенности видим мы и на очень характерных ранних стеклянных сосудах, одеваемых, вразрез греческому вкусу и навыкам, в золотую оправу, расцвеченную цветными драгоценными камнями со свешивающейся бахромой золотых цепочек и золотых привесок со вставленными в них драгоценными камнями (рис. 71 и 72).

Почти все особенности инвентаря кубанских погребений повторяются в ряде других находок в степях юга России, особенно частых в Донской области. Почти не может быть сомнения, что мы имеем дело с любимыми вещами богатых сарматских племен, прежде всего аорсов и сираков, позднее аланов.

И эти новые влияния идут по проторенным путям далеко на север, проникая и в бассейн Камы, и в далекую Сибирь и создавая там подражания и приспособления к условиям местного быта. Очень поучительно сравнить вышеописанную пряжку пояса из Майкопа (рис. 69) с сибирской бляхой, вероятно, конского набора, поступившей в Эрмитаж еще в XVIII в. (рис. 70). Сцена та же: крылатый барс, терзающий лошадь. Фигура барса здесь поразительна напряженной энергией всего стального тела зверя, экспрессией кровожадной удовлетворенности головы. Но она, все-таки, далеко уступает тем же особенностям майкопской фигуры грифона. Еще яснее воплощение в фигуре умирающей лошади: каждый мускул головы

лошади на майкопской пряжке говорит о медленной агонии издыхающего в неравной борьбе животного. На сибирской бляхе это уже превратилось в схему.

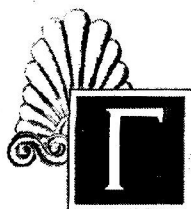
Постепенно сарматы с Кубани продвигаются на Таманский полуостров, оседают там под именем аспургиан, вытесняя синдов, и начинают, как увидим ниже, играть видную роль в Боспорском царстве римского времени. И на Тамани появляются погребения с инвентарем нового типа, вместе с сарматами проникают они и в самый Пантикапей, где, начиная со II в. по Р. Х., стали играть весьма видную роль.

Еще важнее, что сарматам удастся то, что не удалось скифам. Они проникли глубоко в Западную Европу, дойдя до Испании. С собою они понесли свои вкусы, свою культуру, свои любимые формы. Вещи сарматского типа, целые типичные погребения мы находим и в Австрии, и даже в далекой Нормандии.

Появление сарматов не прошло бесследно. Оно способствовало появлению в римских провинциях нового стиля – романского, повлияло на так называемый готический и внесло свою лепту в историю западноевропейского искусства.

**ГРЕЧЕСКИЕ КОЛОНИИ
ЮГА РОССИИ
В ЭПОХУ РИМСКОГО
ВЛАДЫЧЕСТВА**

Гибель понтийской и всечерноморской державы Митридата и крушение попытки восстановления этой державы при Фарнаке грозили эллинскому элементу на юге России жестокими бедствиями. Иранство на Востоке и фракийство на Западе готовы были затопить слабые очаги эллинской культуры и городской жизни. Ольвия была взята и почти совершенно разрушена гетами, крымские скифы окрепли и угрожали Боспору и Херсонесу, кубанские и донские сарматы надвигались на Тамань и на Танаис.

Если в это трудное время эллинство не окончательно погибло и эллинские города все-таки удержались, хотя и подверглись очень сильной ориентализации, то этим они обязаны были, главным образом, могучей поддержке Рима, за которую они, однако, заплатили частью полной, а частью почти полной потерей своей политической самостоятельности.

В первое время, однако, Рим, сам утопавший в море крови гражданской войны, не мог обращать достаточного внимания на отдаленные островки греческой жизни на Черном море и более или менее предоставлял их своей судьбе. Все же уже Цезарь после победы над Фарнаком не оставил без внимания и эту окраину греческого мира, так как история Митридата выяснила большое значение Причерноморья для всего греческого мира и с положительной, и с отрицательной стороны.

Богатые местности у северного берега Черного моря всегда могли быть серьезным ресурсом для всякого решительного противника Рима на Востоке и особенно в руках тех, кто пожелал бы объединить около себя сильный иранский мир, — единственного несломленного

еще соперника римской мировой власти. Только решительное укрепление римской гегемонии в Крыму могло этому помешать и вместе с тем обезопасить новые области римской колонизации по течению Дуная, где Цезарь, предполагавший разбить и подчинить Риму объединившееся около гетов фракийство, надеялся встать наконец твердой ногой. Только оно, вместе с тем, могло обеспечить питающий тыл для задуманного Цезарем решительного удара иранству в лице Парфии. Этот удар был ближайшей задачей Цезаря после окончания гражданских войн и его он собирался осуществить после предварительного сокрушения объединителя фракийства Биребисты.

Это и сосредоточение войска в Иллирике и в Македонии показывает, что Цезарь рассчитывал наступать на Парфию не из Сирии, как это пытался, и неудачно, сделать Красс, и как это, также неудачно, повторил преемник Цезаря на Востоке – Антоний, а, став предварительно твердой ногой на Черном море, по тому пути, по которому шли римские императоры после Нерона и Флавиев, т. е. по побережью Черного моря с питающим тылом в Понте, Каппадокии и Вифинии, тесно связанными с северным побережьем Черного моря. Недаром же Цезарь поселил в Синопе, бывшей столице Понтийского царства, ключе к морским торговым путям Черного моря, колонию римских ветеранов. Еще показательнее, что он, по всей вероятности, сделал то же и в Гераклее, о тесной связи которой с Крымом уже не раз была речь выше.

Надо принять, кроме того, во внимание, что и помимо этих ближайших задач римской мировой политики, для осуществления которых власть над северным побережьем Черного моря была одним из главных условий, степи юга России и их окна в культурный эллинский мир – греческие колонии были одним из главнейших ресурсов для возможности здорового развития всего эллинского средиземноморского мира. Они издавна поставляли греческим городам Балканского полуострова и Малой Азии хлеб и сырье всякого рода, и прекращение или ослабление этого подвоза и вообще торгового обмена с югом России, через который, как я уже не раз говорил, шел один из важнейших торговых караванных путей с Востока, было бы жестоким и тяжелым ударом для экономической жизни эллинской половины Римской мировой державы, т. е. огромным уроном для экономического развития всей этой державы.

Ввиду всего этого, Цезарь попытался установить прежде всего твердую власть на Боспоре, престол которого после поражения Фар-

нака был свободен. Для замещения этого престола он предназначил Митридата Пергамского, знатного и богатого малоазийского грека или полугрека, связывавшего себя с Митридатом Великим. Митридат Пергамский оказал большую услугу Цезарю в критический момент его жизни, когда Цезарь после победы над Помпеем, в Александрии, в Египте, неожиданно наткнулся на решительное сопротивление Александрии и Египта, сопротивление, грозившее ему гибелью, так как явился он в Египет только с очень незначительной воинскою силою. Из этого трудного положения выручил его Митридат, явившись по зову Цезаря в Египет с довольно внушительною силою. При этом он проявил и решительность, и быстроту, и некоторый военный талант.

Все это делало его подходящим кандидатом на замещение ответственного поста вассального Риму царя части бывшего царства Митридата Великого. Его греческое происхождение делало его приемлемым для понтийских эллинов, а связь с Митридатом обеспечивала ему поддержку иранцев, соседей Боспорского царства, имя Митридата Великого среди которых пользовалось все еще колоссальным престижем и которые в силу этого оказали деятельную поддержку и Фарнаку. Наконец, в его лице возможно было объединить Понт – южное побережье Черного моря с Боспором, т. е. северным берегом, что было и естественно, и необходимо для дальнейших военных целей Цезаря на Востоке.

План Цезаря, однако, разбился о сопротивление самого Боспора, во главе которого встал энергичный и деятельный Асандр. Фарнак оставил его своим заместителем на Боспоре во время своего неудачного похода против Малой Азии, кончившегося его поражением при Зеле. С раз полученною властью Асандр расстаться не захотел. Бежавший в Пантикапей после битвы при Зеле Фарнак был предан Асандром и убит. Не пожелал уступить Асандр своего места и Митридату Пергамскому. Поход Митридата на Боспор кончился неудачей, и Митридат погиб.

Мы не знаем, ни какого происхождения был Асандр, ни какие были его права на власть на Боспоре. Конечно, он не принадлежал к роду Спартокидов, но, может быть, был одним из знатных боспорских греков и потому приемлем для тамошних эллинов. Для упрочения своего положения и приобретения авторитета среди иранского населения он женился уже в преклонном возрасте – власть он захватил на склоне лет – на Динамии, дочери убитого им Фарнака.

Счастье благоприятствовало Асандру.

Цезарь, который бы не простил Асандру его победы над Митридатом, не мог успеть с ним расправиться: войны в Африке и в Испании и организация своей власти в Риме заняли его в ближайшие годы после возвращения с Востока, а уже в 44 году он был, как известно, убит.

Между тем Асандр проявил большой государственный ум и большой воинский талант. Ему удалось отстоять Боспор от нападений соседей как крымских скифов, от которых он отгородил свою территорию укрепленным валом, так и сарматов. Он сумел укрепить за собой Танаис и обезопасить море от хозяйничавших там пиратов как местных кавказских, так, вероятно, и более регулярных сил, находившихся, как выше упомянутый ольвийский арматер, на службе у Скифского царства. Этими победами Асандр обеспечил себе прочную власть и укрепил экономическое положение своего царства, сохранив для него возможность стоять в центре торгового посредничества.

Естественно, что при таких условиях Антоний, очень нуждавшийся в деньгах, а затем триумвиры, занятые гражданской войной и нуждавшиеся в союзниках на Востоке, не склонны были вспоминать о Митридате Пергамском и о неисполнении Асандром распоряжений Цезаря. Асандр поэтому в год смерти Цезаря был признан архонтом Боспора, т. е. законным преемником Спартокидов, а через три года принял титул царя, признанный Римом. Все это, однако, при условии подчинения Риму на положении вассального царя, как показывают его монеты и надписи.

Асандр дожил до глубокой старости. В последние годы его правления, уже в эпоху принципата Августа (17–16 г. до Р. Х.), ему пришлось иметь дело с притязаниями некоего Скрибония, выдававшего себя за потомка Митридата и, может быть, действительно принадлежавшего к романизованной, как показывает его имя, понтийской знати. Его успех в борьбе, объясняющийся, может быть, негласной поддержкой Рима, недовольного слишком самостоятельной политикой Асандра, привел Асандра к самоубийству. Жена Асандра Динамия последовала за сильнейшим и отдала свою руку убийце мужа. Но власть Скрибония была недолговечна. Он встретил сопротивление в местном греческом населении, очевидно, связанном с Асандром, и был убит.

Смуты на Боспоре заставили Рим серьезно присмотреться к положению дел в Крыму. В это время Рим прочной ногой встал на Ду-

нае, появился ряд дунайских римских провинций, сарматы сделались соседями Рима. Иметь оплот против них в сердце их мощи или, во всяком случае, наблюдательный пункт за ними было всецело в интересах Рима. Боспорское царство в тылу сарматов было большим козырем для Рима. Из Боспора легко было сломить сопротивление и крымских скифов, создав прочное эллинизированное целое, которое объединило бы весь Крым.

Таковы, по всей вероятности, были идеи Августа и исполнителя его предначертаний на Востоке Агриппы в момент апогея завоевательной политики Августа, раздвинувшего пределы Римской державы до Эльбы и до Дуная. Недаром же Август в надписи на своем мавзолее, где он сообщает гражданству о том, чем он был для Рима и чем Рим ему обязан, сообщает, говоря о своих военных и дипломатических успехах, о посольствах к нему скифов и донских сарматов, а Агриппа, создавая свою карту и описание Римской мировой державы, говорит о Сарматии и Таврской Скифии как о двух частях ее.

Все это, однако, было делом будущего.

Для осуществления его необходимо было прежде всего обеспечить себе верного вассала на Боспоре. Возможно, что Асандр казался Риму ненадежным, еще менее надежны были Скрибоний, и особенно, Динамия, настойчиво и не стесняясь в средствах добивавшаяся сохранения власти в своих руках при каких бы то ни было обстоятельствах и, вероятно, имевшая большой авторитет на Боспоре, как внучка Митридата и жена Асандра. Вручить ей одной Боспор было неосторожно, не считаться с нею невозможно.

Агриппа прибег к старому средству Цезаря. Роль Митридата Пергамского должен был сыграть знатный малоазийский грек Полемон, которому Август отдал в свое время Понт и Малую Армению. Агриппа присоединил ко всему этому и Боспор, и Динамию, когда Скрибоний был устранен до вмешательства Рима.

Полемон встретился на Боспоре со сложным положением и большими трудностями. Около пяти лет его правления (с 14 года до Р. Х.) ему пришлось вести непрерывную борьбу. Весьма вероятно, что эта борьба связана была с тем сопротивлением, которое он встретил со стороны своей подневольной жены Динамии. Брак с Пифодоридой, знатной малоазийской гречанкой из Тралл, вскоре после занятия Боспорского престола, показывает, что его сожителство с Динамией было кратковременным и кончилось разрывом. Весьма вероятно, что упорные войны Полемона в азиатской части его цар-

ства объясняются тем, что там, среди сарматов, Динамия нашла себе поддержку и защиту ее поправленных прав. Рядом с нею, как кажется, в этой борьбе выступает впервые Аспург, будущий царь Боспора, наследник Динамии. Целый ряд косвенных указаний позволяет думать, что он либо был сыном Асандра, либо, что вероятнее, сарматом царского рода. Динамия, в жилах которой, возможно, также текла царская сарматская или меотская кровь (вспомним о брачных союзах Митридата Великого через своих сыновей и дочерей со скифскими, сарматскими и меотскими царями), нашла в нем союзника и, может быть, мужа.

Во всяком случае, только при этом предположении можно объяснить, что после гибели Полемона, обманутого военной хитростью, в земле аспургиан, на Таманском полуострове, правит не жена его Пифодорида, а Динамия, а после нее – Аспург. Мне представляется, что Аспург и Динамия во главе сарматской дружины подняли на азиатской стороне Боспора и на Дону знамя войны против Полемона. Сначала Полемену удалось одержать верх, взять и разрушить Танаис, захваченный Динамией и Аспургом (иначе разрушение Полемоном Танаиса, основного источника доходов Боспора, было бы непонятно), но затем дружина Аспурга, его племя – аспургиане закупают Полемона в засаду на Тамани и убивают.

Представляется, однако, странным, как мог допустить Август, чтобы его ставленник погиб и его убийцы царствовали на Боспоре, безнаказанные и торжествующие. Вспомним, однако, что это случилось в 9–8 году до Р. Х., т. е. в эпоху первых неудач великодержавной политики Августа, заставивших Августа сосредоточить все свое внимание на Западе, в Германии и на Дунае и вести на Востоке политику, избавлявшую его, при всей ее твердости, от необходимости вооруженного вмешательства. Понятно, что в такое время Август был склонен к уступкам и не имел желания оружием настоять на своем на далекой окраине, которую теперь не время было превращать в римскую провинцию.

Но уступка Августа не была полной. Боспор, правда, вернул свою самостоятельность и не был более частью Понта. Понт остался в руках Пифодориды, на Боспоре правила Динамия. Но зато Боспор сделался настоящим вассалом Рима. Асандр чеканил золото со своим портретом, как почти независимый царь. Это, вероятно, и было, в конце концов, причиной его гибели. Динамия также после смерти Асандра выпускает свою золотую монету со своим именем и

портретом (см. рис. 79). После смерти Полемона, хотя золото и продолжает чеканиться на Боспоре, но на нем мы видим головы римлян – покойного Агриппы, устроителя Боспора, и Августа; нет на нем ни имени правящих династов, ни их портретов, а только скромные их монограммы, единственное указание на принадлежность чекана Боспору.

Не выпускает Динамия даже меди со своим именем и портретом. Медь выпускается главными городами ее царства (то же, впрочем, было и при Митридате Великом), получившими автономию, очевидно, по требованию римлян и принявшими имена: Фанагория – Агриппии, а Пантикапей – Кесарии. Правда, изображение бюста великой местной богини на этих монетах носит портретные черты Динамии, но имени ее на этих монетах нет. Сама Динамия воздвигает памятники своим римским владыкам и благодетелям. Словом, Боспор делается полным вассалом Рима и теряет последние остатки своей самостоятельности, которые сумел отстоять для него Асандр.

После смерти Динамии в 7–8 г. по Р. Х. наступил двухлетний неясный для нас промежуток. Затем, начиная с 10–11 г. по Р. Х., во главе государства оказывается Аспург, правящий затем до 37–38 г. до Р. Х., т. е. во все время правления Тиберия. Сначала на своем золоте он ставит только монограмму своего личного имени, а затем, с появлением Тиберия во главе Рима, присоединяет к ней и сокращение своего титула – букву «в», начальную слова василевс – царь.

Надо думать, что Аспург был соправителем Динамии и при ее жизни, так что его правление было прямым продолжением ее царства. Если действительно он был сарматом, не имевшим прав на Боспор или имевшим их только через Динамию, то такое его положение при жизни Динамии вполне понятно и естественно.

После ее смерти он встал во главе государства и правил вплоть до своей кончины. Вассальные отношения его к Риму строго поддерживались. Некоторой льготой было только то, что наряду с безымянною медью с монограммами, напоминавшими имя великого Митридата, которую начала чеканить, вероятно, еще Динамия и продолжал чеканить Аспург, он выпускает медь с головой и именем римского императора на главной стороне и со своим портретом и монограммой на обороте.

Тем, что он удержался во главе государства после смерти Динамии, он, вероятно, обязан был, как и Асандр, своим талантам правителя и военачальника, а также тому, что на это время падает оконча-

тельное крушение завоевательной политики Августа, связанное с тяжелым поражением легионов Вара на Рейне и трудными войнами на Дунае. Риму было достаточно того, что Аспург не претендовал на расширение прав боспорского владыки. Известно, что и Тиберий в области внешней политики не возобновил завоевательных попыток первого периода Августа, держась политики охраны приобретенного. Вассальные цари в типе Аспурга – хорошие правители и администраторы – были для него вполне приемлемы.

Если Аспург действительно был мужем, а не сыном Динамии, то вполне возможно, что от этого брака родился старший сын Аспурга, получивший имя своего великого прадеда Митридата. После смерти Динамии Аспург, по политическим соображениям, может быть, по указанию из Рима, женился на фракийской принцессе Гепепирис, принадлежавшей, быть может, к дому фракийских вассальных царей, породнившихся с понтийскими Полемонидами. От этого брака Аспург, во всяком случае, имел одного сына – Котиса, в год его смерти бывшего еще малолетним. Дипломатическим браком этим Рим хотел, очевидно, связать в одно целое династии, правящие вассальными причерноморскими царствами, от Понта до Боспора.

После смерти Аспурга престол перешел к жене его Гепепирис. Но, наряду с нею, выдвигается старший сын Аспурга Митридат, в то время уже зрелый человек большой энергии и большого политического честолюбия. Соправительство это вряд ли было мирным. Митридат, как показывают его монеты, не склонен был довольствоваться скромным положением вассального династа. Через год после смерти Аспурга он позволил себе выпустить свое золото со своим именем, портретом и титулом царя и без всякого упоминания римского императора. Одновременно он выпускает и медь со своим именем, портретом и титулом царя на одной стороне и именем, портретом и титулом царицы Гепепирис на другой стороне. Сделано ли это было с веденя и согласия Гепепирис – неизвестно.

Такие замашки не могли не обеспокоить римского правительства, так как грозили осложнениями на Востоке. Несомненно, что Митридат, опираясь на все еще сильную популярность своего прадеда в иранском мире, искал и нашел поддержку в сарматских племенах Прикубанья и Придонья. Надо помнить, что в это время сарматская опасность становилась все более грозной для Римской империи, на которую сарматы напирали, как когда-то скифы, и на севере, и на юге, через Кавказ.

Калигула или, вернее, его легаты в соответственных провинциях постарались немедленно обезвредить смелого царя. Они прибегли к старому средству. На место Митридата назначен был один из Полемонидов, царь Понта – Полемон II. Но Полемон не сумел фактически осуществить свое право управления. Без поддержки легионов этого, конечно, сделать было невозможно. Митридат остался правителем Боспора. Надо помнить, что как раз в это время в Риме Калигула был убит и во главе Римского государства стал император Клавдий. В первое, трудное, время своего правления Клавдию было не до Боспора, и он признал совершившееся. Но, конечно, а *la longue*¹ римское правительство не могло согласиться на такое положение вещей, тем более что Клавдий проводил очень определенную политику дальнейшего расширения границ Римской империи на востоке. Одним из его актов в этом направлении была аннексия Фракии, т. е. всего западного побережья Черного моря.

Как только поэтому власть Клавдия укрепилась и линии его внешней политики наметились, Митридату, очевидно, поставлены были известные условия. Возможно, что Гепепирис склоняла его к их принятию, но Митридат решил отстаивать свое право с оружием в руках. Политика эта была безнадежна сама по себе и сделалась еще более безнадежной, ввиду предательства брата Митридата Котиса, посланного в Рим для переговоров и перешедшего всецело на сторону Рима, за что он получил в Риме престол своего брата.

Митридат пробовал сопротивляться, но римские дунайские войска под предводительством Дидия Галла выбили его из Боспора и оставили там свой небольшой гарнизон, который должен был служить опорой Котиса. Попытка Митридата поднять меотов и сарматов кончилась полуудачей. Митридат успел захватить власть в племени дандариев и привлек на свою сторону царя сираков Зорсина, но Котис и римский гарнизон нашли поддержку у придонских аорсов и их царя Евнона и разбили Митридата и его союзников. Митридат был выдан Риму и провел остаток дней своих в Риме в качестве пленного.

С этого времени история Боспора проходит под знаком полного подчинения Риму, с большей или меньшей свободой действий, в зависимости от общих условий жизни Рима и от общего направления внешней политики отдельных римских императоров, от успехов и

¹ Надолго (фр.).

неуспехов на Дунае и на Востоке. Во главе Боспора утвердилась династия Аспурга. Она определенно подчеркивает свой двойственный национальный характер – сарматско-фракийский. Характерно, что цари все носят либо имя Савромат, т. е. имя племени в архаизирующей греческой передаче, превратившееся в собственное личное имя, либо одно из двух фракийских имен – Рескупорид или Котис. В виде исключения мы находим еще фракийское имя Реметалка и греческое, скорее прозвище, чем имя, восходящее к Митридату, – Евпатор.

Греческого элемента ни в династических именах, ни во внешнем облике царей незаметно вовсе. Цари первого и следующих веков по Р. Х. там, где они на своих медных монетах изображают себя во весь рост, на коне во время боевой схватки (рис. 84), позже на коне в акте адорации божества (рис. 87) или пешими в царском облачении на курульном кресле (рис. 80), иногда как победители врагов-соседей и триумфаторы (рис. 83) или с атрибутами богов (рис. 88), являются нам в более раннее время в образе фракийских вассальных династов, в полуримском кавалерийском вооружении, позднее в образе и costume иранских царей.

Мифологически они связывают себя с мифическими предками фракийских царей – Гераклом и Посейдоном, причем наиболее близкая связь с Гераклом стоит, может быть, в связи с местным греко-скифским мифом о происхождении скифских царей от Геракла.

За время от смерти Фарнака и до полного превращения Боспора в вассальное от Рима царство, т. е. за время полусамостоятельного существования Боспора, Боспор не потерял ничего из своих старых владений, за исключением Тамани, где, однако, поселившиеся сарматы-аспургианы признали верховную власть боспорских царей.

Номинально к составу Боспорского царства принадлежал и Херсонес, история которого за это время очень темна. Возможно, что Херсонес после победы Цезаря над Фарнаком получил свободу, т. е. вышел из состава Понтийско-Боспорского царства, в которое он вошел при Митридате. Но позднее эта свобода, очевидно, была ограничена и установлен был, не без содействия римской власти, тесный союз Херсонеса и Боспора, т. е. зависимость слабейшего – Херсонеса от сильнейшего – Боспора.

Разрушенная гетами Ольвия постепенно возрождается. Для всего Приднепровья и его господ слишком невыгодна была бы гибель Ольвии, с которой весь греческий мир соединен был тесными торговыми связями. Возможно, что Ольвия возродилась под главенством

вновь окрепшего Скифского Крымского царства, которому не удалось захватить крымских гаваней, главным образом, Херсонеса.

Предание говорит о разрушении Танаиса Полемоном I. Полное разрушение и уничтожение этого города маловероятно. Возможно, что возродившийся в ближайшее после перенесенного испытания время город был перенесен на новое место, так как раскопки на месте Танаиса дали находки исключительно позднего времени. Но раскопки велись давно и довольно первобытным способом, и последнее слово об истории Танаиса далеко еще не сказано.

Из городов Боспорского царства сильно пострадала Феодосия. Возрождение Скифского Крымского царства лишило Феодосию ее главного ресурса – крымского степного хлеба, двинувшегося на Запад, и Феодосия постепенно запустела.

Очень упал и Нимфей, хотя более точных сведений об его истории мы не имеем. Раскопок в руинах древнего города до сих пор настоящему произведено не было, некрополь же, наряду с богатыми и многочисленными погребениями V, IV и III вв. до Р. Х., дает некоторое количество погребений и римского времени.

Меньше всего отразилось смутное время на городах Тамани. Фанагория, Гермонасса и Горгиппия и в римское время продолжают быть крупными торговыми центрами. Теперь, однако, они окончательно вошли в состав Боспорского царства. Свобода, полученная Фанагорией от Помпея в награду за поднятое против Митридата восстание, была, очевидно, недолговечна, автономия, полученная при Динамии, – эфемерна и номинальна.

Во всех городах, как и в Пантикапее, наблюдается одно основное явление. Греческий элемент все слабеет, и на поверхность выходит элемент местный. Это вытекает и из имен, известных нам по надгробным надписям: количество иранских и фракийских имен все растет, количество чисто греческих все падает. То же явление наблюдается и во внешнем облике населения, о котором мы можем судить по надгробным рельефам и некоторым литературным свидетельствам. Костюм, вооружение, самый тип все более и более иранизируются. Ту же картину дает и Овидий для Томи, города, тесно связанного со Скифским царством в Добрудже, дунайскими сарматами, фракийцами и кельтами. В погребениях типичный для более раннего времени облик грека-палестрита вытесняется полуварваром, вооруженным дружинником только по официальному языку все еще

греческого города. Характерно, что наряду с надписями на греческом языке на некоторых предметах обихода и на надгробных памятниках появляются отдельные знаки иного письма и целые тексты из этих, пока еще загадочных знаков.

Идея Цезаря, Агриппы и Августа о создании из северного и южного побережья Черного моря прочной базы для широкой завоевательной политики Рима на Востоке только временно заглохла после неудач Августа на Рейне и на Дунае, поведшей к осторожной и сдержанной политике Тиберия, не стремившегося к новым завоеваниям, а старавшегося упрочить уже приобретенное. По мере расширения и укрепления путем военной колонизации римских завоеваний на Дунае, после создания здесь ряда римских провинций, из которых Нижняя Мэзия у устьев Дуная ближайшим образом связана была с одной стороны с районом северного побережья Черного моря, прежде всего с районом Днестра и городом Тирасом, с другой стороны – с Фракией, естественно было объединить бассейн Дуная с Македонией и Эпиром с одной стороны и обеспечить себе власть над ближайшим к устью Дуная побережьем Черного моря.

Аннексия Фракии при Клавдии, присоединение к провинции Мэзии при Нероне города Тираса и его области, укрепление римского влияния в Ольвии, начиная с эпохи Августа и Тиберия, т. е. первые шаги к аннексии и этого города показывают, как планомерны были действия римского императорского правительства. При Нероне сделаны были в этом направлении решительные шаги. Нерон затевал широкие завоевания на Востоке. Войны его легата Корбулона в Армении были первыми шагами в этом направлении. В связи с этим стоит и аннексия до того времени вассального Понта и превращение его в римскую провинцию.

Но экспедиция Корбулона, в общем, не очень успешная, показала, что основой успехов на Востоке является прочное владение Черным морем, не только южным его побережьем, но и побережьем Кавказским и Крымским. Без этого невозможно было регулярное снабжение необходимой для планомерных действий против Армении и Парфии армии, стоявшей в Понте и еще далее на восток и юг в Каппадокии и Малой Армении. Морской путь подвоза и владение хлебными рынками на Черном море были необходимы для планомерных действий в такой же мере, как создание хороших сухопутных путей сообщения с Балканского полуострова через Босфор или Дарданеллы в Вифинию и дальше на восток через Понт и Каппадокию к Евфрату.

Все это было очевидно, но требовало длительной и планомерной работы. Сильная Скифская держава в Крыму и несломленные сарматы на Дунае и на юге России, равно как и все крепнущее царство фракийских даков в ближайшем соседстве с Нижней Мэзией, т. е. с устьями Дуная, были несовместимы с этим планом. Между тем римский вассал на Боспоре Котис I не в силах был справиться с крымскими скифами, и Херсонесу вновь грозила опасность быть захваченным скифами, а на Дунае движение сарматов и бастарнов и рост даков принимали все более и более грандиозные размеры.

Большая экспедиция Плавтия Сильвана, легата Нижней Мэзии, связанная с действиями Корбулона в Армении, должна была одним ударом решить все эти вопросы и подготовить почву для большого похода Нерона на Восток с базой на северном побережье Черного моря и с ближайшей задачей разбить грозное племя сарматских аланов, стихийное продвижение которых в задонских степях толкало прежде осевшие от Дона до Дуная сарматские племена на римские дунайские провинции.

Экспедиция Сильвана имела успех. Ему удалось удержать даков и сарматов на левом берегу Дуная, хотя возможно, что ему пришлось все-таки уступить задунайским племенам части римской территории на правом берегу Дуная. Лично или специально откомандированным отрядом, доставленным в Крым, вероятно, по морю, Сильвану удалось отстоять от скифов Херсонес, отразив их нападение на осажденный ими город и прогнав осаждавших. В связи с этим предприняты были широкие военные реформы в Крыму вообще.

Котис I потерял право чеканить монету. Если он остался царем Боспора, то, вероятно, только в качестве простого агента Нерона, его прокуратора. На Боспоре вновь, как в начале правления Котиса, появились римские войска. Особые заботы приложены были к тому, чтобы защитить Херсонес от нападений скифов и удержать его всецело в руках римлян. Для правильных и постоянных сношений Крыма с Понтом и обеспечения подвоза туда из Крыма это было необходимо. Кроме того, Херсонес был единственной гаванью в Крыму, которая могла дать безопасный и прочный приют римской эскадре, защищавшей Черное море и его торговое мореплавание от все развивавшегося пиратства.

Для этого мало было посадить в Херсонесе римский гарнизон и поставить в его порту эскадру. Надо было обезвредить крымских тавров-пиратов и преградить доступ скифам к Херсонесу через горный

Крым. Ряд римских крепостей должен был запереть немногочисленные естественные пути из степного Крыма в область Херсонеса, другие должны были занять наиболее удобные для наблюдения за морем и за горным Крымом пункты на южном побережье Крыма. Важнейшей из первой серии крепостей была, вероятно, крепость на главном пути из степного Крыма в горный – старый греко-скифский город Скилура около нынешнего Симферополя, вряд ли носивший в древности имя Неаполя. Во второй серии первую роль играла крепость на нынешнем мысу Ай-Тодор, получившая греческое имя Харакс (укрепление). Руины этой крепости в недавнее время были раскопаны и дали интересные находки, осветившие нам историю этого римского военного поселения. Возможно, что такую же крепость римляне соорудили и на Аюдаге. И там, и здесь они осели на месте старых таврских крепостей-убежищ, которыми полон горный Крым.

Большой поход Нерона против аланов и парфян, как известно, не осуществился и вряд ли мог дать хорошие результаты. Почва для его успеха далеко еще не была подготовлена. Нерон сам, как известно, погиб в результате восстания Галлии и провинциальных войск, не успев даже положить прочного основания для задуманной им грандиозной экспедиции.

В связи с этим, как раз в год смерти Нерона и смуты в Риме, возведшей на римский престол одного за другим четырех императоров, т. е. в 68–69 г. на Боспоре вновь появляется царь из старой династии – Рескупорид I, признанный Римом царем на старых основаниях, т. е. как вполне зависимый вассальный династ, чеканящий золото от имени Рима со своей монограммой.

Укрепившаяся в Риме династия Флавиев в лице первых ее двух представителей – Веспасиана и Тита – полностью поддерживает старые отношения на Боспоре, т. е. строгую вассальность царя. Но идея аннексии была оставлена. Поддерживается и военная оккупация Херсонеса, нужная для планов Веспасиана и Тита на Востоке. Оба они планомерно развивают систему прочного укрепления подходов к Армении и Парфии с севера, путем создания сильной армии на севере в Каппадокии, наряду с сирийской армией. В связке с этим стоит и укрепление Рима на Кавказском побережье, начатое уже Корбулоном, создание там ряда приморских крепостей и одновременно с этим укрепление римского влияния в сильной Иберии (Грузии).

С началом правления третьего Флавия – Домитиана – положение Боспора несколько изменяется. Экспедиция Сильвана на Дунае

далеко не разрешила всех грозных дунайских вопросов. Поход Нерона не состоялся. А между тем положение на Дунае все усложнялось, и Домитиану пришлось сосредоточить всю свою энергию и все свои воинские силы на дунайской и рейнской границе, которая всегда тесно связана была с дунайской. Мы мало знаем историю борьбы Домитиана на Дунае. Особенно успешной она не была. Рим потерпел ряд поражений и неудач, но, в общем, ничего катастрофического не произошло. Тем не менее пришлось, вероятно, убрать войска из Крыма и соответственно этому усилить власть боспорского царя.

Это немедленно сказывается на монетах Боспора. Вместо монограммы на золоте Рескупорида I с 80 года появляется его полное имя, что и удерживается затем до конца существования Боспорского царства. В то же время впервые появляется на золоте и портрет царя на главной стороне монеты; оборот продолжает нести голову римского императора. Возможно, что с этого же времени Боспор для укрепления своей воинской мощи и организации защиты Крыма от скифов и сарматов начинает получать из Рима ежегодную субсидию, дающую ему возможность чеканить хорошее золото и на это золото покупать наемников и союзников.

То же положение дел удерживается и при Траяне, который энергично повел внешнюю политику Рима и на Западе, и на Востоке. Победа над даками и аннексия Дакии на некоторое время обеспечили дунайскую границу от нападений с севера, походы в Парфию должны были создать такое же положение на восточной границе. Для прочности дела завоевания на Востоке более чем когда-либо нужно было обеспечение восточным армиям подвоза из Крыма. Поэтому Траян внимательно следит через своих проконсулов и легатов в Вифинии и Понте за положением дела на Боспоре и не щадит денег на поддержание военной энергии сначала уже упомянутого Рескупорида I, а затем его преемника Савромата I. Переписка Траяна со знаменитым писателем этого времени Плинием, легатом Вифинии, посланным туда императором с экстраординарными полномочиями, в связи с подготовлявшимся Траяном походом на Восток, дает об этом ряд интереснейших свидетельств. Траян и Савромат все время обмениваются письмами, специальные уполномоченные Траяна находятся при дворе боспорского царя.

В связи с этой деятельной политикой Траяна стоят успехи в борьбе со скифами, которые запечатлены и в надписях Рескупорида, и, особенно, Савромата, и на их монетах. Впервые на меди Рескупо-

рида и Савромата появляется ряд победных изображений на обороте: царь, попирающий побежденного скифа у водруженного победного трофея (рис. 83), летящая Победа с венком в руке. Дейтельно, очевидно на римские деньги, идет сооружение укреплений, городских стен с башнями и воротами в городах Боспора, вплоть до Танаиса. И об этом говорят нам и надписи, и монеты. Над воротами города, как над римскими триумфальными воротами, ставится конное изображение царя-победителя (рис. 85). Интересно отметить, что, начиная с этого времени, северная часть Таманского полуострова покрывается целю сетью крепостей-убежищ, обеспечивающих население от набегов соседей. Возможно, что этим же царям территория Пантикапея и Тамани обязана, если не созданием, то поддержанием больших оборонительно-наблюдательных валов, укрепленных башнями на границах заселенной и обрабатываемой области.

В сферу деятельности боспорских царей включаются и Херсонес, лишенный римской защиты, и Ольвия. Херсонес ощущает это особенно болезненно, как резкое нарушение своей когда-то дарованной ему автономии и свободы.

Интересно, что в это же время в числе высших военных чинов Боспора появляется особое лицо с широким титулом «заведующий царством». Носители этого титула обыкновенно получают право римского гражданства и родовое имя императора. Это, по всей вероятности, военные агенты римского императора, стоящие рядом с царем и помогающие ему в его военных предприятиях.

Широко организуется и дипломатическая служба для постоянных сношений с сарматами и близкого за ними наблюдения, целый штат драгоманов-переводчиков.

Боспор делается, таким образом, форпостом римского мира и римской военной мощи, выдвинутым в мир северного иранства, государством-буфером, государством-разведчиком. Идея завоевания северного иранства была оставлена, но организована была систематическая осведомленность и сильное сопротивление против попыток лишить греко-римский мир столь нужного ему края, все еще дававшего в изобилии и хлеб, и сырье всякого рода, и рабов.

Широкая завоевательная политика Траяна не была, как известно, продолжена его преемником Адрианом. Адриан стремился, как и Тиберий, прежде всего, оградить уже приобретенное, дать новым провинциям возможность мирно развиваться, создав на границах государства сильные и дисциплинированные армии, опирающиеся

на хорошо продуманную и прочно обстроенную линию пограничных укреплений, связанных в некоторых случаях или скомбинированных со сплошным пограничным валом, как это мы видим, например, в Британии.

Югу России, Крыму, Кавказскому побережью он уделил особое внимание. Случайно дошедший до нас военно-инспекторский отчет его легата в Каппадокии, где сосредоточена была главная северная армия для охраны армяно-парфянской границы, знаменитого писателя и историка Арриана, дает нам яркую картину сети приморских укреплений, расположенных по южному и части восточного берега Черного моря.

В Крыму и на северном побережье Черного моря Адриан не пошел по намеченному Траяном пути. В первое время сын Савромата I, Котис II, поддерживал энергичную политику своего отца и не без успеха справлялся с трудностями защиты своего государства. Адрианом даже подтверждены были, несмотря на протесты Херсонеса, его права на Херсонес и зависимость Херсонеса от Боспора. Но вскоре, вероятно, после смерти Котиса в 132–133 г. и вступления на престол Реметалка, при Адриане или уже при преемнике его Антонине политика римских императоров по отношению к Херсонесу и Крыму изменилась.

Боспор, очевидно, не в состоянии был организовать эффективную защиту Херсонеса и его области от нападений скифов, и Риму пришлось восстановить старый порядок, когда-то установленный Нероном. Херсонес номинально получил свободу, т. е. перешел в непосредственное ведение Рима, с прямою зависимостью от легатов Нижней Мэзии. В нем вновь появились римская эскадра и римский гарнизон из легионных и вспомогательных отрядов. Возродилась и римская военная граница Херсонесской области, сеть приморских крепостей и сеть укрепленных пунктов, защищавших подходы к Херсонесу. Риму, таким образом, вновь пришлось взять непосредственно в свои руки дело защиты Крыма, предоставив боспорским царям только защиту своей территории, причем их внимание по преимуществу сосредоточилось на деятельной обороне Тамани и Танаиса от все более и более крепнущих сарматских племен.

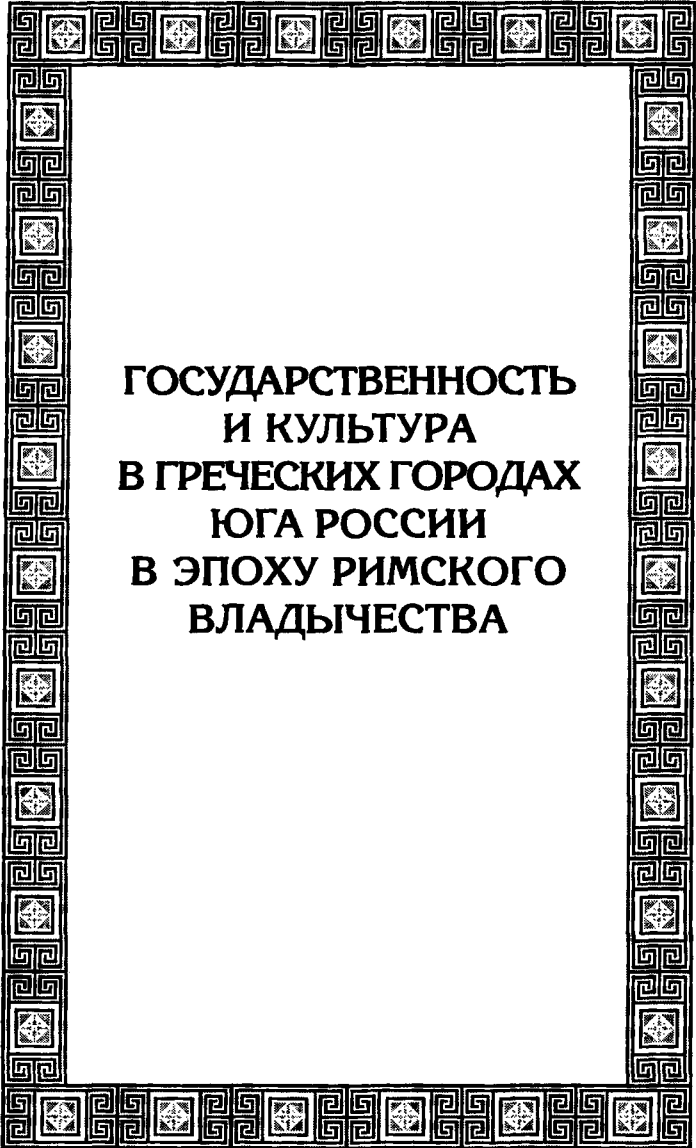
Систему непосредственной защиты римскими войсками пришлось применить и к Ольвии, защищать которую Боспору было еще труднее, чем оборонять Херсонес. Как и раньше, на власть над Ольвией претендовали крымские скифы. При Антонине они сделали но-

вую энергичную попытку завладеть городом, что вынудило Рим двинуть к Ольвии целую армию из Нижней Мэзии для защиты города. В связи с этим, может быть, уже при Адриане и в Ольвии появляется римский гарнизон из солдат мэзийской армии.

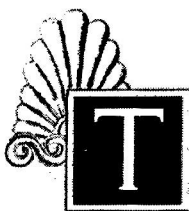
Созданный Адрианом и Антонином порядок вещей удержался на долгое время. Одно время, при Марке Аврелии, в связи с той грандиозною борьбою, которая завязалась между Римом и сарматскими и германскими племенами на Дунае, когда Риму пришлось напрячь все свои силы и материальные средства, чтобы отстоять свои дунайские провинции, и когда несчастья одно за другим сыпались на Рим, тяжело пришлось и Боспору в течение трех лет при преемнике Реметалка – Евпаторе, Боспор не в состоянии был чеканить золотой монеты: очевидно, субсидии римского правительства временно прекратились, и Боспор переживал острый экономический кризис.

Эпоха твердого, чисто военного режима династии Северов в Риме была последним периодом сравнительного процветания Боспора и прочности его государственности. Энергичные цари Савромат II и Котис III при содействии Рима успешно осуществляли свою миссию борьбы с западными и восточными соседями, скифами и сарматами, дело отстаивания греческих городских центров на юге России.

После них, когда в Риме началась затяжная смута III в. по Р. Х., а на юге России появились новые претенденты на власть и господство – северные готы, на Боспоре начинается период глубокого упадка. Старая династия продолжает жить и править; продолжает кое-как осуществлять свои функции защитников городских центров; но дело это без поддержки Рима становится все более и более трудным. Сфера политического влияния Рима все более суживается, и старая греко-иранская жизнь на юге России все более увядает. Греко-иранский период в истории юга России кончается, и начинается новый, где руководящую роль играют германские готы и преемники иранцев в степях юга России – сменяющие одно другое тюркские племена, греки же и иранцы отходят далеко на задний план.

**ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
И КУЛЬТУРА
В ГРЕЧЕСКИХ ГОРОДАХ
ЮГА РОССИИ
В ЭПОХУ РИМСКОГО
ВЛАДЫЧЕСТВА**

Таковы были судьбы греческих городов юга России в эпоху римского протектората или, вернее, владычества. Из этих городов руководящую роль в жизни Северного Причерноморья играет Пантикапей и города объединенного около него Боспорского царства, из которых некоторые выживают и даже процветают (Фанагория, Гермонасса, Горгиппия, Танаис), другие хиреют и влачат жалкое существование (Нимфей, Феодосия).

Рядом с Боспором продолжает жить и развиваться Херсонес, особенно со времени оккупации его римскими войсками. Правда, жителям туговато приходится от насилий и своеволия, а также поборов римских солдат, но зато они могут быть спокойны и не заботиться о своей защите. Характерно, что благодаря римской защите к греческой культурной жизни приобщается почти незатронутый ею до того времени Южный берег Крыма.

С возвышением Византии Херсонес естественно выдвигается даже на первое место среди греческих городов Причерноморья, оставляя далеко за собою Пантикапей. Одновременно сравнительно пышно расцветает жизнь и на Южном берегу Крыма, где появляется ряд до того времени несуществовавших городских центров (ныне Ялта, Гурзуф, Алушта).

Возродившаяся Ольвия влачит сравнительно жалкое существование. Населенная ее территория очень сократилась, большинство зависимых от нее поселений на нижнем течении Буга и Днепра прекратили свое существование, некрополь ее становится бедным и однообразным.

В первые три века после Рождества Христова на первом месте стоит, несомненно, Пантикапей. Его благосостояние, судя по его некрополю, надписям и остаткам построек отнюдь не упало. Как и раньше, мы имеем ряд богатейших монументальных подкурганых склепов с богатыми погребениями в них. Большинство украшено дорогою и сложною росписью. То же надо сказать и о больших склепах с лежанками, вырубленными в скале и глине, больших погребальных комнатах, часто сплошь расписанных. Впечатление богатства или, во всяком случае, зажиточности оставляют и более скромные погребения тех же типов, что и в предшествующий период.

В очень многих покойники погребаются не в простых, сколоченных из досок гробах, а в настоящих роскошных каменных или деревянных саркофагах. В эпоху позднего эллинизма и ранней империи деревянные гробы и саркофаги представляют из себя превосходные образчики токарного и инкрустационного искусства, позднее их украшают гипсовыми и глиняными фигурными прилепами в очень большом количестве, иногда целыми сценами, имеющими отношение к загробной жизни (особенно популярна сцена гибели детей Ниобы – Ниобидов). Почти в каждом, даже самом бедном погребении, встречаются и стеклянная, иногда очень изящная, посуда, и разнообразные бусы, и различные золотые украшения; почти везде мы находим золотой погребальный венок. Очень характерно большое количество оружия, имеющееся почти во всяком мужском погребении. Утварь палестрита зато исчезает в I и II вв. по Р. Х. Значительное число обычных погребений украшалось каменными надгробными памятниками с надписью, содержащей имя покойника, и рельефом, изображающим какую-нибудь из сцен погребального характера, по большей части, изображение покойника, как героя, в одной из обычных схем (на лежанке как объект культа, или на коне как герой-воитель в полном вооружении).

Создается впечатление, что средняя обеспеченность жителей Пантикапея, говоривших по-гречески, даже выше, чем в предшествовавшие эпохи, настолько дорог, хотя и шаблонен, погребальный реквизит.

Основною особенностью, характеризующею уклад быта Пантикапея и других греческих городов Причерноморья эпохи ранней империи, является сильнейшая, дотоле невиданная, иранизация всего уклада государственной, религиозной и культурной жизни.

В области государственности наиболее интересным явлением надо считать развитие царской власти на Боспоре. Все следы автономии гражданства после Митридата исчезают. Кое-какие пережитки сохраняются в одной только Фанагории, получившей автономию, как было указано выше, при Помпее; но они имеют исключительно формальный и терминологический характер. На самом деле царит неограниченная монархическая власть, для всех подданных равная. От старой двойственности власти не осталось и следа.

Неограниченный абсолютизм по отношению к подданным сочетается с полной вассальной зависимостью от Рима, о которой уже была речь и за развитием которой мы проследили выше. Она сказывается, прежде всего, и в римском имени царя – Тиберий Юлий, имени, которое, вероятно, уже Аспург получил вместе с римским гражданством и передал всему своему потомству; индивидуальность династии сохраняется только в личных прозвищах отдельных царей, о которых также уже была речь. Явлениями того же порядка надо считать и эпитеты царя: «Любящий Рим» и «Любящий Цезаря» – филоромей и филокесарь; и то, что цари носят на официальных памятниках титул верховного жреца правящего императора, т. е. являются блюстителями его культа в царстве; и то, что они получают от императоров знаки своей власти, делающие из них нечто среднее между царем и римским магистратом: с одной стороны – скипетр с бюстом императора и царский венец, может быть, также с портретом императора на украшающей его центральной гемме, с другой – курульное римское кресло и римская одежда – тога.

Очень характерны официальные почетные дары римских императоров боспорским царям, нечто вроде знаков инвеституры – полное кавалерийское римское вооружение: меч, копье, круглый щит, секира, шлем с султаном, лошадь. Все это – и знаки власти, и почетные дары – неукоснительно изображается царями I и II вв. по Р. Х. на оборотах их медных монет (рис. 80, 81 и 82).

Сказывается затем вассальность и в том, что на всех золотых монетах изображается, наряду с головой царя, и голова правящего императора, т. е. монеты выпускаются от имени сюзерена. По весу и стоимости монеты эти всецело соответствуют монетам общегосударственным. Отмечу еще, наконец, что в эпоху Евпатора Пантикапей как бы делается римской колонией. В нем сооружается храм римских высших богов, capitoлийской триады, обозначаемый техническим для римских колоний именем Капитолия.

Но, наряду с этим, царская власть сохраняет свой местный, и притом не греческий и не фракийский, а иранский характер. Как только цари получают возможность облечься полным титулом своей власти, как они ее понимали, они принимают титул «царя царей», подчеркивающий их связь с иранским миром, со старой персидской династией и с их родоначальником Митридатом. Как только они получают некоторую свободу действий в эпоху ослабления центральной власти, начиная с Марка Аврелия, они сменяют свой облик римско-фракийского кавалерийского генерала, каковыми они являются на монетах I в. по Р. Х. (рис. 84), на облик почтенного и тяжеловесного иранского царя, облаченного в иранскую одежду, вооруженного на иранский лад, с длинным иранским скипетром без бюста императора в руке (рис. 87). Поза изображенного в этом виде царя, сидящего на тяжелой, грузной лошади, позволяет думать, что он изображается в акте молитвы, направленной к верховному небесному божеству – иранскому Аурамазде.

Религиозная жизнь Боспора интересующего нас времени нам плохо известна. Но некоторые характерные указания сохранились. Наряду с официальным культом императора и римских государственных богов, сказывающимся очень слабо, наряду с навеянным эллинизмом культом самих царей, отождествляемых с Посейдоном и Гераклом, предками их фракийских родоначальников (рис. 88), господствует, почти подавляя остальные, один культ – старый местный культ великой верховной богини. Только ее храмы засвидетельствованы нам на Тамани, только ее изображение появляется на медных монетах боспорских царей, начиная с Динамии. Она, отождествленная с Афродитой, всецело царит на монетах с того времени, когда в III в. по Р. Х. постепенно осуществляется, под давлением событий, эмансипация Боспора от Рима (рис. 86). Очень вероятно, что ее спутником было великое мужское божество, которое позднейший синкретизм, не без влияния иудейства, называл высочайшим богом (theos hipisistos) и который, вероятно, тождествен с фракийским и кавказским Сабазием.

Особенно ярко сказывается иранизация на вооружении и костюме боспорцев, в общем мало чем отличающемся от вооружения и костюма ольвийцев, херсонесцев и других жителей городов Северного Причерноморья того же времени. Вооружение теперь носит чисто иранский характер; до этого, еще в эпоху позднего эллинизма, оно имело иной кельто-эллинский тип. Основными его частями яв-

ляются скифо-сарматский чешуйчатый или кольчатый панцирь, иногда греческий, но чаще иранский конический шлем, круглый или овальный щит, как оборонительное оружие, скифский лук и стрелы, большое штурмовое копьё, дротики, меч и кинжал, как оружие наступательное, т. е. типичное вооружение скифских и сарматских конных тяжеловооруженных лучников и копейщиков, каковыми пантикапейцы изображаются и в росписях их гробниц, и на надгробных стелах. Иранским является и техника их конного боя, не раз изображаемая на росписях гробниц. Обычно это конный бой двух рыцарей или двух конных ратей, которых поддерживает их пешая дружина (рис. 90 и 91). То же, что мы имеем и для III в. до Р. Х. на гребне и горите Солохи.

Какую одежду носили греки Боспора в эпоху Спартокидов, мы не знаем. Но в эпоху империи она почти совершенно иранская, с некоторою только примесью греческих элементов. Иранскими надо считать штаны и сапоги, а также верхний камзол. Греческое влияние можно видеть в плаще и хитоне, которые сочетаются с вышеназванными частями костюма.

В иранском внешнем облике сказывается не только иранское влияние, а несомненная иранизация населения по крови и по воззрениям. Правда, официальным языком всех городов Причерноморья является язык греческий; его мы видим и на монетах, и в надписях. Греческая культура и образованность высоко ценятся. Ольвийцы конца I в. по Р. Х. являются фанатическими поклонниками Гомера и Платона. По-гречески образованные и ученые пантикапейцы возбуждали общий почет и удивление, как о том свидетельствуют некоторые надгробия. Боспорцы любили изящные стихотворные эпитафии. Очевидно, вся школа была греческой.

Но, наряду с этим, греческих имен в населении Боспора – и в Пантикапее, и в Ольвии, и в Горгиппии, и в Танаисе – становится все меньше и меньше. Их вытесняют имена иранские и фракийские, т. е. местные. И надо думать, что для очень многих родным языком не был греческий, который же был только языком школы и государства. Я уже указывал на то, что исчезает из обихода и греческая палестра, и греческий гимнасий. На их место становится суровая военная школа, проходима в военно-религиозных сообществах городской аристократии, о которых речь будет ниже.

Общий внешний обиход жителей Пантикапея, насколько можно судить по вещам, находимым в погребениях, сохраняет общеантич-

ный греко-римский характер. Бронзовая, стеклянная и глиняная посуда и лампы не имеют каких-либо специфических особенностей и получались на Боспоре из тех же центров производства, из которых они приходили и в другие места античного мира. То же, вероятно, надо предполагать и для материй, значительные куски которых, как и для предыдущей эпохи, сохранились в погребениях Пантикапея.

Но, наряду с этими общеантичными ввозными вещами, типичными для всего тогдашнего культурного мира, мы находим в Пантикапее и других городах Северного Причерноморья, но больше всего и определеннее всего в Пантикапее, ряд отраслей производства и специально художественной промышленности, продукты которых носят определенно местный характер и поэтому представляют особый интерес. Если может быть некоторое сомнение в том, что столярные и токарные вещи – саркофаги, гробы, мебель, туалетные ящички и т. п. – изготовлялись на месте, и можно думать, что наиболее тонкие из них ввозились, то, во всяком случае, характерные гипсовые и терракотовые наклепные украшения гробов делались, несомненно, в Пантикапее, равно как и более грубые глиняные статуэтки, в большом числе клавшиеся в могилы.

Среди них очень интересны некоторые специфически боспорские вещи, отражающие быт и религиозные воззрения пантикапейцев. Таковы, например, глиняные модели повозок, грузовых телег и кочевых юрт, которые находятся иногда в детских погребениях эпохи ранней империи. Они резко подчеркивают некоторые стороны быта и экономической структуры Пантикапея, о которых речь будет ниже. В высокой степени важны грубые изображения богов, клавшиеся в могилы. Отметим здесь, прежде всего, значительное количество статуэток уже знакомой нам великой богини, главного местного божества, имевшего, очевидно, ближайшее отношение и к загробной жизни.

Еще интереснее грубые глиняные статуэтки с подвижными членами, часто итифаллические, частью находимые в детских погребениях. Если некоторые из них можно считать обыкновенными игрушками без какого-либо специального значения, то, с другой стороны, многие настолько странны и особенны, настолько непохожи на обычные продукты греко-римского мира, изображают такие диковинные человеческие фигуры с рядом специфических, иногда непонятных атрибутов, что объяснить их можно только как пластическую передачу известных специфических верований и суеверий ме-

стного населения, как фигуры демонов и богов, близких местному населению, но совершенно чуждых остальному античному миру.

Поразительно интересна живопись Пантикапея, росписи богатых гробниц и саркофагов, несомненно, изготовлявшиеся местными мастерами. Помимо того бытового интереса, который представляют их полуреалистические и мифологические сюжеты, отражающие быт и религиозные верования местных жителей, особенно важен их стиль. Если в наиболее ранних мы имеем общеэллинистический стиль, свойственный всему эллинистическому Востоку, то в более поздних мы находим такие черты, которые получают свое объяснение только при сличении с немногими памятниками декоративной скульптуры иранского Парфянского царства и с более многочисленными скульптурами сасанидской Персии, расцвет которой начинается с III в. по Р. Х.

Роспись гробницы, описанной Стасовым, дает в этом отношении наиболее поучительный пример. То же нужно сказать и об общей схеме росписи, имитирующей, начиная со II в. по Р. Х., украшение стен иранских дворцов разноцветными мраморами в технике инкрустации. Интересно, что ряд кусков разноцветных мраморов, частей настоящей облицовки стен и полов, найден был в руинах, открытых на так называемой Митридатовой горе в Керчи, и принадлежал, несомненно, к убранству царских дворцов и домов пантикапейской знати, находившихся на вершине и отдельных террасах этого политического и религиозного центра Пантикапея.

В высокой степени поучительна оригинальная серия росписей пантикапейских гробниц и для истории воззрений пантикапейцев на будущую загробную жизнь. В первое время мы встречаемся с чисто греческими взглядами. Так, в ранних могилах предыдущего периода мы находим росписи, изображающие ограду святилища, посвященного культу усопшего героя; на фризе этой ограды в одном погребении изображен живописью весь типичный для греческих погребений гимнастический и палестрический аппарат: стригили, повязки, венки, кожаные и глиняные сосуды для масла, полотенца и т. п. (рис. 58). Но уже и в это время мы имеем указания на особую связь с погребениями великой эллинской богини подземного царства – Керы, которую, как я уже говорил, местные жители отождествляли со своей великой богиней.

В начале римского времени эта связь становится особенно сильной, и миф о Коре, ее похищении богом подземного царства Плутон

ном, блужданиях ищущей ее Деметры становится особенно популярным и изображается постоянно в росписях отдельных погребений. Во многих случаях мы можем установить, что миф этот проник в Пантикапей вместе с мистериями, связанными в Элладе с культом Коры. Весьма вероятно, что и в эту эпоху своей популярностью на Боспоре миф и культ Коры обязаны были тому, что они отвечали местным религиозным воззрениям, связывавшим загробную жизнь с культом великой местной богини.

Еще яснее связь с местными религиозными воззрениями наиболее поздней группы расписных гробниц Пантикапея, где, как и на поздних монетах, упадок культурной жизни и культурных навыков сказывается в необычайной грубости и примитивности изображений, в резкой геометризации обычных греческих орнаментов. Изображенные в этих погребениях сюжеты, несомненно, относятся к жизни религиозных мужских братств, к их мистическим и оргиастическим празднествам в честь великого местного «высочайшего бога» Сабазия, о котором уже была речь.

И здесь мы таким образом встречаемся с тем же процессом все большего усиления местного уклада жизни, по преимуществу иранского, каковое достигает своего апогея в III в. по Р. Х.

Наконец, отмечу еще оригинальную область местного творчества – пантикапейскую торевтику и ювелирное дело, где, как уже было указано, Пантикапей создал свою школу еще в IV в. до Р. Х. Существование пантикапейских золотых дел мастеров, работавших, главным образом, на соседей, мы предполагали уже в предыдущей главе. Работали эти мастера в выше охарактеризованном стиле, несомненно, не только для соседей Боспора, но и для местных жителей, среди которых эти работы находили себе все больший и больший спрос. Этот рост спроса на вещи, сработанные в иранском духе и вкусе, в высшей степени характерен. Постепенно, по мере того, как многоцветный ювелирный стиль переходит в так называемый готский или меровингский, он начинает не только встречаться, но и преобладать в пантикапейских погребениях эпохи готского владычества.

Параллельно этому идет и изменение самого обряда погребения. Надо считаться с тем, что погребальный обряд и обычаи вообще отличаются везде и всегда особой устойчивостью. Тем не менее, иранизация населения Боспорского царства была так велика, что уже в I в. по Р. Х. мы встречаемся с погребениями местных жителей,

Рис. 1, 2. Расписные сосуды площадок около Петрени
Рис. 3. Часть гравированного сосуда одной из площадок Приднепровья
Рис. 4, 5. Сосуды из склепов со скорченными костяками

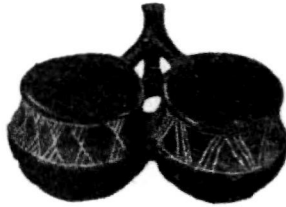
6

7

8

9

10

11

12

Рис. 6–10. Глиняные сосуды из «скифских» погребений Приднепровья
Рис. 11, 12. Деревянные сосуды из «скифских» погребений Приднепровья

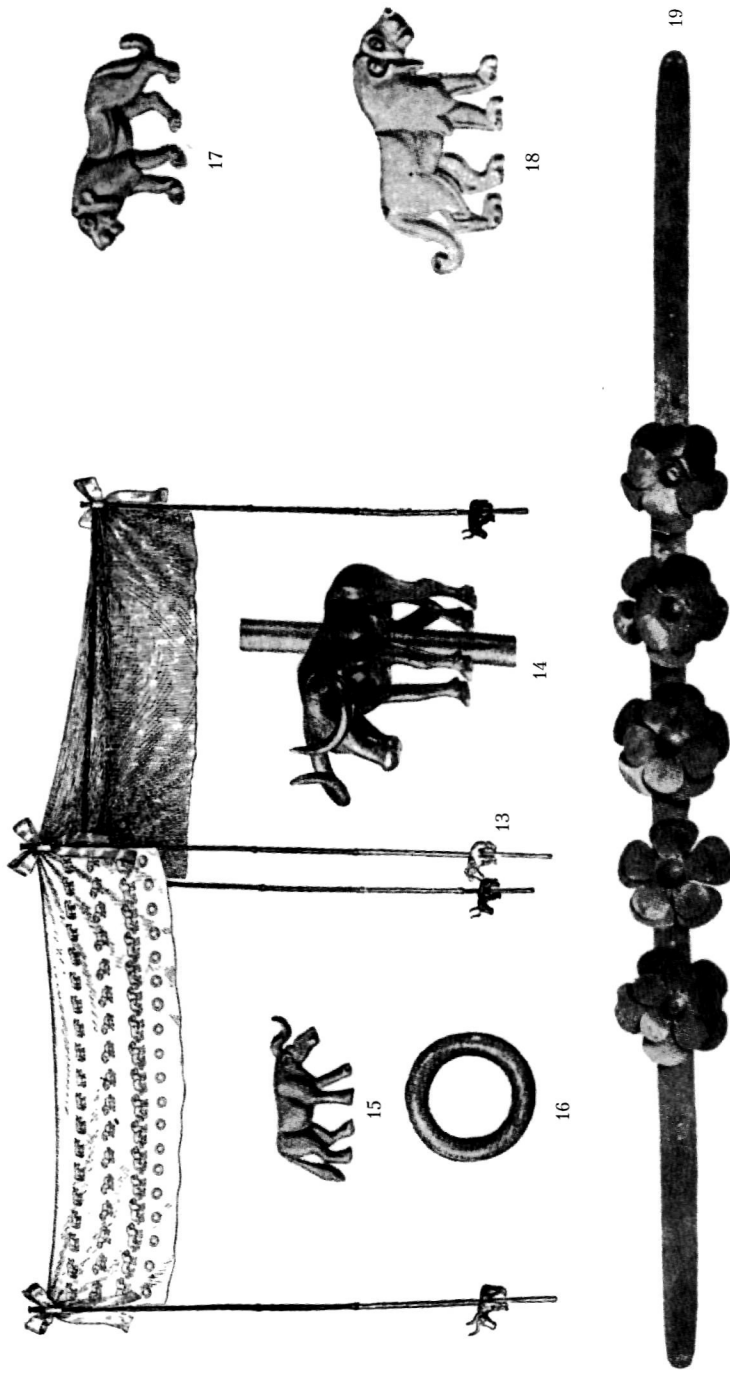

Рис. 13. Реконструкция погребального балдахина из Майкопского погребения со скорченными и окрашенными костюжами
 Рис. 14. Фрагмент шеста балдахина

Рис. 15–18. Нашивные золотые бляшки балдахина
 Рис. 19. Золотая диадема из того же погребения

20

21

23

22

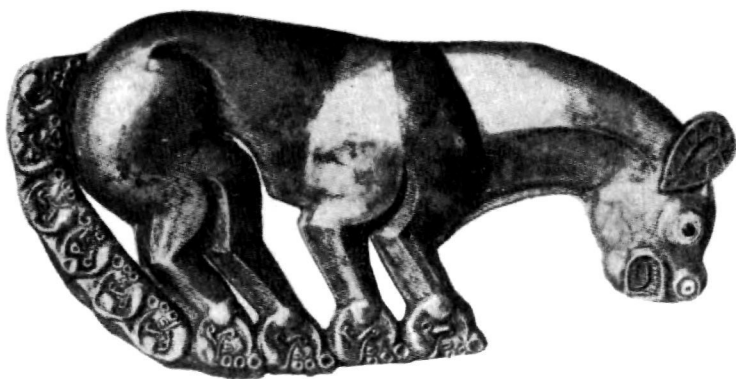

24

25

Рис. 20. Ожерелья из погребения Старомышастовской станицы
Рис. 21, 22. Низки золотых колец оттуда же
Рис. 23. Серебряный бычок оттуда же
Рис. 24, 25. Серебряный сосуд Майкопского погребения со скорченными и окрашенными костяками

26

27

28

29

Рис. 26. Золотое, украшенное эмалью, украшение панциря из Келермеса

Рис. 27. Золотая диадема оттуда же

Рис. 28. Обложенные золотом ножны и ручка меча оттуда же

Рис. 29. Обложенная золотом секира оттуда же

Рис. 30. Золотой сосуд из Келермеса

Рис. 31. Серебряное золоченое зеркало оттуда же

Рис. 32. Золотая инкрустированная пряжка оттуда же

Рис. 33, 34. Бронзовые наконечники из архаических Кубанских погребений

Рис. 35. Золотая бляшка из Келермеса¹

Рис. 36, 37. Горит из кургана Солоха

Рис. 36, 37. Ножны и ручка меча оттуда же

Рис. 38. Золотой налобник из конского погребения из кургана Солоха

Рис. 39. Золотая гривна оттуда же

Рис. 40. Золотой наушник оттуда же

Рис. 41–44. Золотые нашивные бляшки оттуда же

Рис. 45. Греческий бронзовый шлем оттуда же

46

48

47

49

50

Рис. 46, 47. Электровый сосуд из Куль-Обы

Рис. 48. Серебряный сосуд из курганного погребения около Воронежа

Рис. 49, 50. Части фриза, украшающего серебряную амфору из Чертом-
лыка

51

53

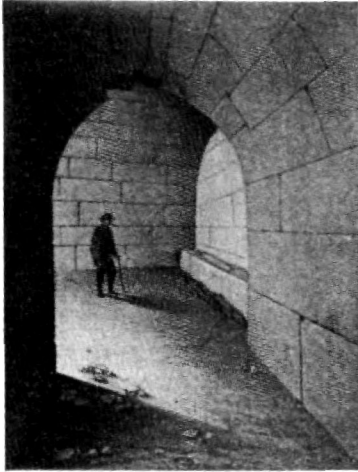

54

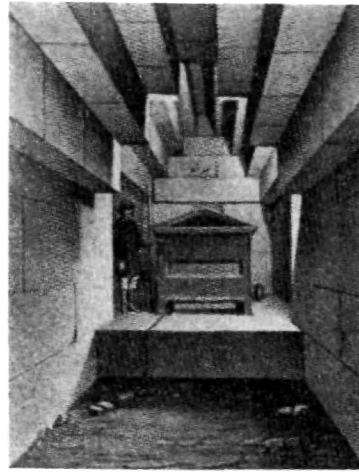

52

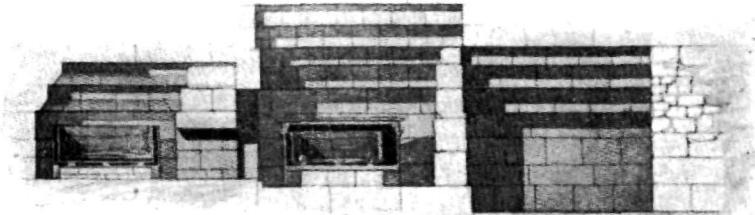
Рис. 51. Верхняя часть питьевого рога (ритона) из Карагодеуашха
Рис. 52. Золотая пластинка женского конического головного убора из Карагодеуашха
Рис. 53. Золотая пластинка из наборного пояса одного из Роменских курганов
Рис. 54. Золотая нашивная бляшка из кургана Солоха

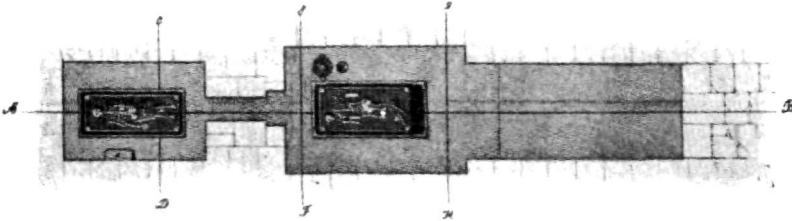
55

56

57

58

Рис. 55, 56. Склепы курганов Юз-обы

Рис. 57. Разрез и план одного из склепов Юз-Обы

Рис. 58. Расписной фриз одного из греческих склепов Пантикапейского некрополя

Рис. 59. Расписной сосуд в виде сфинкса из Фанагории
 Рис. 60. Золотое ожерелье из греческого погребения Тамани
 Рис. 61. Золотая серьга оттуда же
 Рис. 62. Браслет оттуда же

63

64

65

66

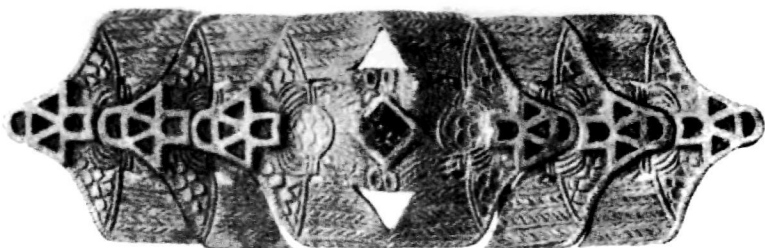

67

Рис. 63–65. Золотые пантикапейские статеры IV в. до н. э.

Рис. 66. Золотой статер Перисада III в до н. э.

Рис. 67. Серебряная дидрахма III в. до н. э.

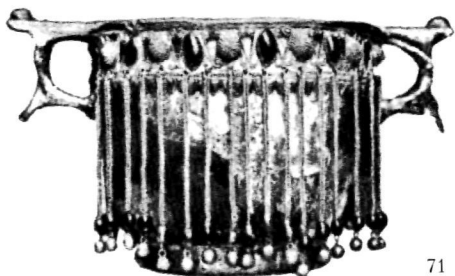
68

69

70

71

72

Рис. 68, 69. Серебряный золоченый пояс из Майкопа

Рис. 70. Золотая бляха из Сибири

Рис. 71, 72. Стекло́нные сосуды в золотой оправе из Кубанской области

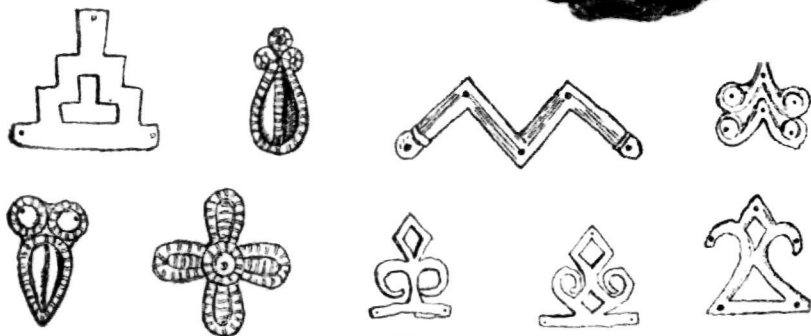
73

74

75

76

Рис. 73. Рельеф из руин Танаиса

Рис. 74. Золотая диадема с камнями из окрестностей Новочеркасска

Рис. 75. Золотой флакончик с драгоценными камнями оттуда же

Рис. 76. Золотые нашивные бляшки из сарматских погребений

77

78

79

80

81

82

83

84

85

86

87

88

Рис. 77. Бронзовый бюст Динями

Рис. 78. Мраморный бюст одного из боспорских царей I в. до н. э.

Рис. 79. Золотой статер Динями

Рис. 80–88. Обороты медных монет боспорских царей I–III в.в. н. э.

89

90

91

Рис. 89. Часть склепа Anfesteria в Пантикапее

Рис. 90, 91. Часть росписи склепа, описанного В.В. Стасовым в некрополе Пантикапея

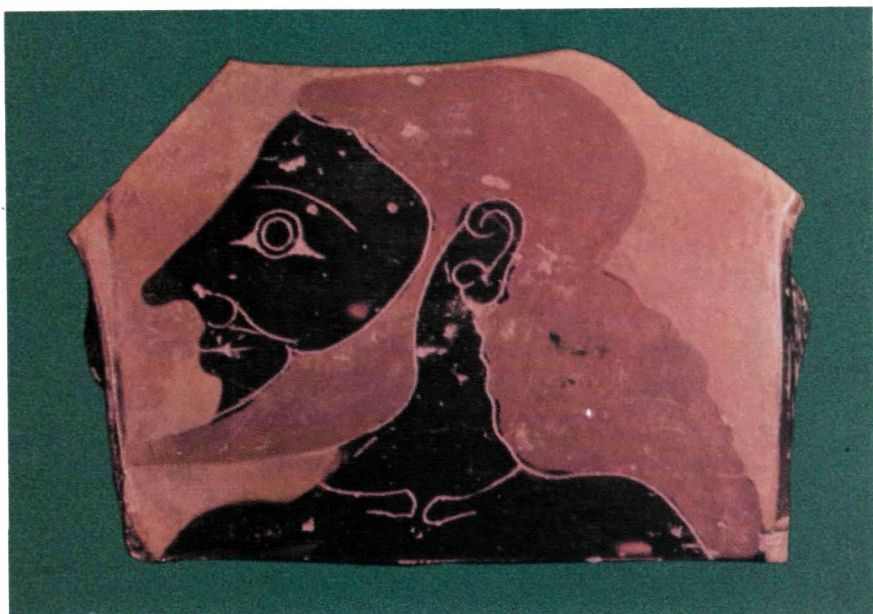

Рис. 92. Ручка чернофигурного кратера (сосуда для смешивания вина с водой) с изображением головы бородатого мужчины. Найдена в Ольвии

Рис. 93. Сосуд с изображением суда Парисаю Найден в Ольвии

Рис. 94. Предметы из погребения в Трехбратних курганах

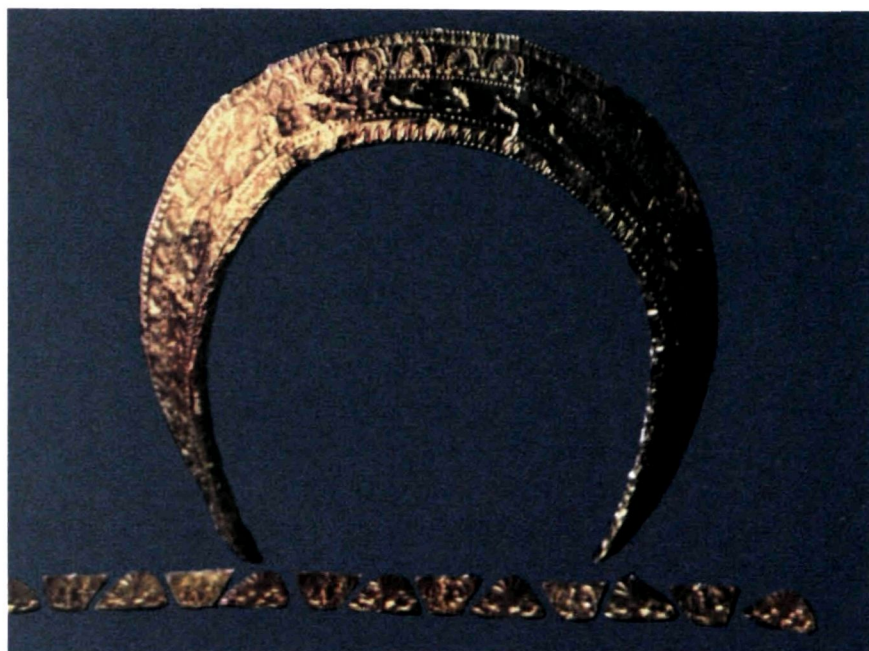

Рис. 95. Диадема из погребения в Трехбратних курганах

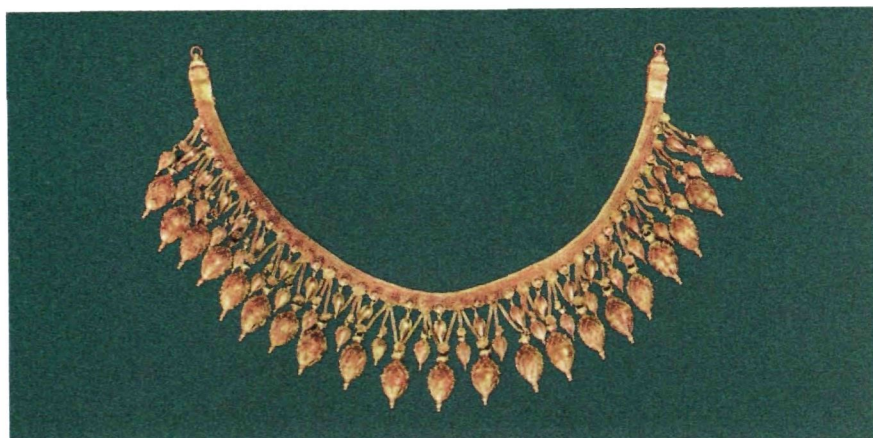

Рис. 96. Ожерелье с амфорками из кургана Большая Близница

Рис. 97. Флакон в виде рыбы из Херсонеса

Рис. 98. Ожерелье с подвеской в виде бабочки из Херсонеса

Рис. 99. Пектораль из кургана «Толстая могила»

Рис. 100. Височная подвеска с изображением головы Афины из кургана Куль-Оба

Рис. 101. Фигурный сосуд в виде сирены из Фанагории

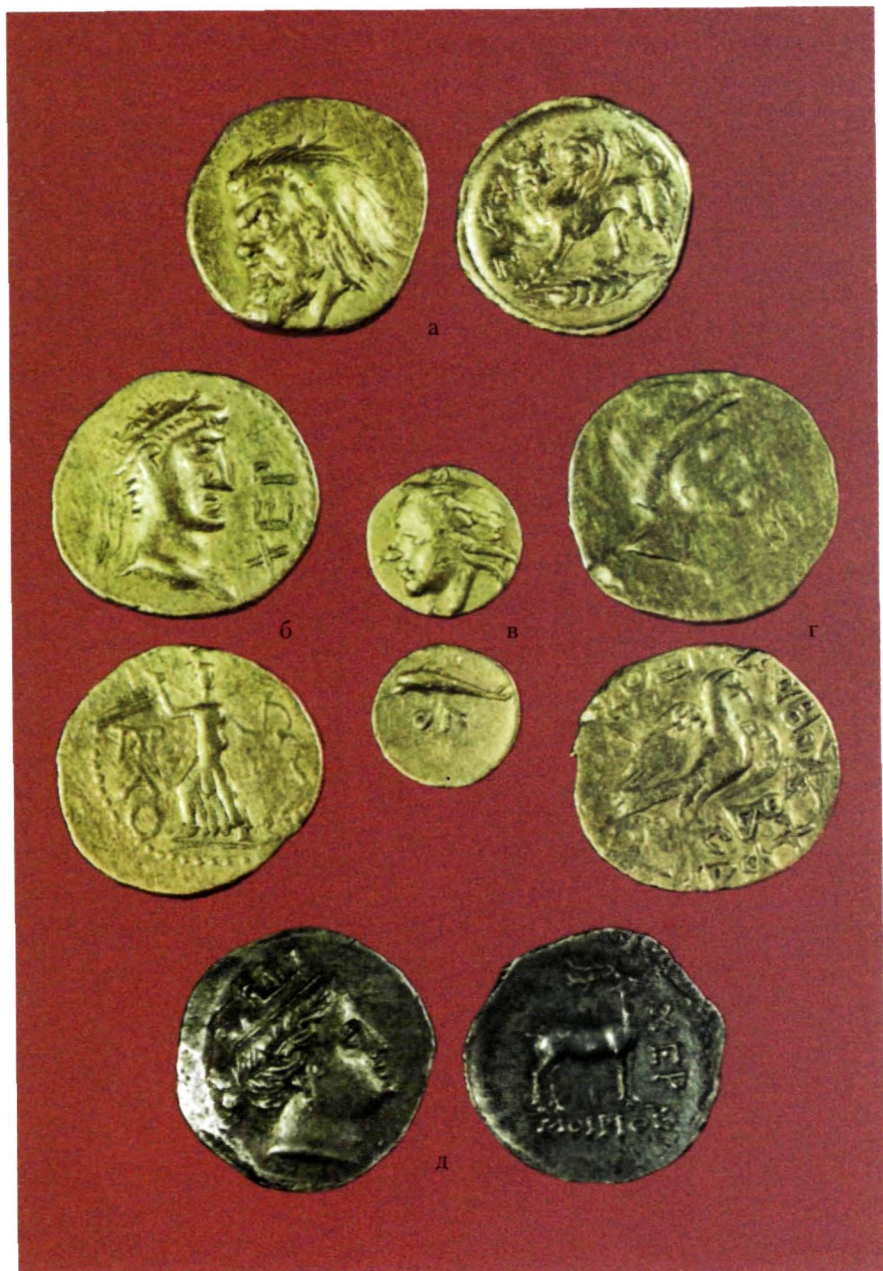

Рис. 102. Монеты Северного Причерноморья:
 а – золотой статер, Пантикапей, IV в. до н. э.;
 б – золотой статер, Херсонес, 47 г. н. э.;
 в – золотой ауреус, Ольвия, I в. н. э.;
 г – золотая гемидрахма, Ольвия, IV в. до н. э.;
 д – серебряная драхма, Херсонес, II в. до н. э.

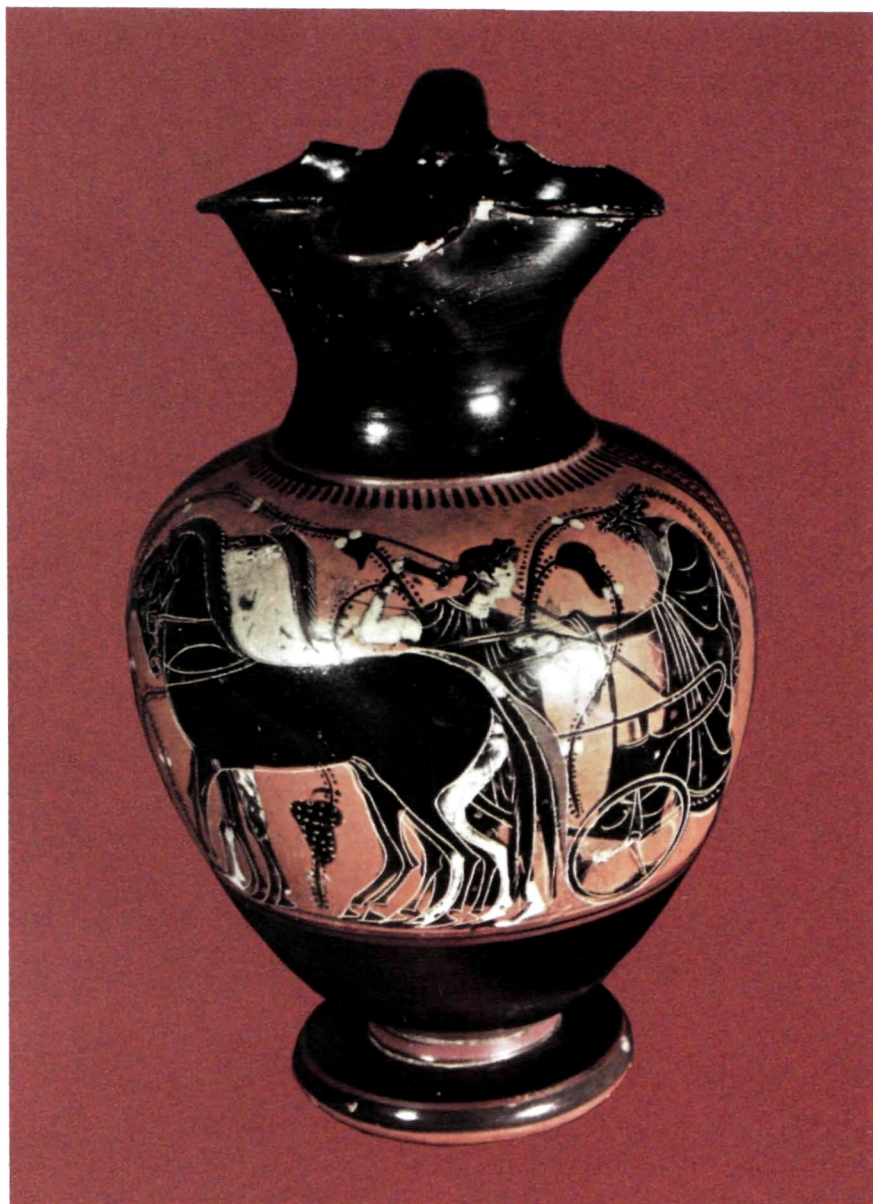

Рис. 103. Чернофигурная эйнохоя из Пантикапея

Рис. 104. Роспись склепа Деметры в Керчи. Голова Деметры

Рис. 105. Погребальная маска из Керчи

Рис. 106. Двуручный амфориск с росписью из Керчи

Рис. 107. Краснолаковый кувшин с птицами, предположительно из Пантикапея

Рис. 108. Сосуд со сценами охоты из кургана Солоха

Рис. 109. Сосуд с рельефом из кургана Гайманова могила

Рис. 110. Полихромная пелика с веткой и лентами из Керчи

Рис. 111. Полихромная пелика с амазонкой и воином из Керчи

Рис. 112. Олень из кургана Куль-Оба

Рис. 113. Серьги в виде сфинксов из погребения в Трехбратних курганах

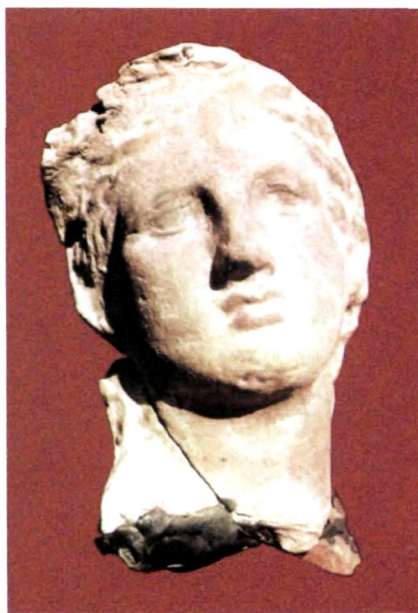

Рис. 114. Головка женщины из Херсонеса

Рис. 115. Серебрянная амфора из Чертомлыка

Рис. 116. Фигурный сосуд в виде Афродиты из Фанагории

стоящими под сильным влиянием иранского обряда, а позднее погребения с полугреческим обрядом становятся обычными. Как на решающие признаки иранского обряда, укажу на погребение коня или конской сбруи вместе с покойником, на золотую погребальную маску в одном погребении III в. по Р. Х., обычную в парфянских погребениях и т. п.

О социальной и экономической структуре греческих городов Причерноморья в эпоху римского владычества мы имеем довольно скудные, но очень характерные сведения, притом, в сущности говоря, для одного Пантикапея. Ольвия и Херсонес, сохраняющие видимость своей старой городской структуры, для нас менее ясны.

В общем, старая структура сохраняется. Как и раньше, экономическая мощь Пантикапея основывается на его посреднической торговле сырьем, главным образом хлебом. В этой торговле руководящую роль играет сам царь – главный экспортер и, может быть, арматур. Наряду с ним работает все население Пантикапея: владельцы экспортных контор, торговцы, объезжающие соседей, местные ремесленники. Как и раньше, вывозная торговля находится, главным образом, в руках иноземных купцов, в этот период преимущественно купцов южночерноморских городов – Синопы, Амасии, Амиса, Гераклеи, Трапезунта. Как и раньше, наконец, значительная часть пантикапейских граждан, особенно наиболее зажиточных, эксплуатирует, поскольку это возможно, городскую территорию, на которой она ведет большое земледельческое и скотоводческое хозяйство. Особенно процветало, насколько можно судить, коневодство.

Об этой последней стороне экономической жизни Пантикапея мы осведомлены особенно хорошо. Роспись нескольких гробниц показывает нам, какие формы принимала эта эксплуатация территории. Мы видим, что постоянных экономий в степи не имеется. Может быть, там и живет в легких постройках шалашного типа, соединяющихся в целые деревни, местное население, но указаний на существование типичных для других провинций Рима вилл крупных помещиков с жилыми и хозяйственными постройками мы не имеем. Напротив, упомянутые росписи показывают нам, что помещики выезжали в свои земли только на лето, на время пахоты, сева, выпаса и сбора посева. Жили они здесь в юртах, т. е. на скифский лад. Каждую весну, таким образом, из Пантикапея двигалась в степь целая серия обозов с палатками, скотом, земледельческими орудиями, женщинами и детьми (рис. 89).

В степи приходилось не только заниматься сельскохозяйственной работой. Главной работой была охрана своей земли, скота, посевов и семьи от набегов соседей. Поэтому мы видим, что пантикапейцы выезжают в степь в полном вооружении с вооруженными же слугами. О надвигающемся набеге их предупреждают сторожевые посты на одном из валов пантикапейской территории, укрепленном башнями и небольшими крепостями и отделявшем территорию Пантикапея от соседей-кочевников. Один из этих валов хорошо сохранился и поныне. Выстроен он был, вероятно, Асандром, а, может быть, и раньше, и ограждал почти весь Керченский полуостров, идя от моря и до моря, от Узунларского озера на Черном море до Казанлыкского залива на Азовском. Одновременно с ним существовали и другие валы, захватывавшие большую или меньшую территорию, может быть, возникавшие постепенно, по мере роста возделываемой и эксплуатируемой территории. От них сохранились менее заметные следы.

Этот полукочевой летний уклад жизни пантикапейцев является новым свидетельством иранизации всего их быта и показывает, что мы имеем дело с населением, для которого этот образ жизни искони был знаком и близок.

Все указанные особенности пантикапейского экономического уклада, в общем, таким образом, не новы. Несколько изменилась, соответственно изменению состава населения, только форма земельной эксплуатации, но в принципе и она осталась прежней, т. е. необработанной ограниченной территории трудами рук своих и своих рабов по принципу интенсивной эксплуатации, как это типично для эллинов и как мы это наблюдаем в Херсонесе (во всяком случае, такой принцип эксплуатации типичен для Херсонеса IV–II вв. до Р. Х., как показывают надписи и остатки построек на территории Херсонеса; в римское время это могло измениться), а обработкой, может быть, не ежегодной больших площадей или использованием их трав для скотоводства, как это характерно для кочевых и полукочевых хозяйств. То же мы должны предположить и для предыдущего периода, может быть, с некоторыми изменениями в деталях.

Совершенно новым надо считать, однако, изменение социальной основы жизни. Несомненно, что все население городов Боспорского царства в эпоху римского владычества тесно сплотилось около царей и образовало вместе с ними одну массу граждан-солдат, граждан-защитников своей территории, своих экономических и национальных интересов. Несмотря на сильнейшее проникновение

иранских и других местных элементов в состав городского населения, несмотря на сильную иранизацию всего быта и уклада жизни население городов все-таки считало себя греками и резко выделяло себя из остальной массы населения царства.

Это сказалось в объединении гражданства, его мужской части, в особых корпорациях, сакрально-политических гражданских обществах с военной организацией. Эти «синоды» или братства (синдельфии) создались во всех городах Боспора: в Пантикапее, в Горгиппии, в Танаисе. Особое значение они имели в городах, в которых постоянно приходилось быть начеку и бороться с грозившими захлестнуть города соседями. Организация этих братств тесно связана с военной организацией царства.

Прошло то время, когда боспорские тираны могли опираться на сильную наемную армию. Могучий организм римского войска, вбиравший в себя все, что могло и хотело воевать во всех римских провинциях, не оставлял на протяжении римского государства материала для наемных армий вассальных ему царей. У соседей Рима все боеспособные элементы привлечены были в местные национальные армии – единственный остававшийся ресурс для борьбы с Римом. Империалистическая политика Рима заставляла всех соседей быть постоянно начеку.

Поэтому наемные контингенты на Боспоре могли быть только подсобным средством для создания сильного войска, основа должна была быть местная. В какой мере она набиралась из местных подвластных Боспору племен, мы не знаем. Не знаем мы ведь и того, в какой мере и в каком объеме эти племена были подвластны Боспору. Но несомненно, что основное ядро войска составляло местное городское гражданство, в которое новая иранская кровь влила новую боеспособность и энергию.

Это гражданство, как показывают изображения отдельных граждан на надгробных стелах и боевых сцен в росписях гробниц (рис. 90 и 91), было гражданством конных рыцарей, копейщиков и лучников, закованных в железную броню. Каждый гражданин выступал не только индивидуально. Те же росписи показывают, что во многих случаях он был основой целой ячейки, целого отряда. Весьма вероятно, что контингент этого отряда составляли зависимые от него экономически и социально люди. Для землевладельцев это были их крепостные, существование которых засвидетельствовано для этой эпохи без сомнения. Мы слышим о даре храму земли с крепост-

ными частными лицами. Эти отряды были основой сухопутной армии. Флот, когда он мобилизовался, состоял, вероятно, из полувоенных кораблей крупных экспортеров и арматуров, на которых служили, вероятно, частью рабы, частью наемные солдаты.

При такой организации объединение правящего класса было необходимо для него же, для удержания им его привилегий. Это объединение создано в упомянутых братствах или коллегиях городского гражданства, которые вошли в тесную связь с верховным защитником государства – царем и поставляли ему его рыцарскую армию и кадр высших чиновников. Одновременно, конечно, коллегия объединялась и общим культом, о котором уже была речь, общей заботой о погребении каждого сочлена: смерть особенно близка была этим рыцарям, готовым каждую минуту к бою.

Таково же было и положение гражданства других греческих городов, поскольку и пока их не защищали римские гарнизоны. Жизнь этих граждан, находившихся начеку, постоянно на коне и в полном вооружении, превосходно изображает нам Дион Златоуст для Ольвии в конце I в. по Р. Х. и Овидий для Томи в эпоху Августа и Тиберия. Приблизительно такой же должна была быть жизнь греческих общин на заре их развития. Недаром же в них в это время господствует аристократический строй.

Таков был уклад жизни греческих городов Причерноморья в эпоху римского владычества. Риму и своей энергии они были обязаны тем, что просуществовали три века подряд без подчинения соседям как самостоятельные государственные организмы. Но это были уже не те города, которые когда-то основали здесь греки. Создано новое население и новая культура. Две струи, греческая и скифо-сарматская, слились, пока и ту, и другую не залили волны германских, тюркских и славянских племен, которым принадлежало будущее.

Культуру свою, однако, эти новые народы унаследовали от старых ее носителей и творцов и понесли ее с собою далеко на Север и на Запад.

**КОММЕНТАРИИ
И ПРИМЕЧАНИЯ**

С. 9. ...в печатающейся большой книге моей «Исследования по истории Скифии и Боспора». – Работа М.И. Ростовцева над этим капитальным трудом была прервана летом 1918 г. в связи со спешным его отъездом за границу. Первая часть книги, представляющая собой фундаментальное источниковедческое исследование, вышла из печати позднее (Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. – Л., 1925). Сохранившиеся в архиве автора разрозненные фрагменты второй части были опубликованы в журнале «Вестник древней истории» в 1989–1990 гг.

С. 12. *Митанни* – государство в северной Месопотамии (территория современной Сирии) в XVI–XIII вв. до н. э.

Хеттское царство – государство в Малой Азии в XVIII–XII вв. до н. э. В период расцвета занимало обширную территорию. Около 1200 г. до н. э. погибло в результате вторжения «народов моря» – группы племенных объединений с Балкан.

С. 12. ...*закавказское Урарту, Халдское, или Ванское царство...* – государство, существовавшее на территории Армянского нагорья в IX–VI вв. до н. э. Столица – город Тушпа (ныне – город Ван, Турция). Разрушено скифами и мидянами.

Геродот (ок. 484–425 до н. э.) – древнегреческий историк, «отец истории». Автор труда «Изложение событий», освещающего историю лидийцев, персов, вавилонян, египтян, скифов, ливийцев и греков.

Арийцы (арии) – название народов, принадлежащих к индоевропейской (в первую очередь индоиранской) языковой общности.

Кельты (галлы) – древние индоевропейские племена, населявшие во 2-й половине I тыс. до н. э. территорию Западной Европы. К середине I в. до н. э. покорены римлянами.

Италики – название индоевропейских племен Аппенинского полуострова, покоренных Римом в V–III вв. до н. э. и подвергшихся романизации.

Трапезунт (Трапезунд) – город на юго-восточном побережье Черного моря, основанный греками в VII в. до н. э. В 257 г. разрушен готами. Сегодня – город и порт Трабзон (Турция).

Гераклея – название более чем 30 античных городов. Автор имеет в виду Гераклею Понтийскую – город в Вифинии (см. примеч. к с. 75), основанный греками-колонистами в VI в. до н. э. Гераклея Понтийская была метрополией двух причерноморских колоний – Каллатии и Херсонеса Таврического. В 64 г. до н. э. Гераклея вошла в состав римской провинции Вифиния и Понт.

Синопа – портовый город на Черноморском побережье центральной части Малой Азии. Основан греками в VII в. до н. э. Отправная точка других черноморских колоний (например Трапезунта).

Амис (Амисос) – город на южном берегу Черного моря, основанный греками в середине VI в. до н. э.

Меандр – геометрический орнамент, состоящий из непрерывной кривой или ломаной под прямым углом линии, образующей ряд спиралей.

С. 15. *Пантикапей* – греческая колония в Крыму (VI в. до н. э. – IV в. н. э.), столица Боспорского государства. Сегодня – город Керчь.

Боспор (Боспорское царство) – государство в Северном Причерноморье (V в. до н. э. – IV в. н. э.). Уничтожено гуннами.

Скифская держава (Скифское государство) – объединение народов Северного Причерноземья (IV в. до н. э. – III в. н. э.). Уничтожено готами.

Скифы – древние ираноязычные племена Северного Причерноморья (VII в. до н. э. – III в. н. э.). После разгрома Скифского государства растворились среди других племен.

Туранцы (туранская раса, южносибирская раса) – раса, занимающая переходное положение между европеоидной и монголоидной расами. Распространена в Средней Азии (киргизы, каракалпаки), в Казахстане, Монголии, на Алтае.

Персидское царство – государство Ахеменидов (558–330 до н. э.). Включало большинство стран Ближнего и Среднего Востока. Завоевано Александром Македонским.

Сарматы – объединение кочевых скотоводческих племен (аланы, роксоланы, савроматы, аорсы, сираки, языги и др.), в III в. до н. э. – IV в. н. э. расселившиеся на территории от реки Тобол до Волги. Разгромлены гуннами.

С. 19. *...великих царств Тигра и Евфрата...* – государств Месопотамии (междуречья Тигра и Евфрата) IV–I тыс. до н. э.: Ура, Аккада, Ассирии и др.

С. 21. *Бессарабия* – историческая область между реками Днестр и Прут. Ныне – основная часть территории Молдавии и южная часть Одесской области Украины.

Подолія (Подолье, Подольская земля) – историческая область в бассейне Южного Буга и левобережья Днестра (территория современных Винницкой и Хмельницкой областей Украины).

С. 22. *Элам* – раннерабовладельческое государство в юго-западной части Иранского нагорья (III тыс. – VI в. до н. э.).

Сузы – столица Элама. Город, входивший в число важнейших торговых городов Переднего Востока. С конца VI в. до н. э. – одна из столиц древнеперсидской царской династии Ахеменидов.

С. 23. *Фатьяновская культура* – культура эпохи бронзы (II тыс до н. э.) в Верхнем Поволжье и Волжско-Окском междуречье. Название от деревни Фатьяново, близ Ярославля.

Лидийское царство (Лидия) – независимое государство, существовавшее в VII–VI вв. до н. э. на западе Малой Азии. С VI в. до н. э. под властью персов, затем часть державы Александра Македонского, государства Селевкидов, Пергама, Рима.

Фригийское царство (Фригия) – государство, существовавшее в X–VIII вв. до н. э. в северо-западной части Малой Азии.

...*для греков-ионийцев...* – *Ионийцы* – одно из основных древнегреческих племен. В XI–IX вв. до н. э. колонизовали среднюю часть западного побережья Малой Азии.

Ассиро-Вавилония – общее название древних государств Месопотамии (см. примеч. к с. 19).

С. 24. *Ван* – см. примеч. к с. 12.

...*Богатейшее погребение, открытое в Майкопе...* – *Майкопский курган* – погребение племенного вождя, датируемое III тыс. до н.э., исследовано в 1897 г.

...*напоминающими старейшие слои Трои...* – *Троя* (Илион) – город на северо-западе Малой Азии, известный по «Илиаде» Гомера. Обнаружена и исследована Г. Шлиманом при раскопках холма Гиссарлык. Раскопки, проводимые с конца XIX в., открыли разные слои Трои, начиная с эпохи ранней бронзы (около III тыс. до н. э.).

С. 25. ...*с богатейшим погребением в дольмене...* – *Дольмен* (фр. dolmen от бретон. tol – стол и men – камень) – погребальное сооружение в виде огромного размера каменного ящика, накрытого массивной плоской плитой.

С. 30. *Киммерийцы* – племена Северного Причерноморья VIII–VII вв. до н. э. Уничтожили Фригийское царство (675 г. до н. э.) и захватили большую часть Малой Азии, где смешались с местным населением.

...*Гомер – в Библии...* – см.: Быт. 10:2; Быт. 10:3; 1Пар. 1:5; Иез. 38:6.

Фракийцы – общее название индоевропейских племен, населявших Балканский полуостров и северо-запад Малой Азии (даки, геты, фригийцы, мизийцы, одрисы и др.). В ходе Великого переселения народов смешались с другими племенами.

Киммерик – город Боспорского государства на южном берегу Керченского полуострова (V в. до н. э. – III в. н. э.).

Аккерман – название города Белгород-Днестровский до 1944 г.

С. 31. *Гиг* (Гигес) – царь Лидии из династии Мермнадов.

Савроматы – см. примеч. к с. 15.

С. 32. *Синды* – меотское племя (I тыс. до н. э.). В V–IV вв. до н. э. создали государство Синдика, которое в IV в. до н. э. вошло в состав Боспорского государства. В начале нашей эры смешались с сарматами.

Танаис – античный город (III в. до н. э. – V в. н. э.) в устье реки Дон (Танаис) у современной Недвиговки. Население – греки и сарматы. Входил в Боспорское государство.

...родоначальник династии боспорских архонтов, Спарток... – Спарток I – царь Боспорского государства (438–433 до н. э.), родоначальник династии Спартокидов – правителей Боспорского государства (438 – II в. до н. э.). Наиболее известные представители династии – Левкон I и Перисад I.

Архонт (ἀρχὼν) – высшее должностное лицо в греческих полисах.

С. 34. *Меоты* – общее название племен, населявших в I тыс. до н. э. восточное и юго-восточное побережье Азовского моря (синды, дандарии, доски и др.).

С. 35. *Добруджа* – историческая область в Европе, между нижним течением Дуная и побережьем Черного моря. Южная Добруджа входит в состав Болгарии, Северная – Румынии.

С. 36. *Аргонавты* – в греческой мифологии пятьдесят героев, отправившихся на корабле «Арго» во главе с Ясоном в Колхиду за золотым руном.

«Одиссея» – древнегреческая эпическая поэма о странствиях царя Итаки Одиссея, приписываемая Гомеру.

Древнейшей из них была Ольвия – Ольвия (Борисфен) – город в районе устья Гипаниса (Буга) и Борисфена (Днепра) был основан в VI в. до н. э.

Милетцы – жители Милета, крупного полиса на юго-западном побережье Малой Азии, центра греческой колонизации (свыше 80 колоний), культуры, торговли и ремесел.

Теосцы – жители города Теоса, ионического порта на западном побережье Малой Азии.

Митиленцы – жители Митилены, главного города острова Лесбос.

Клазоменцы – жители города Клазомены на западном побережье Малой Азии.

Гермонасса – город Боспорского государства (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Сегодня – станица Таманская.

Феодосия – порт на юго-восточном побережье Крыма, основан в 600 г. до н. э. Современный город Феодосия находится на месте генуэзского торгового города Кафа.

С. 37. *...погребения Келермесской станицы Кубанской области...* – Группа скифо-меотских курганов VI в. до н. э. (ныне – Краснодарский край). В 1903–1904 гг. обследованы Н.И. Веселовским (1848–1918).

Литой курган (Мельгуновский курган) – скифское погребение начала VI в. до н. э. Раскопан в 1763 г. генерал-губернатором Новороссийска А.П. Мельгуновым (1722–1788).

Елизаветград – современный город Кировоград (Украина).

Финикия (Ханаан, Канаан) – древняя страна на восточном побережье Средиземного моря, постоянно находившаяся под чужеземным владычеством: ассирийцев, вавилонян, персов, Александра Македонского, Птолемеев, Селевкидов, римлян.

С. 38. *Хазарское царство* (Хазарский каганат) – государство VII–X вв., охватывавшее территорию Северного Кавказа, Приазовья, Крыма, степные и лесостепные территории до Днепра. В 964–965 гг. разгромлено князем Святославом Игоревичем.

С. 40. *Дарий I* – царь государства Ахеменидов (522–486 до н. э.). Период его правления – время наивысшего могущества царства. Совершил походы против скифов, на Северную Грецию и Афины.

Эллада – название Греции.

Херсонес Фракийский – древнегреческое название Галлипольского полуострова.

Спарта (Лакедемон) – древнегреческий полис на юго-востоке Пелопоннеса, превратившийся в VIII–VI вв. до н. э. в крупное государство. Одержав победу в Пелопонесской войне 431–404 гг. до н. э., утвердило свою гегемонию над Грецией. После поражения в войне с Фивами превратилось во второстепенное государство. В 146 г. до н. э. была подчинена Римом и в 27 г. до н. э. вошла в римскую провинцию Ахайя.

С. 41. *Македонская монархия* (Македония) – государство V–II вв. до н. э. на Балканском полуострове. В войнах с Римом потерпела поражение и была превращена в римскую провинцию.

Филипп II (ок. 382–336 до н. э.) – царь Македонии с 359 г. до н. э. Завершил объединение Македонии, завоевал Фокиду, Халкидику, Фессалию, Фракию, Эпир, часть Иллирии. В 338 году установил гегемонию над Грецией. Отец Александра Македонского.

Александр Македонский (356–323 до н. э.) – царь Македонии с 336 г. до н. э. Завоевал государство Ахеменидов, часть Средней Азии, территории до реки Инд. Создатель крупнейшей державы древности, распавшейся после его смерти.

Лисимах (361–281 до н. э.) – военачальник и один из телохранителей Александра Македонского. С 305 г. до н. э. царь Фракии. Погиб в борьбе за власть, начавшуюся после смерти Александра между его полководцами.

Сарматские племена – см. примеч. к с. 15.

С. 43. *Торевтика* (от греч. *τογῆν* – вырезаю, чеканю) – искусство ручной рельефной обработки художественных изделий из металла – отделки литых изделий, тиснения, чеканки.

Ритон (греч. *rhuton* – рог для питья) – сосуд из обожженной глины или металла, как правило, воронкообразной формы, часто в виде головы человека или животного, снабженный шейкой и ручкой.

Паноплия (греч. *pan-oria*) – полное вооружение воина.

С. 44. *Семибратние курганы* – группа курганов V–IV вв. до н. э. на реке Кубань, близ станицы Варениковской. Исследованы в 1878 г. В.Г. Тизенгаузеном (1825–1902).

Нимфей (VI в. до н. э. – III век н. э.) – античный город на Керченском полуострове, около современного населенного пункта Героевка.

С. 45. *Солоха* – скифский курган IV в. до н. э. близ села Большая Знаменка Запорожской области Украины. Обследован в 1913 г. Н.И. Веселовским.

Чертомлык – скифский курган IV в. до н. э. близ города Никополя Днепропетровской области Украины. Погребения с богатым инвентарем и конями.

Карагодеуашх – курган синдо-меотского вождя III–IV вв. до н. э. около станицы Крымской Краснодарского края. Погребение представляло собой две погребальные камеры с золотыми и серебряными украшениями, посудой, оружием и т. д.

С. 47. *Гиппократ* (ок. 460 – ок. 370 до н. э.) – древнегреческий врач, реформатор античной медицины.

С. 48. *Гекатомба* (от греч. hekatyn – сто и bъs – бык) – в Древней Греции жертвоприношение, первоначально состоявшее из ста быков, позже – всякое большое жертвоприношение. В переносном смысле – жестокое уничтожение или гибель большого количества людей.

С. 51. *Парфяне* – иранская народность, создавшая Парфянское царство – государство, существовавшее с 250 г. до н. э. по 224 г. н. э. к юго-востоку от Каспийского моря.

Сасаниды – иранская династия, правившая Новоперсидским царством с 227 по 642 г. н. э.

С. 52. *Гоплиты* – тяжеловооруженные пешие воины в Древней Греции. Гоплитом мог стать человек, обладающий гражданскими правами и средствами для обеспечения собственного снаряжения.

С. 53. *Шугай* – старинная женская одежда в виде короткополой кофты с рукавами.

Аграф (франц. agrafe) – нарядная пряжка или застежка.

Кичка – старинный русский праздничный головной убор замужней женщины.

С. 55. *...в греческой передаче Геракла...* – В скифской мифологии персонаж, аналогичный Гераклу, именуется Таргитай.

... От этого сочетания произошла, по двум версиям, династия местных царей. – У Таргитая и отождествляемой с Геей богини земли Апи (существа с женской верхней и змеиной нижней частями тела) родились три сына: Липоксай, Арпоксай и Колаксай, ставшие родоначальниками скифских родов. В эллинизированных версиях мифа они замещены прародителями трех различных народов Агафирсом, Гелоном и Скифом.

Аурамазда (Ахурамазда) – в иранской мифологии верховное божество зороастрийского и ахеменидского пантеонов.

Земля (Гея) – в греческой мифологии мать богов и людей.

Гестия (Гестия) – в греческой мифологии богиня домашнего огня.

Ани (Апи) – см. примеч. к с. 54.

С. 56. *Латен* (Латенская культура) – культура железного века в Западной и Средней Европе (V в. до н. э. – I в. н. э.).

С. 59. *Фактория* (позднелат. *factoria*) – торговая контора и поселение купцов в колониях.

С. 60. ...*Тирас у устья Днестра...* – Сегодня на месте Тираса (Тиры) расположен город Белгород-Днестровский.

С. 63. *Арматер* (лат. *armator* – вооружающий, снаряжающий) – человек, снаряжающий на свой счет торговое или промысловое судно; судохозяин.

С. 64. *Колхида* – древнегреческое название Западной Грузии. В VI–II вв. до н. э. – Колхидское царство.

С. 67. *Археанактиды* – правящая династия Боспорского царства (480–438 до н. э.).

Перикл (ок. 495–429 до н. э.) – крупнейший из афинских государственных деятелей, добившийся расцвета афинской демократии. Инициатор строительства Парфенона, Пропилей, Одеона. Руководитель ряда военных кампаний.

С. 69. *Пелопонесская война* (431–404 до н. э.) – крупнейшая в истории Древней Греции война между союзами греческих полисов – Пелопонеским (во главе со Спартой) и Делосским (во главе с Афинами).

С. 71. *Торевты* – см. примеч. к с. 45.

С. 73. *Палестра* (греч. *paláistra*, от *paléō* – борюсь) – частная гимнастическая школа в Древней Греции для обучения мальчиков 12–16 лет.

Стригиль (лат. *strigilis*) – металлическое приспособление для удаления массажного масла с кожи борца.

Фриз – (здесь) декоративная композиция (орнамент или изображение), представляющая собой горизонтальную полосу наверху стены, предмета и т. д.

Лекифы (греч. *lúkuthos*) – сосуд для масла конусообразной или цилиндрической формы с вертикальной ручкой и узким, переходящим в раструб горлом. Использовался в похоронном церемониале.

Арибалл (греч. *aríballos*) – небольшой шарообразный или грушевидный сосуд для масла, которым натирали кожу гимнасты.

С. 74. *Сатур* – природный демон греческой мифологии. Дикое, резвое, насмешливое существо. Изображался как полулошадь, позднее представлялся козлоподобными.

Силены – в греческой мифологии демоны плодородия, воплощение стихийных сил природы – люди с лошадиными ушами, хвостом, копытами и звероподобной мордой. Отличались задиристым нравом, тягой к вину и нимфам.

Глиптика – (греч. *glyptike*, от *glypho* – вырезаю) – искусство резьбы на драгоценных или полудрагоценных камнях.

Гигиенонт (Гигиен) – правитель Боспорского государства в 220–200 гг.

С. 75. *Пергамское царство* (Пергам) – государство в северо-западной части Малой Азии (283–133 до н. э.). Со 2-й половины II в. до н. э. под влиянием Рима, затем – римская провинция Азия.

Вифиния – область на северо-западе Малой Азии (территория современной Турции). Была заселена фракийцами. Находилась под властью Лидии, Ахеменидов. С 297 по 74 г. до н. э. – самостоятельное царство. Затем в составе Рима. Вместе с Понтом образовывала римскую провинцию, наместником которой был Плиний Младший.

Статер (греч. *stater*) – древнегреческая монета из золота, серебра или их сплава – электрона.

С. 76. *...при последнем Перисаде...* – Перисад V был убит в 107 г. до н. э. во время восстания скифского населения под руководством придворного раба Савмака.

С. 77. *Митридат VI Евпатор* (132–63 до н. э.) – царь Понта. Вел борьбу со скифами. Подчинил все побережье Черного моря. В войнах с Римом был побежден и покончил с собой.

С. 79. *Помпей Великий* Гней (106–48 до н. э.) – римский полководец. Участник подавления восстания Спартака. Командовал римскими войсками в войне против Митридата VI. В 60 г. до н. э. вступил в союз с Цезарем и Крассом – 1-й триумвират. После распада триумvirата в 53 г. до н. э. воевал против Цезаря.

Фарнак II – сын Митридата VI Евпатора. В 64 г. до н. э., будучи наместником Боспора, отделился от отца и был назначен Помпеем царем Боспорского государства (63–47 до н. э.). Пытался отвоевать бывшее Понтийское царство во время войны между Цезарем и Помпеем, но в 47 г. до н. э. был разбит Цезарем под Зелой и вскоре убит.

...соединенных с греческими городами личной унией... – *Личная уния* – объединение государств под властью одного монарха.

Биребиста (Буребиста) – царь даков (I в. н. э.).

С. 81. *Магистрат* – общее название ряда государственных должностей в Древнем Риме.

С. 82. *Илоты* – земледельцы древней Спарты, считавшиеся собственностью государства.

Пенесты – зависимое крестьянское население Фессалии, занимавшее промежуточное положение между свободными и рабами.

С. 83. *Эсхин* (390–314 до н. э.) – греческий оратор и политический деятель. Странник македонского царя Филиппа, противник Демосфена. Автор речей «О вероломном посольстве», «Против Ктесифонта» и др. Дошедшие до нас письма Эскина не являются подлинными.

Исократ (436–338 до н. э.) – афинский оратор, учитель риторики и публицист. Основатель известной школы, противник демократии.

Демосфен (ок. 384–322 до н. э.) – афинский оратор, вождь демократической антимакедонской группировки. После подчинения Греции Македонией покончил с собой, приняв яд.

С. 84. *Пан* – в греческой мифологии бог – покровитель пастухов и мелкого рогатого скота, лесной демон. Изображался в виде получеловека с ногами козла, бородой и рогами.

Грифон (гриф) – в древневосточной мифологии фантастическое животное, полуорел-полулев. Считался стражем золотых копей.

Гипербореи – в греческой мифологии народ, пребывающий в вечном блаженстве на Крайнем Севере.

Аримасты – в скифской мифологии одноглазые люди, обитатели севера, вечные противники грифонов.

С. 85. *Аполлон* – в греческой мифологии бог солнца и света, искусства и мудрости.

С. 89. *Дандарии* – см. примеч. к с. 34

...*рассказами об яксаматке Тиргатао и о савроматке Амаге.* – В восьмой книге «Военных хитростей» Полиена – греческого писателя II в. н. э. говорится о сарматской царице Амаге, оказавшей помощь жителям Херсонеса в борьбе со скифами. Там же рассказывается о меотской царевне Тиргатао, порвавшей со своим мужем – царем синдов и возглавившей союз меотских племен. Ростовцев датировал эти события III в. до н. э.

С. 90. *Каппадокия* – область в восточной части Малой Азии. Во II тысячелетии до н. э. – центр Хеттского государства. В III–I вв. до н. э. – самостоятельное царство, с 17 г. н. э. – римская провинция.

С. 91. *Ма* – фригийская богиня – мать богов. С I в. до н. э. почиталась в Риме.

Анаита (Анат) – в западносемитской мифологии богиня охоты и битвы.

Понт – область в Малой Азии, часть Каппадокии (Понтийская Каппадокия).

Артемиды – в греческой мифологии богиня охоты, дочь Зевса и богини Лето.

Сарды – столица Лидийского царства.

Деметра – в греческой мифологии богиня плодородия, покровительница земледелия

Кора (греч. *κορη* – девушка) – в греческой мифологии одно из имен богини Персефоны.

...*тесно связанного с элевсинскими мистериями.* – в городе Элевсине, располагавшемся в 22 километрах от Афин, находилось знаменитое святилище мистерияльного культа. Так как во время мистерий могли присутствовать только посвященные, подробностей о характере совершаемых обрядов не сохранилось.

С. 92. *Диодор* (ок. 90–21 до н. э.) – греческий историк, автор сочинения «Историческая библиотека» в 40 книгах, охватывающую историю Древнего Востока, Греции, Эллинистических государств и Рима с древних времен до I в. до н. э.

Тацит (ок. 58 – ок. 117) – римский историк. Наиболее известны его труды «Анналы», «История» (сохранилась частично) и очерк «Германия».

С. 93. *Языги, роксоланы, сираки, аорсы, аланы* – см. примеч. к с. 15.

Страбон (64/63 до н. э. – 23/24 н. э.) – греческий географ и историк. Автор «Географии», обобщающей географические знания античности и не дошедших до нас «Исторических записок».

Аммиан Марцеллин (ок. 330 – ок. 400) – римский историк. Автор «Деяний», охватывающих события с конца I в. до 378 г.

С. 94. *Рыцари-катафракты* (Катафракты) – особый вид конницы, впервые появившийся у персов, заимствованный затем в македонских и сирийских войсках и римской армии. Чешуйчатый панцирь защищал не только всадника, но и его лошадь.

С. 101. *Цезарь* Гай Юлий (100–44 до н. э.) – римский политический деятель и полководец. В 74 г. до н. э. участвовал в войне против Митридата VI. Консул (59 г. до н. э.), затем наместник Галлии. Разгромив в 49–45 гг. до н. э. Гнея Помпея и его сторонников, сосредоточил в своих руках ряд важнейших республиканских должностей (консула, диктатора и т. п.), фактически стал монархом. Убит в результате заговора республиканцев.

С. 102. *Иллирика* (Иллирик, лат. *Illyricum*) – название средней части Адриатического побережья около озера Шкодер, позже распространившееся на весь северо-запад Балканского полуострова. В 168 г. до н. э. прибрежная часть Иллирики становится римской провинцией с тем же названием. Не вошедшие в провинцию иллирийские племена позже были подчинены Августом.

Красс Марк Лициний (114–53 до н. э.) – римский полководец. В 71 г. до н. э. одержал победу над войском Спартака. Консул 70–55 гг. до н. э. Входил в 1-й триумvirат. Убит в сражении с парфянами при Каррах в 53 г. до н. э.

Антоний Марк (ок. 83–30 до н. э.) – римский полководец, сторонник Цезаря. В 42 году до н. э. получил в управление восточные области Римской державы. Сблизился с царицей Египта Клеопатрой. После объявления сенатом войны Клеопатре и гибели египетского флота покончил жизнь самоубийством.

Нерон Клавдий Друз Германик (37–68) – римский император с 54 г. Согласно источникам, самовлюбленный, жестокий, развратный. Восстал против себя все слои римского общества.

Флави – династия римских императоров, правившая в 69–96 гг. К ней принадлежали Веспасиан, Тит и Домициан. Их политика отличалась широким предоставлением прав латинского и римского гражданства

провинциалам путем введения представителей провинциальной знати в сенат.

С. 103. *...после победы над Помпеем...* – см. примеч. к с. 79.

Асандр – архонт, затем царь Боспорского государства (47–16 до н. э.).

...кончившегося его поражением при Зеле. – См. примеч. к с. 79.

С. 104. *...триумвиры, занятые гражданской войной...* – Триумвиры – Октавиан (Август), Марк Антоний и Марк Лепид, члены 2-го триумвирата 43–36 гг. до н. э.

Принципат (лат. principatus, от princeps – первый, глава) – форма правления в Древнем Риме, при которой формально сохранялись республиканские учреждения, но власть фактически принадлежала одному человеку – принцепсу.

С. 105. *Агриппа* Марк Випсаний (ок. 63–12 до н. э.) – римский полководец и политический деятель, друг Августа. Определял военную политику императора, являлся полномочным представителем в Риме и провинциях. Ему принадлежит основная роль в создании принципата. Известен своими постройками в Риме (водопровод, термы, храм Пантеон) и в Галлии.

Полемон I (ок. 65–9 до н. э.) – царь Понта (с 38 г. до н. э.) и Боспорского царства (с 14 г. до н. э.). Ставленник и вассал Рима. Основатель династии Полемонидов.

Траллы – поселение в Малой Азии. С 133 г. до н. э. под властью Рима.

С. 107. *Тиберий* Клавдий Нерон (42 до н. э. – 37 н. э.) – римский император с 14 г. Добился улучшения финансового положения империи.

С. 108. *...с тяжёлым поражением легионов Вара на Рейне...* – Главнокомандующий римскими войсками в Германии Публий Квинктилий Вар (ок. 46 до н. э. – 9 н. э.) потерпел в сентябре 9 г. н. э. сокрушительное поражение от германских племен во главе с Арминием. Войско Вара, состоявшее из трех легионов и многочисленных вспомогательных отрядов было полностью уничтожено в битве в Тевтобургском лесу. Римское господство на территории между Рейном и Эльбой было ликвидировано. Вар покончил жизнь самоубийством.

Гепетирис (Гапэпирия) – царица Боспорского государства в 37–39 гг.

...от этого брака родился старший сын Аспурга, получивший имя своего великого прадеда Митридата. – *Митридат* – правитель Боспорского государства в 39–44 гг.

Полемониды – см. примеч. к с. 105.

... От этого брака Аспург, во всяком случае, имел одного сына – Котиса... – *Котис I* (Котий I) – царь Боспорского государства в 44–67 гг.

С. 109. *Калигула* Гай Цезарь Германик (12–41) – римский император с 37 г. Правление Калигулы отличалось деспотическим произволом, притеснениями населения, разбазариванием государственных средств, ростом налогов. Стремление к неограниченной власти и требование почестей себе,

как богу, вызывали недовольство сената. Убит участниками заговора трибунов преторианской гвардии.

Легат (лат. *legatus* – избранный) – в Древнем Риме назначавшийся сенатом посол, заместитель командующего армией или чиновник канцелярии наместника. В эпоху Империи – назначаемый императором командующий легионом, наместник провинции и чрезвычайный уполномоченный.

Клавдий Тиберий Нерон Германик (10 до н. э. – 54 н. э.) – римский император с 41 г.

С. 110. *Адорация* (лат. *adoratio*) – поклонение.

Курульное кресло (лат. *Sella curulis*) – особое должностное кресло, привилегия высших магистратов в Древнем Риме.

Геракл – в древнегреческой мифологии величайший герой, сын бога Зевса и жены фиванского царя Алкмены.

Посейдон – в греческой мифологии один из главных олимпийских богов, владыка моря.

Геты – см. примеч. к с. 30.

С. 111. *Овидий* Назон Публий (43 до н. э. – ок. 18 н. э.) – римский поэт. Автор любовных элегий, посланий, иронических поэм, мифологического эпоса «Метаморфозы», «Писем с Понта» и др.

С. 112. *Мэзия* (Мэзия) – древняя область в районе Нижнего Дуная. Делилась на Мэзию Верхнюю (территория сегодняшней Сербии) и Мэзию Нижнюю (территория между Дунаем и Балканами).

Корбулон Гней Домиций (?–67) – полководец Нерона. Возглавлял войска в Германии, успешно завершил войну с парфянами. Имел огромное влияние в армии, что стало причиной его казни Нероном.

С. 113. *Бастарны* – древнее племя, принадлежавшее, вероятно, к персам или кельтам.

Даки – северо-фракийские племена, территория которых располагалась между Тисой, Дунаем, Днестром и Карпатами.

Прокуратор (лат. *procurator* – управляющий) – в Древнем Риме чиновничья должность, связанная со сбором налогов или управлением небольшими провинциями.

Тавры – древнейшее население южной части Крыма (Таврики). В I в. смешались с соседними племенами.

С. 114. ...*старый греко-скифский город Скилура около нынешнего Симферополя, вряд ли носивший в древности имя Неаполя.* – *Неаполь скифский* (Неаполь-на-Салгире, III в. до н. э. – III в. н. э.) – столица Скифского государства в Крыму. Имя городу дали ученые-антиковеды.

С. 115. *Траян* Марк Ульпий (53–117) – римский император (с 98 г.) из династии Антонинов. Максимально расширил границы Римской империи, завоевав Дакию, Аравию, Великую Армению и Месопотамию.

Проконсул (от лат. *pro consule* – на месте консула) – во времена Римской республики бывший консул, наместник провинции, во времена Империи был наделен полномочиями консула.

Плиний Младший (62–114) – римский писатель, оратор, адвокат, консул, императорский легат в Вифинии. Из его трудов сохранились 10 книг «Писем». 10-я книга включает в себя переписку с императором Траяном – важный исторический документ.

С. 116. *...целый штат драгоманов-переводчиков. – Драгоман* (франц. dragoman, от араб. гарджуман – переводчик) – переводчик при дипломатических представительствах и консульствах.

Адриан П. Элий (76–138) – римский император со 117 г.

С. 117. *Арриан Флавий* (между 95–175) – греческий историк и писатель. Автор истории похода Александра Македонского «Анабаис Александр», труда «Индия», философских трактатов и трактатов о военном деле и охоте.

Реметалк – царь Боспорского государства в 132–153 гг.

Антонин Пий (86–161) – римский император с 138 г.

С. 118. *Марк Аврелий Антонин* (121–180) – римский император из династии Антонинов. Философ, представитель стоицизма (сочинение «Наедине с собой»). Восстановил римский протекторат над Арменией и захватил Месопотамию в войне 162–166 гг. с парфянами. Вел войну с германским племенем маркоманов.

Северы – династия римских императоров в 193–235 гг.

С. 122. *...сцена гибели детей Ниобы – Ниобидов...* – Ниоба – в греческой мифологии дочь Тантала, супруга фиванского царя Амфитриона. Имея многочисленное потомство (12 или 14) и гордясь этим, Ниобида оскорбила своим хвастовством богиню Лето (Латону). За это дети Лето – Аполлон и Артемида – убили из луков всех детей Ниобиды. Сама Ниобида окаменела от горя.

С. 124. *Афродита* – в греческой мифологии богиня любви и красоты.

Синкретизм (от греч. synkrētismos – соединение) – здесь: смешение, неорганическое слияние разнородных элементов. В период эллинизма имел место религиозный синкретизм.

Сабазий (Сабасий) – фригийско-фракийский бог-целитель, в греческой мифологии сын Персефоны и Зевса, бог плодородия и земледелия. Позже слился с Дионисом.

С. 125. *Платон* (427–347 до н. э.) – древнегреческий философ-идеалист, великий политический мыслитель. В 387 г. до н. э. основал в Афинах собственную школу – Академию. Сочинения Платона представляют собой высокохудожественные диалоги.

Гимнасий (греч. gymnasion) – государственное учебно-воспитательное учреждение в древнегреческих Афинах и на эллинистическом Востоке. В гимнасиях юноши 16–18 лет получали литературное, философское, политическое образование и занимались гимнастикой.

С. 126. *...глиняные статуэтки с подвижными членами, часто итифаллические...* – В Древней Греции фаллос – орган мужской производительности,

служил символом божеств Диониса, Гермеса, Приапа и Афродиты, олицетворявших половой инстинкт, плодородие и производительную силу природы. Итифаллом греки называли фаллос в состоянии эрекции. В честь него складывались в особом размере песни (итифаллические), сопровождаемые ритуальными плясками.

С. 127. *Стасов* Владимир Васильевич (1824–1906) – русский художественный и музыкальный критик, историк искусства. Идеолог «Могучей кучки». Автор ряда монографий о живописи, скульптуре, музыке, а также трудов в области фольклористики, филологии, истории и археологии.

Плутон – в греческой мифологии одно из имен бога – владыки царства мертвых Аида.

С. 132. *Дион Златоуст* (Дион Хризостом) (ок. 40–120) – греческий оратор и философ из Вифинии. Речи Диона (в том числе «Эвбейские речи») – ценные культурно–исторические памятники.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Черно-белые вставки

- Рис. 1, 2. Расписные сосуды площадок около Петрени.
Рис. 3. Часть гравированного сосуда одной из площадок Приднепровья.
Рис. 4, 5. Сосуды из склепов со скорченными костяками.
Рис. 6–10. Глиняные сосуды из «скифских» погребений Приднепровья.
Рис. 11, 12. Деревянные сосуды из «скифских» погребений Приднепровья.
Рис. 13. Реконструкция погребального балдахина из Майкопского погребения со скорченными и окрашенными костяками.
Рис. 14. Фрагмент шеста балдахина.
Рис. 15–18. Нашивные золотые бляшки балдахина.
Рис. 19. Золотая диадема из того же погребения.
Рис. 20. Ожерелья из погребения Старомышастовской станицы.
Рис. 21, 22. Низки золотых колец оттуда же.
Рис. 23. Серебряный бычок оттуда же.
Рис. 24, 25. Серебряный сосуд Майкопского погребения со скорченными и окрашенными костяками.
Рис. 26. Золотое, украшенное эмалью, украшение панциря из Келермеса.
Рис. 27. Золотая диадема оттуда же.
Рис. 28. Обложенные золотом ножны и ручка меча оттуда же.
Рис. 29. Обложенная золотом секира оттуда же.
Рис. 30. Золотой сосуд из Келермеса.
Рис. 31. Серебряное золоченое зеркало оттуда же.
Рис. 32. Золотая инкрустированная пряжка оттуда же.
Рис. 33, 34. Бронзовые навершия из архаических Кубанских погребений.
Рис. 35. Золотая бляшка из Келермеса.
Рис. 36. Горит из кургана Солоха.

- Рис. 37. Ножны и ручка меча оттуда же.
Рис. 38. Золотой налобник из конского погребения из кургана Солоха.
Рис. 39. Золотая гривна оттуда же.
Рис. 40. Золотой наушник оттуда же.
Рис. 41–44. Золотые нашивные бляшки оттуда же.
Рис. 45. Греческий бронзовый шлем оттуда же.
Рис. 46, 47. Электровый сосуд из Куль-Обы
Рис. 48. Серебряный сосуд из курганного погребения около Воронежа.
Рис. 49, 50. Части фриза, украшающего серебряную амфору из Чертомлыка.
Рис. 51. Верхняя часть питьевого рога (ритона) из Карагодеуашха.
Рис. 52. Золотая пластинка женского конического головного убора из Карагодеуашха.
Рис. 53. Золотая пластинка из наборного пояса одного из Роменских курганов.
Рис. 54. Золотая нашивная бляшка из кургана Солоха.
Рис. 55, 56. Склепы курганов Юз-обы.
Рис. 57. Разрез и план одного из склепов Юз-Обы.
Рис. 58. Расписной фриз одного из греческих склепов Пантикапейского некрополя.
Рис. 59. Расписной сосуд в виде сфинкса из Фанагории.
Рис. 60. Золотое ожерелье из греческого погребения Тамани.
Рис. 61. Золотая серьга оттуда же.
Рис. 62. Браслет оттуда же.
Рис. 63–65. Золотые пантикапейские статеры IV в. до н. э.
Рис. 66. Золотой статер Перисада III в до н. э.
Рис. 67. Серебряная дидрахма III в. до н. э.
Рис. 68, 69. Серебряный золоченый пояс из Майкопа.
Рис. 70. Золотая бляха из Сибири.
Рис. 71, 72. Стекланные сосуды в золотой оправе из Кубанской области.
Рис. 73. Рельеф из руин Танаиса.
Рис. 74. Золотая диадема с камнями из окрестностей Новочеркасска.
Рис. 75. Золотой флакончик с драгоценными камнями оттуда же.
Рис. 76. Золотые нашивные бляшки из сарматских погребений.
Рис. 77. Бронзовый бюст Динамии.
Рис. 78. Мраморный бюст одного из боспорских царей I в. до н. э.
Рис. 79. Золотой статер Динамии.
Рис. 80–88. Обороты медных монет боспорских царей I–III в.
Рис. 89. Часть склепа Анфестерия в Пантикапее.
Рис. 90, 91. Часть росписи склепа, описанного В.В. Стасовым в некрополе Пантикапея.

Цветные вставки

- Рис. 92. Ручка чернофигурного кратера (сосуда для смешивания вина с водой) с изображением головы бородатого мужчины. Найдена в Ольвии.
- Рис. 93. Сосуд с изображением суда Париса. Найден в Ольвии.
- Рис. 94. Предметы из погребения в Трехбратних курганах.
- Рис. 95. Диадема из погребения в Трехбратних курганах.
- Рис. 96. Ожерелье с амфорками из кургана Большая Близница.
- Рис. 97. Флакон в виде рыбы из Херсонеса.
- Рис. 98. Ожерелье с подвеской в виде бабочки из Херсонеса.
- Рис. 99. Пектораль из кургана «Толстая могила».
- Рис. 100. Височная подвеска с изображением головы Афины из кургана Куль-Оба.
- Рис. 101. Фигурный сосуд в виде сирены из Фанагории.
- Рис. 102. Монеты Северного Причерноморья: а – золотой статер, Пантикапей, IV в. до н. э.; б – золотой статер, Херсонес, 47 г.; в – золотой ауреус, Ольвия, I в.; г – золотая гемидрахма, Ольвия, IV в. до н. э.; д – серебряная драхма, Херсонес, II в. до н. э.
- Рис. 103. Чернофигурная эйнохойя из Пантикапея.
- Рис. 104. Роспись склепа Деметры в Керчи. Голова Деметры.
- Рис. 105. Погребальная маска из Керчи.
- Рис. 106. Двуручный амфориск с росписью из Керчи.
- Рис. 107. Краснолаковый кувшин с птицами, предположительно из Пантикапея.
- Рис. 108. Сосуд со сценами охоты из кургана Солоха.
- Рис. 109. Сосуд с рельефом из кургана Гайманова могила.
- Рис. 110. Полихромная пелика с веткой и лентами из Керчи.
- Рис. 111. Полихромная пелика с амазонкой и воином из Керчи.
- Рис. 112. Олень из кургана Куль-Оба.
- Рис. 113. Серьги в виде сфинксов из погребений в Трехбратних курганах.
- Рис. 114. Головка женщины из Херсонеса.
- Рис. 115. Серебряная амфора из Чертомлыка.
- Рис. 116. Фигурный сосуд в виде Афродиты из Фанагории.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август (Октавиан) Гай Юлий Цезарь 104–108, 112, 132, 144, 145
Агафирс, сын Геракла 140
Агриппа Марк Випсаний, римский полководец 105, 107, 112, 145
Агротера, богиня 91
Адриан П. Элий, римский император 116–118, 147
Аид, см. *Плутон*
Акес, правитель Боспорского государства 74
Александр Македонский 41, 46, 70, 75, 136, 137, 139, 147
Алиатт, царь Лидии 31
Алкмена, героиня греческих мифов, мать Зевса 146
Амага, сарматская царица 89, 143
Аммиан Марцеллин, римский историк 93, 144
Амфитрион, мифический царь 147
Анаита (Анат), западносемитская богиня 91, 143
Анат, см. *Анаита*
Ани, см. *Апи*
Антоний Марк, римский полководец, триумvir 102, 104, 144, 145
Антонин Пий, римский император 117, 118, 147
Антонины, династия римских императоров 146
Анфестерий 150
Апи (Ани), скифская богиня 55, 124, 140
Аполлон, греческий бог 85, 143, 147
Арминий, предводитель германцев 145
Арпоксай, сын Таргитая 140
Арриан Флавий, греческий историк и писатель 117, 147
Артемида, греческая богиня 91, 143, 147
Археанактиды, правящая династия Боспорского государства 67, 141
Асандр, царь Боспорского государства 103–107, 130, 145
Аспург, царь Боспорского государства 106–108, 110, 123, 145
Астара, малоазийская богиня 33, 91

- Аурамазда (Ахурамазда), иранский бог 55, 124, 141
Афина, греческая богиня 151
Афродита, греческая богиня 91, 124, 148, 151
Ахемениды, династия древнеперсидских царей 78, 136, 137, 139, 142
Ахурамазда, см. *Аурамазда*
Баумгартен Фриц, немецкий историк 6
Биребиста (Буребиста), царь даков 79, 102, 142
Богиня Дева, таврская богиня 91
Вагнер Р., немецкий историк 6
Вар Публий Квинтилий, римский полководец 108, 145
Веселовский Николай Иванович, русский археолог и востоковед 140, 141
Виктория, см. *Победа*
Галл Дидий, римский полководец 109
Гелон, сын Геракла 140
Гелепирис, фракийская принцесса 108, 109, 145
Геракл, мифический герой 55, 110, 124, 140, 146
Гермес, греческий бог 148
Геродот, греческий историк 12, 23, 30, 32–40, 47–49, 52, 54, 55, 94, 135
Гея, см. *Земля*
Гиг (Гигес), царь Лидии 31, 137
Гигес, см. *Гиг*
Гигиенонт, правитель Боспорского государства 74, 142
Гиппократ, греческий врач 47, 140
Гистия (Гестия), греческая богиня 55, 141
Гомер, легендарный греческий поэт 125, 137, 138
Дарий I, царь государства Ахменидов 40, 139
Деметра, богиня греческая 91, 127, 143, 151
Демосфен, афинский оратор и политический деятель 83, 142, 143
Динамия, дочь Фарнака, жена Асандра и Полемона I 103–108, 111, 124, 150
Диодор Сицилийский, греческий историк 92, 144
Дион Златоуст (Хризостом), греческий оратор и философ 132, 148
Дионис, греческий бог 147, 148
Диофант, полководец Митридата VI 78
Евмел, царь Боспорского государства 73, 74, 92
Евнон, царь аорсов 109
Евпатор, царь Боспорского государства 110, 118, 123
Ернштедт Виктор Карлович, русский палеограф 5
Зевс, греческий бог 55, 143, 146, 147
Зелинский Фаддей Францевич, русский филолог 5
Земля (Гея), греческая богиня 55, 141
Зорсин, царь сираков 109
Исократ, афинский оратор и публицист 83, 143
Ифигения, героиня греческих мифов 91

- Калигула (Гай Цезарь Германик), римский император 109, 145, 146
Керенский Александр Федорович, русский политический деятель 5
Клавдий Тиберий Нерон Германик, римский император 109, 112, 146
Клеопатра, царица Египта 144
Колаксай, сын Таргитая 140
Комосария, царица Боспорского государства 91
Кондаков Никодим Павлович, русский историк 5
Кора (Персефона), богиня греческая 91, 127, 128, 143, 147
Корбулон Гней Домиций, римский полководец 112–114, 146
Котис (Котий) I, царь Боспорского государства 108, 109, 113, 145
Котис (Котий) II, царь Боспорского государства 117
Котис (Котий) III, царь Боспорского государства 118
Красс Марк Лициний, римский полководец 102, 142, 144
Ктесифонт, афинский государственный деятель 142
Латона, см. *Лето*
Левкон I, царь Боспорского государства 68, 69, 83, 138
Лепид Марк Эмилий, римский полководец, триумvir 104, 145
Лето (Латона), греческая богиня 143, 147
Липоксай, сын Таргитая 140
Лисимах, полководец Александра Македонского 41, 75, 85, 139
Ма, фригийская богиня 91, 143
Марк Аврелий Антонин, римский император, философ 118, 124, 147
Мельгунов Алексей Петрович, русский государственный деятель 37, 138
Мермнады, династия царей Лидии 137
Митридат VI Евпатор (Понтийский), царь Понта 6, 77–79, 92, 101, 103–108, 110, 111, 123, 124, 142
Митридат Пергамский, знатный грек 103
Митридат, правитель Боспорского государства, сын Аспурга 108, 109, 145
Моммзен Теодор, немецкий историк 5
Неоптолем, полководец Митридата VI 78
Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь, римский император 102, 112–115, 117, 144, 146
Низе Бенедикт, немецкий историк 6
Ника, см. *Победа*
Никитин Петр Васильевич, русский филолог-классик и археолог 5
Ниобида, греческая богиня 122, 147
Ниобиды, дети Ниобы 122, 147
Овидий Назон Публий, римский поэт 111, 132, 146
Одиссей, мифический герой 36, 138
Октавиан, см. *Август*
Палак, царь скифов 78
Пан, греческий бог 84, 143
Папай, скифский бог 55

- Парис, греческий бог 151
Пельман Роберт, немецкий историк 6
Перикл, афинский государственный деятель 67, 141
Перисад I, царь Боспорского государства 68, 70, 73, 138
Перисад II, царь Боспорского государства 74
Перисад III, царь Боспорского государства 150
Перисад V, царь Боспорского государства 76, 142
Персефона, см. *Кора*
Пифодорида, жена Полемона I 105, 106
Плавтий Сильван, римский политический и военный деятель 113, 114
Платон, греческий философ 125, 147
Плиний Младший, римский писатель 115, 142, 147
Плутон (Аид), греческий бог 127, 148
Победа (Ника, Виктория), богиня 116
Поланд Франц, немецкий историк 6
Полемон I, царь Понта и Боспорского государства 105–107, 111, 145
Полемон II, Царь Понта 109
Полемониды, династия царей Боспорского государства 108, 109, 145
Полиен, греческий писатель 143
Помпей Великий (106–48 до н. э.) Гней, римский полководец и государственный деятель 79, 103, 111, 123, 142, 144, 145
Помяловский Иван Васильевич, русский филолог-классик и археолог 5
Посейдон, греческий бог 110, 124, 146
Приап, греческий бог 148
Пританис, сын Перисада I 73
Протоген, ольвийский купец 63
Птолеми, династия царей эллинистического Египта 139
Реметалк, царь Боспорского государства 110, 117, 118, 147
Рескупорид (Рескупорий) I, царь Боспорского государства 114–116
Сабазий (Сабасий), фракийский бог 124, 128, 147
Савмак, раб, вождь восстания 142
Савромат I, царь Боспорского государства 115–117
Савромат II, царь Боспорского государства 118
Санерг, малоазийский бог 33, 91
Сасаниды, царская династия повоперсидского царства 51, 86, 127, 140
Сатир, греческий демон 74, 84, 85, 141
Сатир I, царь Боспорского государства 68, 69
Сатир II, царь Боспорского государства 73, 92
Святослав Игоревич, русский князь 139
Северы, династия римских императоров 118, 147
Селевкиды, правящая, малоазийская династия 137, 139
Силены, греческие демоны 74, 84, 85, 141
Скилур, царь скифов 75, 78, 114, 146

- Скиф, сын Геракла 55, 140
Скрибоний, царь Боспорского государства 104, 105
Соколов Федор Федорович, русский историк и археолог 5
Спартак, предводитель восстания рабов 142, 144
Спарток I, царь Боспорского государства 32, 67, 68, 138
Спарток II, царь Боспорского государства 68
Спарток III, царь Боспорского государства 74
Спартокиды, царская династия Боспорского государства 32, 68, 70, 74, 75, 80, 83, 103, 104, 125, 138
Стасов Владимир Васильевич, русский художественный и музыкальный критик, историк искусства 127, 148, 150
Страбон, греческий географ и историк 93, 94, 144
Табити, скифская богиня 55
Тантал, герой греческих мифов 147
Таргитай, мифический герой 55, 140
Тацит, римский историк 92, 94, 144
Тиберий Клавдий Нерон, римский император 107, 108, 112, 116, 132, 145
Тизенгаузен Владимир Густавович, русский нумизмат и археолог 140
Тиргатао, меотская царица 89, 143
Траян Марк Ульпий, римский император 115–117, 146, 147
Фарнак II, царь Боспорского государства 79, 101–103, 110, 142
Филипп II, царь Македонии 41, 139, 142
Флавии, династия римских императоров 102, 114, 144
Флавий Веспасиан, римский император 114, 144
Флавий Домитиан, римский император 114, 115, 144
Флавий Тит, римский император 114, 144
Цезарь Гай Юлий, римский политический деятель и полководец 79, 101–105, 110, 112, 142, 144
Шлиман Генрих, немецкий археолог 137
Эсхин, афинский оратор и политический деятель 83, 142
Ясон, мифический герой 138

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>А. Арсентьев. М.И. Ростовцев и его взгляд на древнюю историю юга России</i>	5
Предисловие	7
Роль юга России в истории мировой культуры	9
Юг России до начала греческой колонизации	17
Киммерийцы и скифы	27
Греческие колонии на северном побережье Черного моря до времени римского владычества	57
Синды, меоты, сарматы	87
Греческие колонии юга России в эпоху римского владычества	99
Государственность и культура в греческих городах юга России в эпоху римского владычества	119
Комментарии и примечания	133
Список иллюстраций	149
Указатель имен	152

Научно-популярное издание

Ростовцев Михаил Иванович

Эллинизм и иранство на юге России

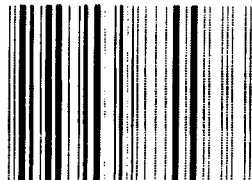
Ответственный редактор *А.В. Арсентьев*
Редактор *Д.И. Бутко*
Компьютерная верстка *В.И. Карпухин*
Оформление обложки и дизайн *И.П. Сибирмовская*
Корректоры *В.С. Акимова, И.М. Бройко*

Издательский дом «Книжная находка»
www.booknahodka.ru
По вопросам оптового приобретения обращаться по e-mail:
info@booknahodka.ru

Подписано в печать 11.11.2002 г. Формат 60х90 1/16
Гарнитура Петербург
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12. Тираж 1000 экз. Заказ № 5012

Отпечатано в Тверской областной типографии.
170000, г. Тверь, Студенческий пер., 28.

ISBN 5-94987-003-4

9 795949 870036

КНИГИ Издательского дома «КНИЖНАЯ НАХОДКА»

Издательский дом «КНИЖНАЯ НАХОДКА» – новое издательство и оптовая книготорговая фирма, ассортимент которой в 2002 году составляет около 50 наименований книг деловой и учебной тематики, научно-популярной литературы для широкого круга читателей.

Спрос на продукцию Издательского дома «КНИЖНАЯ НАХОДКА» быстро увеличивается. Причина проста – актуальность тем, высокое полиграфическое исполнение изданий и низкие оптовые цены.

Мы рады приветствовать вас на нашей страничке в сети Интернет – www.booknahodka.ru, где вы можете познакомиться с аннотациями на предлагаемые книги и узнать их стоимость.

Вышли серии книг:

«ПРАВОВОЕ ПОЛЕ»

Крысин Л.П., Статкус В.Ф. «Обвинительное заключение: язык и стиль»;
Статкус В.Ф., Цоколов И.А., Жидких А.А. «Предъявление обвинения и составление обвинительного заключения»;
Образцов В.А., Кручинина Н.В. «Преступление. Расследование. Проверка достоверности информации»;
Тайна преступника: Сборник;
Кларк Р. «Преступность в США» и др.

«КОЛЫБЕЛЬ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Ростовцев М.И. «Рождение Римской империи»;
Ростовцев М.И. «Эллинизм и иранство на юге России» и др.

«ЮНОСТЬ ЕВРОПЫ»

Дживелегов А.К. «Средневековые города в Западной Европе»;
Петрушевский Д.М. «Очерки из истории средневекового общества и государства» и др.

«ЯПОНСКИЙ САД»

Николаева Н.С. «Япония – Европа»;
Николаева Н.С. «Художественная культура Японии XVI столетия» и др.

«БИБЛИОТЕКА СОБАКОВОДА»

Гриценко В.В. «Дрессировка начинающим»;
Гриценко В.В., Гурьева С.Ю. «Жизнь собаки в вопросах и ответах»;
Гриценко В.В. «Воспитание и перевоспитание собаки» и др.

По вопросам оптовой закупки книг обращаться в редакцию
Издательского дома «КНИЖНАЯ НАХОДКА»
по тел./факсу: (095) 205-34-70
e-mail: info@booknahodka.ru

**В 2002 ГОДУ
УВИДЯТ СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «КНИЖНАЯ НАХОДКА»:**

Серия «Колыбель цивилизации»

Ростовцев М.И. «Рождение Римской империи»

Основанная на многочисленных источниках работа известного ученого-антиковеда М.И. Ростовцева (1870–1952) посвящена периоду гражданской войны в Древнем Риме и первым десятилетиям существования Римской империи.

Книга рассчитана на широкий круг любителей истории.

Ростовцев М.И. «Эллинизм и иранство на юге России»

Книга известного русского ученого-антиковеда М.И. Ростовцева (1870–1952) посвящена истории древних народов, населявших территорию юга России: киммерийцев, скифов, меотов, синдов, сарматов и их взаимодействию с населением греческих городов и государств Северного Причерноморья.

Книга рассчитана на широкий круг любителей истории.

Серия «Юность Европы»

Дживелегов А.К. «Средневековые города в Западной Европе»

Работа известного отечественного историка и культуролога А.К. Дживелегова (1875–1952) посвящена истории развития европейских городов как торгово-экономических центров в эпоху Средневековья.

Книга рассчитана на широкий круг любителей истории.

Петрушевский Д.М. «Очерки из истории средневекового общества и государства»

Работа известного отечественного историка Д.М. Петрушевского (1863–1942) посвящена истории поздней Римской империи, а также развитию государственных и национальных образований германцев, англосаксов, остготов и франков на территории средневековой Европы.

Книга рассчитана на широкий круг любителей истории.